П.П. Каминский

«Время и бремя тревог»

Публицистика Валентина Распутина

ФЛИНТА • НАУКА

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

П.П. Каминский

«ВРЕМЯ И БРЕМЯ ТРЕВОГ»

Публицистика Валентина Распутина

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2012

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Распутин В.Г.
К18

Издание подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-04-64401 а/Т)

Рецензент:
д-р филол. наук. *И.И Плеханова*;

Научный редактор:
д-р филол. наук *В.А. Суханов*

Каминский П.П.
К18 «Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина: монография / П.П. Каминский. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — 240 с.
ISBN 978-5-9765-1337-2 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-037742-4 (Наука)

Публицистика Валентина Распутина впервые рассматривается как целостное высказывание о человеке и бытии. Предпринимается попытка системной реконструкции мировоззрения писателя, факторов его формирования, этапов становления и развития Исследование мировоззренческих доминант и образованных ими концептуальных уровней мировоззрения позволяет обнаружить те свойства мышления В. Распутина, которые формируют персональную картину мира и определяют художественное творчество. Книга открывает значение публицистического типа высказывания для самосознания писателя и углубляет представления о месте и роли публицистики в его творческой системе.

Для литературоведов, преподавателей-словесников, аспирантов и студентов гуманитарных направлений, а также широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной литературы XX в

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Распутин В.Г.

ISBN 978-5-9765-1337-2 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-037742-4 (Наука)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Валентин Григорьевич Распутин — одна из центральных фигур литературного процесса второй половины XX в. Как писал С.П. Залыгин, «Валентин Распутин вошел в нашу литературу сразу же, почти без разбега и как истинный мастер художественного слова, а повторять, что произведения его значительны, что, минуя их, сегодня уже нельзя серьезно рассуждать о нынешней русской и всей советской прозе, нет, очевидно, никакой необходимости»[1]. Третья по счету солженицынская премия была присуждена именно В. Распутину, А.И. Солженицын связал с именем писателя тот переворот в литературе, который заключался в возрождении традиционной нравственности[2]. Вглядевшись в корневые основы жизни народа, саму субстанцию народного существования, писатель предельно усилил нравственно-философское звучание прозы о деревне, создал модель единого мира, сущего и должного человеческого бытия (Г.А. Белая).

На протяжении всего творчества публицистика была частью литературной работы, внутренней потребностью художника в прямом общении с обществом, которая усилилась после «Пожара» (1985), когда В. Распутин, крайне болезненно переживающий социальные процессы перестройки и постперестройки, проявил себя и как публицист, крупнейший общественный деятель.

Несмотря на место и роль публицистики в творчестве В. Распутина, в распутиноведении на сегодня сложилась парадоксальная ситуация: при всей изученности его повестей и рассказов (В. Шапошников, Г.А. Белая, Н.С. Тендитник, С.Г. Семенова, В.Я. Курбатов, Н.Н. Котенко, А.Ф. Лапченко, И. Дедков, Г. Боча-

[1] Залыгин С. Повести Валентина Распутина // Залыгин С. Собр. соч в 6 т. Т. 6. Рассказы 1981—1989 Литературно-критические статьи М , 1991 С. 446

[2] Солженицын А. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 // Новый мир. 2000. № 5. С. 186—189

ров, В.Е. Ковский, И.И. Плеханова, О.Н. Шахерова, С В. Перевалова, А.В. Урманов, D. Gillespie, G. Hosking, D. Brown, T. Polowy, K. Parté, G. Diment, J. Dunlop и т.д.) публицистический дискурс практически не изучен, отсутствуют работы, в которых бы он рассматривался целостно, как несобственно-художественное высказывание автора о человеке и бытии. Предлагаемая книга впервые рассматривает публицистику писателя в таком аспекте. В анализе поэтики и проблематики материала (публицистические работы В. Распутина, написанные с марта 1957 г) предпринята попытка системной реконструкции мировоззрения писателя, факторов его формирования, этапов становления и развития Исследование мировоззренческих доминант и образованных ими концептуальных уровней мировоззрения (онтологического, историософского, социально-философского, этического и эстетического) позволяет обнаружить те свойства мышления В. Распутина, которые формируют персональную картину мира и определяют художественное творчество.

Книга открывает значение публицистического типа высказывания для самосознания В. Распутина и углубляет представления о месте и роли публицистики в его творчестве. Ее цель, с одной стороны, устранить ситуацию сущностного непонимания позиции писателя, с другой, устранить заблуждения, сложившиеся вокруг его публицистики как «справа», так и «слева» в современной общественной мысли.

Предпринятый анализ позволяет скорректировать взгляды на творчество писателя как художественную систему, в которой традиционный тип ментальности предстал в двух принципиально разных социально-исторических ситуациях – стабильности и модернизации, уточнить сложившиеся представления о причинах художественного кризиса В. Распутина 2-й половины 1980–2000-х годов.

Публицистика понимается нами как тип высказывания, в котором максимально развернуто такое свойство мышления и коммуникативной ситуации, как публицистичность[3]. Публицистич-

[3] Каминский П П. Принципы исследования публицистики на современном этапе // Вестн. Том. гос ун-та. Филология. 2007 № 1. С. 97–105.

ность — характеристика интенции и позиции автора, который отождествляет себя с неким корпоративным целым, выступает не сам по себе, а от лица какой-либо общности (коллектива единомышленников, социальной группы, общества в целом), и непосредственно выражен как личность оценивающая. Содержание публицистического высказывания тяготеет к опредмеченности в этических определениях, выражает определенное ценностное отношение к чему-либо. Мысль, чистая познавательно-моральная оценка полностью совпадает с автором, выражена напрямую и ориентирована на навыки суждения и способ мышления адресата. Публицистический дискурс, представляя собой разновидность риторического, прагматичен, выполняет эмотивную функцию и направлен на достижение конкретного эффекта внушения, убеждения или побуждения. Логику высказывания, направленного на убеждение, определяет нередуцированный аналитизм. Писательская публицистика — переходное явление, объединяющее публицистичность и художественность как разные типы и способы мышления, предшествующие собственно художественному.

Ключевая категория настоящего исследования — это мировоззрение, которое может быть рассмотрено как имманентно, так и во взаимоотношении субъекта и реальности. С точки зрения имманентного рассмотрения, в него входят мироощущение, мирочувствование, латентные состояния, не ставшие предметом саморефлексии, но способные актуализироваться в жизненной практике (архетипический уровень). С другой стороны — рациональный уровень. В единстве этих двух уровней мировоззрение предстает как содержательная структура, определяющая способ осмысления мира. Взятое в аспектах взаимоотношения с реальностью, мировоззрение может быть исследовано на трех структурообразующих и взаимодетерминирующих предметных уровнях (любое изменение в их рамках трансформирует систему мировоззрения в целом, обеспечивает процессуальность познания и изменчивость картины мира): *бытие* (природное, метафизическое), *социум* (социальная группа, народ, человечество); *человек* (индивид / личность, рациональное / чувственное, индивидуальное / коллективное существо и т.п.).

В соответствии с теоретическими представлениями о структуре мировоззрения, составляющего предмет исследования, выстраивается и структура книги.

В первой главе *«Публицистика Валентина Распутина. Формирование мировоззренческой системы»* на материале ранней и зрелой публицистики в диахронном аспекте реконструируется картина мира писателя, структурообразующие уровни (доминанты) его мировоззрения (представления о человеке, социуме, бытии), определяются факторы, обусловившие формирование мировоззренческой системы.

Во второй главе *«Долженствование в этической системе Валентина Распутина»* рассматривается этическая система писателя, включающая представления о происхождении и генезисе нравственного долга, деонтологической миссии искусства, противоречиях, возникающих при осуществлении и передаче этических норм в современности.

В третьей главе *«Что в слове, что за словом?» Проблемы литературы и искусства»* — анализируются принципы эстетического мышления и художественной практики писателя, его культурфилософские взгляды.

Четвертая глава *«В поисках «смысла давнего прошлого». Историософия Валентина Распутина»* посвящена авторской философии истории. Здесь анализируются разные аспекты ее осмысления, выявляется своеобразие историзма мышления писателя

В пятой главе *«Сумерки людей». Писатель перед лицом современности»* анализируется осмысление В. Распутиным экологических и социально-нравственных проблем России рубежа XX и XXI вв.; высказывается версия о сущности и причинах мировоззренческого кризиса писателя в поздний период творчества.

ПУБЛИЦИСТИКА ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА. ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Публицистика в творчестве Распутина

В публицистике писателя можно выделить три этапа: первый – с 1957 по 1966 г., второй – с 1966 по 1979-й, и третий – с 1979 по 2000-е годы.

Начало творчества приходится на хрущевскую оттепель и связано с журналистской работой в газете Иркутского обкома ВЛКСМ «Советская молодежь», куда, будучи студентом историко-филологического факультета Иркутского госуниверситета, В. Распутин устраивается внештатным корреспондентом[1]. 30 марта 1957 г. в газете публикуется первый его репортаж «Скучать совсем некогда», рассказывающий о том, как проводят весенние каникулы ученики 46-й семилетней школы 2-го поселка строителей Иркутской ГЭС. С января 1959 г., одновременно с завершением учебы в университете, В. Распутин переходит в штат редакции, куда его принимают на ставку библиотекаря. В первый год в качестве внештатного корреспондента «Советской молодежи» В. Распутин публикует шесть материалов, в 1958 – 16, в 1959 – 28, в 1960 – 29, в 1961 – 18. Всего с 1957 по 1961 г. – 97 публикаций[2]. В это время будущий писатель работает в таких жанрах, как информационная заметка, репортаж, критическая корреспонденция, комментарий, портретная зарисовка, очерк, фельетон. Некоторые публикации выходят под псевдонимами «Р. Валентинов» и «В. Каирский».

---

[1] Распутин В. Быть самим собой / беседу вел Е. Осетров // Вопросы литературы. 1976. № 9. С. 143.

[2] Валентин Григорьевич Распутин: биобиблиогр. указ. / сост. Г.Ш. Хонгордоева, Э.Д. Елизарова с участием Л.А. Казанцевой; науч.-библиогр. и техн.-библиогр. ред. Л.А. Казанцевой; ред. Л.В. Войлошникова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.

В августе 1961 г. В. Распутин увольняется из «Советской молодежи» и устраивается на должность редактора литературно-драматических программ Иркутской студии телевидения. Здесь он проработал всего полгода и был уволен за подготовку (совместно с поэтом С. Иоффе) программы о судьбе репрессированного иркутского писателя П.П. Петрова. В августе 1962 г. В. Распутин переезжает на постоянное место жительства в Красноярск и становится литературным сотрудником редакции газеты «Красноярский рабочий», но почти полтора года не публикуется, пока в феврале 1963-го не устраивается специальным корреспондентом в молодежную газету «Красноярский комсомолец». Как специальный, т.е. командируемый к месту событий корреспондент, В. Распутин много ездит по Восточной Сибири: на железнодорожную трассу Абакан–Тайшет, на строительство гидроэлектростанций и рудников Талнаха, в сельские районы Красноярского края и т.д.

Уже за первый год работы в «Молодежке» В. Распутин публикует 30 материалов, в том числе два очерка в «Красноярском рабочем» и два очерка в «Советской молодежи». В 1964 г. выходит 17 публикаций в «Красноярском комсомольце» и очерк в «Советской молодежи», в 1965 — 19 газетных и одна журнальная публикация (очерк в журнале «Огонек»), в 1966 — по одному очерку в «Красноярском комсомольце» и альманахе «Енисей». Всего — 70 публикаций за красноярский период жизни и 167 за время работы в журналистике.

В марте 1966 г., опубликовав уже несколько рассказов («Я забыл спросить у Лешки», «Человек с этого света», «Ветер ищет тебя», «Имена», «Глобус», «На снегу остаются следы», «И десять могил в тайге», «Продается медвежья шкура», «Эх, старуха...») и имея за плечами опыт семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока (Чита, сентябрь 1965), на котором талант начинающего прозаика был высоко отмечен В. Чивилихиным, В. Распутин уходит на профессиональную писательскую работу и возвращается в Иркутск.

Итог первого — журналистского — этапа творческого пути В. Распутина, продлившегося девять лет, подвели две книги

1966 г. — «Костровые новых городов»[3] и «Край возле самого неба»[4]. Они включили в себя очерки и первые рассказы В. Распутина, опубликованные за пять последних лет на страницах «Советской молодежи», «Восточно-Сибирской правды», «Красноярского комсомольца», «Красноярского рабочего», альманахов «Ангара» и «Енисей»

Сразу после возвращения писателя в Иркутск с апреля по август 1966 г. публикуются рассказы «Рудольфио», «В общем вагоне», «Мы с Димкой», «Мама куда-то ушла», «День рождения». В 1967 – «Мужчины», «Там, на краю оврага». С конца 1960-х до начала 1980-х годов создается все хрестоматийное наследие зрелого В. Распутина: «Василий и Василиса», «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Вниз и вверх по течению» (1972), «Уроки французского» (1973), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матерой» (1976), «Что передать вороне?» (1981), «Наташа», «Не могу-у...», «Век живи — век люби» (1982) и др.

После 1966 г. и вплоть до 1979 г. («Абстрактный голос»[5], «Иркутск с нами»[6]) В. Распутин не обращается к публицистике (в 1975 и 1977 гг. переиздаются очерки начала 1960-х годов[7]). В это же время он дает много интервью и выступает публично, в основном, по вопросам эстетики, литературы и искусства, про-

---

[3] Распутин В Костровые новых городов· Очерки Красноярск: Краснояр. кн изд-во, 1966. 100 с. Содерж : Продолжение саянской легенды, Золотые костры романтики; А потом пойдет поезд; Возвращение; Подари себе город на память, Пять последних шагов, Мое открытие Талнаха; Володя и Слава.

[4] Распутин В Край возле самого неба: Очерки и рассказы. Иркутск: Вост -Сиб кн изд-во, 1966 66 с Содерж.. Край возле самого неба; В Саяны приезжают с рюкзаками, Продолжение песни следует; От солнца до солнца; На снегу остаются следы; И десять могил в тайге; Продается медвежья шкура; Эх, старуха; Человек с этого света

[5] Вост -Сиб правда 1979 28 июля С 2. О случаях формального отношения к работе служащих телефонной станции и аэровокзала в Иркутске

[6] Сов культура. 1979. 14 сент. С. 6.

[7] Распутин В Самый лучший маяк для молодых; Свет мира, Первый поезд // Здравствуй, Абакан Тайшет. Красноярск, 1975. С 6—10, 192—199, 247—250, Край возле самого неба // Слиток. М., 1977. С 5—16; Первый поезд // Октябрьский марш: Приангарье. Иркутск, 1977 С. 266—268

бует себя в литературной критике, пишет очерки о творчестве и предисловия к публикациям сибирских писателей: Г. Машкина, В. Сидоренко, А. Преловского, А. Ольшанского, В. Золотухина, предисловие к сборнику собственных повестей, воспоминания о друге А. Вампилове и пр.

Активизация публицистической мысли В. Распутина приходится на начало 1980-х годов и обусловлена как социально-политическими (перестроечными), так собственно литературными (кризис прозы национального самосознания) причинами. В период перестройки и после публицистика становится доминирующей в творчестве писателя, образуя свой план и в его художественных произведениях: повесть «Пожар» (1985), рассказы «В одном сибирском городе», «Сеня едет» (1994), «В больнице», «Женский разговор», «В ту же землю», «По-соседски» (1995), «Видение», «Нежданно-негаданно», «Вечером», «Поминный день» (1997), «Новая профессия» (1998), «Изба», «На родине» (1999), «Под небом ночным» (2002), «В непогоду» (2003), повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003).

С 1979 г. публикуется более двух с половиной сотен очерков, статей, рецензий, выступлений, высказываний В. Распутина. Писатель дает около полутора сотен интервью. В 1987 г. выходит публицистический сборник «Что в слове, что за словом?: Очерки, интервью, рецензии»[8]. В 1991 — сборник очерков «Сибирь, Сибирь...»[9]. В 1993 — сборник публицистики рубежа 1980—1990-х годов «Россия: дни и времена»[10]. В 2000-е годы выдерживает несколько переизданий сборник бесед В. Распутина с журналистом «Советской России» и «Правды» В. Кожемяко 1990—2000-х годов — «Последний срок: диалоги о России»[11].

---

[8] Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 336 с.

[9] М.: Мол. гвардия, 1991. 304 с. (Отечество Старое. Новое. Вечное). Переизд.: Собр. соч.: в 3 т. М.: Мол. гвардия: Вече-АСТ, 1994. Т. 3. Сибирь, Сибирь..., Очерки; Публицистика. 1994. 493 с., Иркутск, 2000. 256 с.; Иркутск: Издатель Сапронов, 2006. 576 с.

[10] Иркутск. Изд-во журнала «Сибирь» совм. с товариществом «Письмена», 1993. 232 с.

[11] Распутин В., Кожемяко В. Последний срок: диалоги о России. 1993—2003. Трудные времена глазами писателя и журналиста / 2-е изд. М.: Воскресенье, 2006. 160 с.

В 2007-м, в год 70-летия В. Распутина, выходит сборник, включивший в себя избранные публицистические выступления и повесть «Пожар», не вошедшую в юбилейный четырехтомник прозы писателя[12]. — «В поисках берега»[13]. Публицистические произведения писателя включаются и в сборники его прозы.

Публицистичность является существенным моментом творчества писателя. В процессе журналистской работы В. Распутин обращается и к жанру очерка, в котором публицистичность вырастает в эссеизм и соединяется с повествовательностью («Край возле самого неба», «Вниз и вверх по течению»). В публицистике В. Распутина последних трех десятков лет рассматривается самый широкий спектр общественно-политических и социокультурных проблем (исторический путь России и современность, экология и нравственность и т.д.). В 1980—1990-е годы В. Распутин продолжает заниматься литературной критикой, публикует десятки вступительных статей и послесловий, рецензий и творческих портретов писателей. В интервью этих десятилетий активно обсуждаются вопросы эстетики и поэтики, литературного процесса, проблемы искусства.

В конце 1970 — начале 1980-х годов В. Распутин-публицист обладал безусловным авторитетом в российском обществе. С конца же 1980-х годов наметились две противоположные тенденции в оценке личности и современного творчества писателя. С одной стороны, оценка неприятия или снисходительного сочувствия (А. Латынина, С. Федякин, Д. Быков, А. Агеев и т.д.), утвердившаяся после того, как В. Распутин подписался под «Словом к народу» (1991). «Говорят: он губит свой талант, он предал свое назначение. Перо изменило ему — и поделом: кликушествует, купается в грязи, связался с фашистами»[14]. С другой стороны, консервативно ориентированная часть писательской общественности («Наш современник», «Молодая гвардия»,

[12] Распутин В.Г. Собрание сочинений в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.

[13] Распутин В. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. 528 с.

[14] Басинский П. Memento mori. В. Распутин, большой и маленький // Лит. газ. 1992. № 44 (5421). 28 окт. С. 4.

«Москва», «Сибирь» и др.) сделала В. Распутина своим «знаменем» (В. Карпов, В. Курбатов, Н. Котенко, И. Стрелкова, В. Крупин, А. Старцев, В. Семенова и др.). Эти две тенденции в оценке писателя актуальны и по сей день благодаря неизменной позиции В. Распутина.

«Откуда есть-пошли мои книги»: генезис мировоззрения писателя

Прямое слово публицистики открывает истоки мировоззрения В. Распутина. Основные мировоззренческие доминанты складываются, с одной стороны, из личного жизненного опыта, который актуализировал определенные архаические структуры (архетипы) сознания, сформировал основные ценностные предпочтения, с другой стороны, в процессе освоения культурного дискурса, включающего в себя народный язык и патриархальную культуру, классическое наследие русской литературы и литературу современную, историографию, философию, религию и т.д. Все это определяет вектор осмысления и оценки истории и современных общественных процессов, представления о роли литературы и месте художника в обществе.

Сам В. Распутин полагает, что основы мировоззрения формирует чувство родины: «Мировоззрение художника – это, прежде всего, родина, ее судьба, ее правостояние и благосостояние»[15]. Центром мира, исходной точкой его освоения является малая родина; здесь приобретается начальный опыт человека, к которому потом присовокупляется опыт, приобретенный в процессе жизни: «Родину, как и родителей, не выбирают, она дается нам вместе с рождением и впитывается с детством. Для каждого из нас это центр Земли, независимо от того, большой это город или маленький поселок где-нибудь в тундре. С годами, становясь взрослей и обживая свою судьбу, мы присоединяем к этому центру все новые и новые края, можем сменить место житель-

[15] Распутин В. Что в слове, что за словом? // Лит в шк 1987 № 3. С. 13.

ства и переехать в провинцию <...> но центр по-прежнему там, на нашей "малой" родине. Ее сменить нельзя»[16]. Малая родина осмысляется как первичный источник нравственного сознания: «Первые и самые прочные представления о добре и зле, о красоте и уродстве мы выносим из нее (из родной земли. – *П.К.*) и всю жизнь затем соотносим с этими изначальными образами и понятиями»[17]. Значение родины для личности писателя накладывает на него особую ответственность. Поэтому именно родина, по убеждению В. Распутина, должна быть основным предметом литературы – как в прозе В. Золотухина, который «с нежной памятью пишет о своей родине и ее людях, который благодарен ей за свое рождение и воспитание и за свой язык»[18].

В феврале 1997 г., обобщая и развертывая высказывания 1970–1990-х годов, В. Распутин пишет «Автобиографическое повествование: Откуда есть-пошли мои книги»[19]. Он уверен, что « писатель начинается в детстве от впечатлений, которыми напитывается именно тогда»[20]. Детство – период максимальной открытости миру, ребенок уподобляется губке, переживания, участвовавшие в становлении личности, впоследствии питают художественные произведения. В. Распутин вспоминает детские годы, судьбу отца, школу, учебу в университете, первые увлечения и разочарования. Можно выделить несколько факторов, повлиявших на формирование мировоззрения писателя.

Первый фактор можно условно определить как онтологический. В детстве происходит формирование самоощущения, характеризующегося переживанием себя как части единого природного универсума, структурообразующим элементом ко-

---

[16] Распутин В. Вопросы, вопросы.. // Распутин В Что в слове, что за словом?. Очерки, интервью, рецензии Иркутск, 1987 С 165.

[17] Там же

[18] Распутин В. [Предисл к публ. повести В. Золотухина «Дребезги»] // Юность. 1978. № 11 С. 42–43.

[19] Распутин В. Откуда есть-пошли мои книги // Распутин В.Г. Избранные произведения М., 1997 Т. 1 С 5–14.

[20] Цит. по публ. Распутин В Откуда есть-пошли мои книги // Распутин В.Г. В поисках берега Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск, 2007. С. 501.

торого в сознании писателя выступает река (Ангара): «Река участвует во всем круговороте жизни тех, кто населяет ее берега. Они, не всегда об этом подозревая, поклоняются ей, относятся к ней, как к той живой и неизменной вечной связи, которая соединяет все поколения, и прошлые, и будущие»; «...река участвует в создании нашего характера, взглядов, всего нашего человеческого состава»[21]. Семья как часть родового, национального космоса, по В. Распутину, — момент производный от бытийного. Родители (мать и бабушка) – продолжение животворящей сущности природы, жизненной энергии, воплощаемой рекой, их влияние на формирование личности писателя — составляющее в общем воздействии природного целого: «Первые мои впечатления связаны с Ангарой, потом с матерью и бабушкой. Я понимаю, что должно быть наоборот, ведь не Ангара же вспоила меня грудным молоком, но, сколько ни веду я в себе раскопки, ничего прежде Ангары не нахожу»[22].

К этому же фактору можно отнести ощущение В. Распутиным своего этнического происхождения, связанного, одной стороны, с историческими обстоятельствами покорения Сибири, с другой стороны, с особенностями ландшафта Приангарья. Писатель прослеживает свой род от выходцев с Русского Севера (из мурманских и архангельских краев), отмечает в себе и «примесь коренной сибирской породы, этакую тунгусскооватость»[23]. В. Распутин констатирует в себе основные духовные качества, выделяемые в русском первонасельнике Сибири, а также изначально заложенное в собственной душевной структуре сознание коренного жителя сибирской тайги, генетическую связь с окружающим природным миром, обусловленность характера ландшафтом.

Кроме того, на формирование основ мировоззрения В. Распутина в детстве влияет переживание социальной организации родной Аталанки. В деревенской общине родовой уклад нахо-

---

[21] Распутин В Вверх и вниз по течению / подгот. Л Ронин // Природа и человек 1984 № 11. С. 33

[22] Распутин В Откуда есть-пошли мои книги // Распутин В.Г. В поисках берега Иркутск, 2007. С. 502

[23] Там же С. 502.

дится в органическом единстве с природой. В патриархальной среде сибирской деревни В. Распутин усваивает основные принципы коллективистической родовой этики: «В послевоенную пору, когда я полностью вошел в память, вся деревня жила одним миром. Слово "колхоз" было понятием не хозяйственным, а семейственным...»[24] По воспоминаниям писателя, «в деревне люди делились всем, что было: и картошкой и мукой»[25]. Когда за потерю государственных денег арестовали отца писателя, соседи спрятали все подлежащее конфискации имущество семьи Распутиных, а потом вернули «с прибытком»[26].

Община характеризуется сдержанностью культуры, что объясняется тяжелыми условиями выживания в годы детства В. Распутина, поэтому фольклор занимает строго определенное место в иерархии коллективных ценностей и бытует только в процессе хозяйственной деятельности. «У нас деревня была суховатая на песню и сказку. Почему так получилось, не пойму — может быть, от надсадного житья. Водились, конечно, и песня, и сказка — где они не водились? — но как-то без поклонения, в припомин. Не собирались по привычке в долгие зимние вечера, как в иных местах, которые я встречал, чтобы под треск камина присластить свою жизнь напевной стариной. Но за прялками, за вязанием, за починкой под треск того же камина любили рассказывать былички — всякие страшные истории с домовыми, лешими, водяными»[27]. В. Распутин воспринимает фольклорные образы как часть народной поэтической мифологии, необходимой общине в процессе освоения природного мира: «Я так и уехал из деревни, не встретив ни домового, ни лешего, ни баннушки, ни русалки, но, когда писал "Прощание с Матерой", не мог обойтись без хозяина острова. Это не дань язычеству, а дань поэзии, без которой не жил народ»[28].

---

[24] Распутин В. Откуда есть-пошли мои книги .. С. 509.

[25] В. Распутин Тихая его родина // беседу вел Н. Савельев // Рос. газ. 1999 6 нояб С. 5

[26] Там же.

[27] Распутин В. Откуда есть-пошли мои книги . С. 507.

[28] Там же.

На уровне веры писатель сохраняет связь с мифопоэтическими представлениями народа, что реконструируется в его онтологии и гносеологии: «Да и, признаться, я продолжаю верить, что вопреки полной просвеченности мира, должны существовать следующие из глубокой древности земные наши хранители»[29]. Фольклор — «заповедник» нравственности и языка — называется первичным и самым достоверным источником, из которого В. Распутин черпает свои представления о народной душе: «Фольклор более и полнее, чем что-либо другое, выявляет народную душу. Изустно передававшиеся из поколения в поколение песни, сказки, былины, плачи и верования, не говоря уж о малых формах, несут в себе от самых корней духовную историю и духовную жизнь народа»[30]. В интервью 1977 г. «Болеть человеческой болью...» говорится об увлечении сбором фольклорно-этнографического материала[31].

На мировоззрение писателя влияет народный язык: «Языковая стихия, которой владеет писатель, приходит к нему, наверное, в детстве и ничем ее, никаким литературным языком выправить невозможно. Этот опыт многих поколений, выраженный в языке, приходит затем к писателю»[32].

В. Распутин отмечает значение чтения и образования в собственном развитии как художника. В начале творческого пути он самоопределяется по отношению к русской и мировой литературе. Как человек своего поколения, начинающий литератор переживает увлечение переводной литературой (Э. Хемингуэй, Э.М. Ремарк, В. Борхерт и др.), хлынувшей в СССР после XX съезда КПСС: «...мы зачитывались ею, восхищались, забывая, что у нас прекрасная литература и своя классика. Читали ее как-то меньше»[33]. В дальнейшем сфера

---

[29] Распутин В. Откуда есть-пошли мои книги... С. 507.

[30] Распутин В. В некотором царстве, в некотором государстве: [Предисл.] // Русские сказки Забайкалья. Иркутск, 1983. С. 6.

[31] Распутин В. Болеть человеческой болью... / беседу вела Н.С. Тендитник // Сов. молодежь. 1977. 29 нояб. С. 2.

[32] Там же.

[33] Там же.

интересов смещается к освоению русской классики. Главное обстоятельство здесь — понимание литературы как формы национального самосознания: «...с возрастом, с опытом <...> Пришлось возвращаться опять к классике и учиться больше у нее, поскольку она — есть выражение нашего национального духа»[34]. Русская классика XIX — начала XX в. занимает приоритетное место в иерархии писательских ценностей. Она осмысляется как абсолютная мера всей современной литературы в целом и своего творчества в частности: «Классика — это литература, завершившая эволюцию. Эволюцию от эмбрионального художественного слова до полнокровного художественного организма Зачем и для чего начинать все с начала?»[35] В. Распутин выделяет целый ряд значимых имен (А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Л.Н Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.С Лесков, И.А. Бунин, М.М. Пришвин и др.), но особо подчеркивает ценность для себя гносеологии Ф.М. Достоевского и поэтики И.А. Бунина: «У одного я брал уроки проникновения в человеческую душу, у другого — литературной живописи»[36]; «Меня привлекал напряженный психологизм Достоевского, страсти его героев, умение все рассказать о человеке. Бунин же привлекает меня отточенным литературным мастерством, ощущением весомости слова, короче говоря, умением писать и живописать»[37].

На эстетику В. Распутина влияют художественные поиски современников: А. Вампилова, В. Шукшина, С. Залыгина, В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Быкова, В. Белова, А. Адамовича, Н. Рубцова и др. Знакомство с их работами и личное общение с ними, как утверждает писатель, помогло ему «твердо осознать, что нужно делать в литературе»[38].

---

[34] Распутин В Болеть человеческой болью... С. 2

[35] Распутин В Много дела на земле / беседу вел Э Максимовский // Студ меридиан. 1981 № 2. С. 36.

[36] Распутин В. Родина — изначальна / интервью вел А Клейн // Сов. молодежь. 1984. 13 нояб. С. 2

[37] Распутин В Быть самим собой.. С. 145.

[38] Распутин В Родина — изначальна... С. 2.

В 1970-е годы происходит знакомство с историографией[39] и русской философией[40]. В разные годы в публицистике упоминаются имена таких философов, как Н.К. Рерих, И.А. Ильин, В.Н. Ильин, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, Г.П. Федотов, В.В Розанов, Л. Шестов, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.С. Трубецкой, С.Л. Франк, Н.О. Лосский.

Важным фактором на этапе зрелого творчества является Православие. Писатель обращается к вере осознанно. Как указывает Н.С. Тендитник, в 1978 г. он принимает Святое Крещение в Ельце от старца Исаакия[41]. Архимандрит Исаакий (И.В. Виноградов, 1895–1981) – участник Первой мировой и Гражданской войн, белоэмигрант, окончивший Православный Свято-Сергиевский богословский институт в Париже и во время учебы постриженный в монахи митрополитом Евлогием (В.С. Георгиевским). В 1945 г. он был арестован органами СМЕРШ в Праге и осужден за сотрудничество с Русским общевоинским союзом. Пройдя карагандинский лагерь НКВД и ссылку, осел в Ельце, став настоятелем Свято-Вознесенского собора. Таким образом, оказывается значимым не только факт воцерковления В. Распутина, но и сама фигура вероучителя, обеспечивающего прямой контакт с традицией русской религиозной философии, с интеллектуальной традицией Русского Зарубежья.

Итак, мировоззрение В. Распутина формируется в ходе «жизненных университетов»[42] – под влиянием опыта, полученного на протяжении жизненного пути. Этот процесс сопровождается освоением, по меньшей мере, пяти культурных дискурсов: народного языка и патриархальной культуры, воспринятых в детстве, русской и зарубежной литературы XIX – начала XX века, современной литературы, отечественной историографии (в том числе

---

[39] Распутин В Душа крепка корнями ./ беседу вел Г Бутаков // Вост.-Сиб. правда 1987. 15 марта. С 2.

[40] Распутин В. Болеть человеческой болью С. 2.

[41] Тендитник Н.С. [Валентин Григорьевич Распутин]: Факты биографии и творчества // Русскій Востокъ. Иркутск, 2002. № 11 (178). 15 марта.

[42] Распутин В Болеть человеческой болью. С. 2.

региональной) и русской философской (религиозной) мысли. Все эти влияния раскрываются в прямом слове публицистики, определяют систему критериев оценки чужих произведений в критике, а также сам круг рассматриваемых художников.

«Молодость, какая она есть»: журналистская деятельность Распутина на рубеже 1950–1960-х годов

Журналистская деятельность В. Распутина конца 1950 – начала 1960-х годов не может быть осмыслена без учета социокультурного контекста хрущевской оттепели, в котором шло формирование его личности и таланта. На содержание и тональность ранних публикаций В. Распутина в газетной периодике в значительной степени воздействовали и чисто «профессиональные» факторы: политика редакций, принципы отбора тем, способы их жанрового и стилистического воплощения, формы организационно-массовой работы (работа с письмами, рейды и комсомольские посты, выездные редакции и т.д.), принятые как в советской прессе вообще, так и в комсомольских газетах в частности. При рассмотрении журналистских материалов молодого В. Распутина выявляется их полное соответствие основным тенденциям и идеологическим стандартам той эпохи.

Тип молодежной газеты обусловил тематическую специализацию молодого журналиста. Первые публикации в «Советской молодежи» были посвящены школьной и студенческой жизни, пионерской и комсомольской работе, вопросам организации досуга молодежи, ее вовлечения в общественную жизнь населенных пунктов и районов Иркутской области. Специфику деятельности В. Распутина-корреспондента во многом определяет повседневная журналистская «текучка». Он выполняет социальный заказ, представляет участие комсомольцев в экономическом развитии Иркутской области и Красноярского края: организация соцсоревнования на предприятиях, выполнение социалистических обязательств, внедрение передовых методов производства, подъем производительности труда, экономия ра-

бочего времени и сырья, снижение себестоимости выпускаемой продукции.

Публикациям свойственен критический пафос, проблемные материалы имеют прямой инструктивный характер и в полной мере реализуют установку советской журналистики периода оттепели быть инструментом общественного контроля. Одним из главных объектов критики были случаи неудовлетворительной работы первичных комсомольских организаций, критические корреспонденции о плохом руководстве, организации труда молодежи на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, соцсоревнования, политической учебы, культурно-массовой и просветительской работы, срывах выполнения соцобязательств и т.д. В каждом случае В. Распутин называет имена ответственных за такое положение вещей. В вину секретарям комсомола ставится бездействие или недостаток инициативы, равнодушие к общественной работе – безответственное отношение к коллективу, к каждому из его представителей, к общим задачам коммунистического строительства: «Что-то тихо вы живете, не разжигаете костров, не поете песен. Где-то разменяли вы на мелочи традиции первых целинников»[43]. С другой стороны, В. Распутин пишет положительные отклики на качество работы комитетов комсомола – в качестве примера для подражания.

По мере приобретения профессиональных навыков и роста мастерства журналиста В. Распутин обращается к освоению содержательных возможностей жанра очерка. О специфике раннего распутинского очерка свидетельствуют воспоминания иркутского поэта М. Сергеева (впоследствии заместителя главного редактора альманаха «Ангара») о работе выездной редакции «Восточно-Сибирской правды» во время уборочной кампании 1959 г., где В. Распутин представлял «Советскую молодежь». «Мы работали азартно, яро, носились по накаленным от страдного напряжения полям Аларского и Нукутского районов, сочиняли оды передовикам и филиппики нерадивым, спали мало,

---

[43] Распутин В. Приказа отступать не было // Краснояр. комсомолец. 1963. 3 нояб. С. 2.

работали в общем для всех "номере" сельской гостиницы, на ходу газика, зеленым кузнечиком прыгающего по огромным просторам, на подножке комбайна, пока закусывал комбайнер, в чаду пунктов заготзерно, вершивших суд, проверяющих зерно на чистоту и влажность. С листа — в номер. Утром в поле — вечером в газете, такова была наша продукция. <...> У каждого из нас был свой стиль, и более всего это относится именно к Распутину, умевшему уже тогда в человеке, с которым беседовал накоротке, почувствовать главное — его душевный стержень. И уже в первых очерках его в «Советской молодежи», в коротких репортажах и портретах нашей боевой выездной, виден его характер, его внутреннее напряжение, биение дарования»[44].

В. Распутин предпочитал портретную разновидность жанра очерка, где в центре стоял человек. В основном герои — сверстники автора, увиденные в повседневности: труде, быту, в общении. В «Советской молодежи» будущему писателю интересен процесс социализации личности, ее самоопределения и ответственного существования в социуме. Исходя из этого, очерк в иркутский период мог быть как комплиментарным, так и остро критическим. Положительный герой В. Распутина — ударный труженик, активный общественник, сознательный гражданин — «настоящий советский человек»[45]. Степень патетики во время работы в «Советской молодежи» была еще невелика. В. Распутин стремился представить даже самые выдающиеся трудовые достижения как заурядные и повсеместные: «Сам Володька молчит. Трудовой подвиг? Забавно получается. Это если человек работает нормально, а не в зубах ковыряет, то он уже и герой — так, что ли? Как же в таком случае будет при коммунизме, когда все сознательными станут? Все герои или совсем без героев? Вот то-то и оно-то»[46].

[44] Сергеев М. Валентин Григорьевич Распутин [Вступ. ст.] // Валентин Григорьевич Распутин: Библиографический указатель. Иркутск, 1986. С. 11–12.

[45] Распутин В. Познакомьтесь: Николай Дементьев // Сов. молодежь. 1958. 9 дек. С. 3.

[46] Распутин В. Женился парень на доярке // Сов. молодежь. 1961. 14 янв. С. 2. Подпись В. Каирский.

Десоциализированная личность (лентяй, лгун, пьяница, хулиган, индивидуалист), напротив, подвергается суровому порицанию в прямом авторском слове. В критическом портретном очерке В. Распутин противопоставлял поступкам маргинала интересы коллектива и нормы морали – социалистической и общечеловеческой. Часто очерк посвящался нравственному возрождению человека, которое заключалось в возвращении в коллектив и принятии жизни по его законам: «Вот и судите сами, если человек за два-три месяца неузнаваемо изменился – время тут вмешалось или людская забота, дружный комсомольский коллектив?»[47]

Через призму социализации в иркутский период рассматриваются проблемы общественной морали – такие отрицательные социальные явления, как алкоголизм, насилие в быту, хулиганство, детская беспризорность, проблемы отношения детей к престарелым родителям.

При всей критичности взгляда В. Распутина на действительность будущий писатель в этот период был искренне убежден, что все язвы общественной жизни могут быть искоренены, с одной стороны, эффективной организационной и воспитательной работой комсомола, социалистическим соревнованием и т.п., а с другой, человеческим участием, простыми товариществом и любовью. Например, в очерке «Страшное позади» (1959) В. Распутин изучает тяжелую судьбу Анатолия Замыцкого, исключенного из Иркутского университета за нарушение общественного порядка. Бывший студент попадает в тюрьму, после освобождения ведет асоциальный образ жизни. Элементы психологического анализа проявляются в том, что сложность характера героя очерка мотивируется судьбой – беспризорное детство, детдом, – а не природой человека, поэтому В. Распутин утверждает, что даже за пьяницу, хулигана и тунеядца обществу необходимо бороться. Родовая, общинная забота о человеке понимается как свойство всей социальной жизни.

---

[47] Распутин В. Разговор с собственной совестью // Сов. молодежь 1959. 17 марта. С. 3

В портретном очерке иркутского периода В. Распутин впервые начинает опыты с психологией персонажей. Он пытается моделировать внутренний мир как положительного, так и отрицательного героя, воспроизводит его душевные состояния и переживания. Например, очерк «Я спою тебе новую песню» (1959) – изложение интимного монолога рабочего Усть-Удинского леспромхоза Л. Р-на, брошенного женой за пьянство. Страдающий герой вспоминает некогда счастливую семейную жизнь, терзается чувством вины, ощущает ответственность за детей и исправляется. Этот и многие другие очерки отличает высокая степень психологической достоверности; достаточно рано В. Распутин проявляет себя как тонкий психолог. С 1959 г. – («Байкал бушевал») В. Распутин экспериментирует с зарисовками природы, в чем достигает значительного успеха в очерках о Тофаларии.

Основной тип героя материалов красноярского периода – состоявшийся в коллективе человек. Теперь все персонажи портретных очерков сводятся к положительному типу – ударники коммунистического труда, победители соцсоревнования[48]. Это может быть объяснено, во-первых, требованиями редакции «Красноярского комсомольца», во-вторых, состоявшейся профессионализацией В. Распутина, активно использующего апробированные шаблоны и идеологические штампы советской журналистики. Например, в репортаже с первомайской демонстрации в Красноярске В. Распутин сам оговаривается, что пишет по лекалам: «Праздничные репортажи принято начинать с погоды»[49]. А в 1963 г. В. Распутин пишет конъюнктурный очерк о визите матери Павлика Морозова в Енисейск, подчеркнуто профанируя официозный дис-

---

[48] «Это все люди с красно-черными лицами, которые загорают летом от солнца, а зимой от мороза. Это все люди с мозолисто-черными руками, которые впитывают в себя землю как загар Это все люди, которых очень скоро, с первым звонком весны, земля снова соберет на свой трудный урок». См.. Распутин В. Честное слово рыбпицев // Краснояр. комсомолец. 1964. 3 янв. С. 1

[49] Распутин В. Сибирский Первомай // Краснояр. комсомолец. 1963 4 мая С. 2.

курс: «Эх, мальчишки, мальчишки. Эх, девчонки, девчонки! Он все шел и шел, и ветер хватал его за концы галстука, только ветру ли было бороться с ним, — он шел и все видел, все знал, и кулачье проклятое пыталось сорвать с него галстук, только и кулакам это было не под силу. Мать помнит, как это было. Они убили его, а галстук, вот он, галстук — на тебе, на нем, не ней, и тысячи, миллионы ребят, повязав его, идут туда, куда шел Павлик»[50].

В красноярский период в публицистику В. Распутина входит категория долга, редуцированная во время работы в «Советской молодежи». Персонажи красноярских очерков В. Распутина — люди долга, реализация которого заключается в выполнении соцобязательств[51]. Понимание долга расширяется в очерках и репортажах со строительства железнодорожной трассы Абакан–Тайшет.

Положительный персонаж В. Распутина конца 1950 — начала 1960-х годов характеризуется непротиворечивостью и внутренней цельностью. Укорененность в коллективе и труд на его благо являются условием благополучия, гармонического существования в мире в целом. Труд включает механизатора Ивана Егоровича Рыцева в круговорот природных циклов: «Шли годы, менялась жизнь, подрастали сыновья, но поля оставались те же, и каждый год нужно было убирать с них хлеб, и каждый год на своем комбайне он шагал по ним, оставляя после себя сиротливую жниву»[52]. Девушке-механизатору совхоза Степной Усть-Абаканского района Нине Яске утром на посевной открывается мир во всем его величии и великолепии ее отношение к бытию — хозяйское, деловое: «Иногда она говорила (солнцу. — *П.К.*): — Ну, здравствуй. А иногда ничего не гово-

---

[50] Распутин В. Далеко от Сибири до Крыма // Краснояр. комсомолец. 1963. 24 мая. С. 3.

[51] Свинарка Антонина Коннурнова и шофер Иван Шилько продолжают дело своих дедов — партизан Тасеевской партизанской республики «...великое дело борьбы за коммунизм на фермах и полях». См. Распутин В. Внуки партизан // Краснояр. комсомолец. 1964. 19 янв. С. 3.

[52] Распутин В. Спят под снегом поля // Сов. молодежь. 1961. 1 янв. С. 2. Подпись: В. Каирский.

рила и только смотрела, как разливается по земле бесконечное море солнца»[53].

С начала 1960-х годов В. Распутин выделяет не только социальные черты личности, но и индивидуально неповторимые. В очерке «Эту песню еще подхватят» (1963) одна из девчонок бригады механизаторов плачет, уткнувшись в подушку, потому что ее бросил парень, не пожелавший больше встречаться с трактористкой. А в очерке «Для кого стучат ходики» (1964) повар больничной кухни Александра Калинина, потерявшая в детстве ногу, читает «Как закалялась сталь», учится танцевать, как Маресьев. Корреспондент рассказывает о драме ее частной жизни, когда девушку бросил, осмеяв, парень.

Первые публикации В. Распутина в «Советской молодежи» были наивны и по стилю, и по содержанию. Но уже совсем скоро будущий писатель достигает необходимого уровня профессионального мастерства журналиста, его голос становится уверенней, приобретает взрослое и самостоятельное звучание. Материалы молодого корреспондента начинают выделяться на фоне остальных оригинальностью жанрово-стилистического воплощения тем. Письму В. Распутина свойственна репортажная манера. Элементы репортажа проявляются абсолютно во всех жанрах, к каким бы он ни обращался. Создание эффекта присутствия, наглядность, динамизм повествования, обилие прямой речи и диалогов героев публикаций являются основными типологическими характеристиками творчества В. Распутина-журналиста и уже обнаруживают в нем зачатки повествовательной манеры писателя. Так или иначе многие из очерков начала 1960-х уже могут быть названы рассказом — «Снова ветер в лицо» (1961). Стиль В. Распутина свидетельствует об остром переживании мира, выражает состояние восторга и социального оптимизма.

В начале 1960-х в журналистском творчестве В. Распутина оформляются две основные тенденции миромоделирования: героико-романтическая и лирико-онтологическая. Первая возни-

---

[53] Распутин В. Весна в распахнутых руках // Краснояр комсомолец. 1963. 8 марта. С. 1.

кает в 1960-м — в репортажах и очерках о жизни бодайбинских приисков и строительстве Братской ГЭС, и развивается в период работы В. Распутина в «Красноярском комсомольце». Вторая воплощается в цикле очерков о Тофаларии, которые начинают публиковаться с 1961 г., и ряде других работ. Обе тенденции органически вытекают из всего предыдущего опыта работы В. Распутина в «Советской молодежи» и свидетельствуют об увлечении начинающего прозаика поисками оригинального стиля.

«Золотые костры романтики»: утопический дискурс в очерках начала 1960-х годов

Героико-романтическая тенденция миромоделирования связана с изображением молодым корреспондентом ударных комсомольских строек в Сибири: «Журналистский блокнот В. Распутина заполняется приметами новых городов, картинами жизни, быта новоселов Сибири, вбирает в себя трудовые ритмы 60-х годов, ритмы нового грандиозного освоения сибирского края»[54]. Как вспоминает сам писатель, «слова “таежная романтика” не сходили тогда с газетных страниц, и я тоже отдал дань этому увлечению»[55].

Для стиля очерков о комсомольских призывах, все больше приобретающих черты художественной прозы, характерна риторическая патетика, гиперболизация позитивных черт главных персонажей, повышенная экспрессия. Авторская манера письма становится возвышенно романтической: «Строитель приходит первым. И ставит колышек. К нему прибивает дощечку. На ней пишет: завод такой-то или город такой-то. А никакого города, никакого завода еще нет. Но строитель зажигает один огонек, второй, десятый, сотый. Как новогоднюю елку, он освещает огнями городов и строек некогда глухую сибирскую тайгу. А сам уходит дальше — в бездорожье, в безуютье и снова ста-

[54] Якимова Л.П., Юдалевич Б.М. Сибирский очерк. 20—70-е годы. Новосибирск, 1983. С. 138.

[55] Распутин В. Быть самим собой... С. 143.

вит колышек»[56]. Эпическое начало сложно взаимодействует с лирическим, личность рассказчика выдвигается на первый план и полностью идентифицируется с авторским «Я», что связано, во-первых, со спецификой журналистских жанров, во-вторых, с мироощущением В. Распутина. Однако очерк характеризуется нормативностью поэтики, идеологическим формализмом в решении тем освоения Сибири, односторонностью взгляда.

Герои очерков – строители Братской, Мамаканской ГЭС, Дивногорска, железнодорожных трасс Абакан–Тайшет, Решоты–Богучаны, заполярного Талнаха, прокладчики ЛЭП–500. Как правило, это приезжие люди. Сквозь все публикации проходит тема испытания Сибирью. В. Распутин подчеркивает избранность и исключительность новых покорителей Сибири среди себе подобных (обывателей), представляет их как людей переднего края. В публицистике создается обобщенный образ «тысяч и тысяч друзей», «наших лучших ровесников», «которые осваивают самые глухие уголки и идут в самые трудные места»[57] – «Коллективный образ народа-строителя»[58], который конкретизируется в десятках персонажей. Жизнь такой личности проходит на пределе человеческих возможностей, предполагает абсолютную реализацию всех потенций и сводится к категорическому императиву, формулировка которого обрамляет композицию очерка «Пять последних шагов» (1965): «Каждому дано в жизни сделать большое и важное открытие, и если не каждый его сделал, – значит, где-то однажды не досидел до него последние две-три ночи или не дошел до него последние пятьдесят шагов»[59].

---

[56] Распутин В. Костровые новых городов: репортаж со слета строителей // Краснояр. комсомолец. 1963. 29 сент. С. 3. В соавт. с Б. Ивановым; Распутин В. [Предисл.] // Костровые новых городов: Очерки. Красноярск, 1966. С. 2

[57] Распутин В. Золотые костры романтики: (Репортаж) // Распутин В. Костровые новых городов... С. 36.

[58] Тендитник Н.С. Судьба Сибири – личная судьба: О творчестве Валентина Распутина. Красноярск, 1985. С. 9.

[59] Распутин В. Пять последних шагов // Распутин В. Костровые новых городов... С. 73, 81.

Как и прежде, личность исследуется в социальном аспекте, характер раскрывается во взаимодействии, во-первых, с социумом, во-вторых, с природой. Этическая оценка типа совпадает с социальной. Персонажи воплощают не только социальные черты, в бытовых ситуациях показан их внутренний мир. Индивидуальность несет в себе коллективные черты, а духовное богатство коллектива заключается в разнообразии индивидуальных проявлений.

Для очерков свойственно непротиворечивое видение общественных отношений. Общее дело становится фактором, интегрирующим социальную общность: «Самые разные и совершенно незнакомые, они вдруг стали близкими друг другу. Их породнила дорога. Теперь они делали одно дело — трассу»[60]. Связь между комсомольцами имеет характер родства и дружбы, когда единая цель и общие трудности заставляют чувствовать плечо товарища. Строители сравниваются с альпинистами, которые, связанные одним канатом, страхуют друг друга («Золотые костры романтики»); семантика названия города Братска связывается с тем, что «...Братск был тем местом, где необходимо высшее братство сердец и рук»[61].

Общая цель имеет характер общей мечты; кто не имеет этой мечты («...кто не ходил по будущим шпалам и не ездил в будущих поездах»[62]), не выдерживает испытаний и убегает. При этом образ беглецов дан редуцированно и не драматизируется. Бегство предстает как результат естественного отбора («...зато остались такие, что могли работать за всех»[63]), в котором проясняется нравственная сущность человека. На место отказавшихся от своей доли ответственности — слабых и охотников за материальной выгодой от комсомольской путевки — приходят новые ребята и новые девчонки. Сибирь нравственно и физически возвышает человека.

---

[60] Распутин В. Золотые костры романтики С. 37.

[61] Распутин В. Подари себе город на память // Распутин В. Костровые новых городов С. 65.

[62] Распутин В. Золотые костры романтики... С. 38.

[63] Там же С. 28.

Персонажи-строители – люди самоопределяющиеся. В очерках звучит мотив зова: «зов далекой и трудной земли»[64], который проявляется в двух основных формах – романтической мечты и осознания долга. Жажда открытий (свершений, подвигов) у героев очерков неуемна. Они не удовлетворяются достигнутым и стремятся к новым целям. Целых пять очерков[65] посвящается строителю трассы Абакан–Тайшет Володе Стофато – сыну одного из погибших в 1942 г. при исполнении служебных обязанностей изыскателей Южно-Сибирской железнодорожной магистрали К.А. Стофато. Володя с детства мечтает быть достойным мужества отца. Ему мерещится, как отец по утрам выходит к строящейся трассе и с надеждой высматривает среди идущих на работу своего сына. Сам Володя провожает поезда на восток, и ему кажется, что они возвращаются за ним. И однажды, невзирая на запреты врачей, он все-таки бросает институт и тракторный завод в Липецке и отправляется в Саяны – прокладывать железную дорогу и строить поселок на разъезде имени Стофато. Жизнь Володи обретает смысл лишь через приобщение к общему делу: «Конечно, ребята на трассе могли бы обойтись и без Володи, но Володя не мог обойтись без них. И он не мог обойтись без отца, который остался там <...> Это был его долг, долг, перед которым он не мог отступить»[66].

Важное место в поэтике очерков занимает обращение к прошлому: истории гибели изыскателей трассы Абакан–Тайшет А.М. Кошурникова, А.Д. Журавлева и К.А. Стофато, а также Великой Отечественной войне. События, предшествующие современности, мифологизируются. Прошлое предстает как подготовка к исследуемым событиям настоящего, в свою очередь,

---

[64] Распутин В. Володя и Слава // Распутин В Костровые новых городов. С 99

[65] Распутин В За поездом поезд // Краснояр комсомолец. 1963. 1 мая С 2–3; Распутин В Имени отца // Там же. 1963. 26 сент Подпись В. Каирский. С 3; Распутин В. Продолжение саянской легенды // Краснояр рабочий 1963. 20 окт.; Распутин В Ты пламя берешь рукою // Краснояр. комсомолец. 1964. 13 сент С 1, 2–3, Распутин В Разъезд Стофато // Огонек 1965 № 14. С. 20–21.

[66] Распутин В. Разъезд Стофато С. 20, 21

настоящее является подготовлением будущего: «Нет, это другой человек. И идти ему теперь легче. Для этого за двадцать лет были сделаны сотни открытий и проведены сотни дорог, и люди, падая, снова поднимались и делали несколько шагов, чтобы на его долю досталось меньше тяжестей. <...> Но где-то дорога кончается и снова начинаются шаги, и время первооткрывателей продолжается – оно не кончилось, оно, расходясь от обыкновенных часов магнитными волнами, притягивает к себе тысячи и миллионы людей»[67].

В. Распутин проводит параллель между современностью и событиями Великой Отечественной войны, вписывает героев-современников в контекст славного прошлого отцов. В очерке начала 1965 г. «Возвращение» воскресший через двадцать лет герой войны Александр Матросов приходит на помощь строителям Дивногорска. Мифологическая ситуация его чудесного возвращения предстает как неоспоримо достоверная: «Могут сказать, что это вовсе не он, а какой-нибудь другой, очень похожий парень, каких в Дивногорске много. Не верьте. Это был он. Это был Матросов»[68]. Матросов работает в три смены и перечисляет заработанное в фонд мира, теснее объединяет ребят на котловане, помогает найти место на стройке растерявшейся было девушке, выступает на комсомольском собрании, стыдит маловерного товарища. Характерна образная система очерка и используемые рефрены: «Все-таки он вернулся. Он был в списках погибших ровно двадцать лет – *с последних зимних дней сорок третьего до первых весенних дней шестьдесят третьего* (Здесь и далее курсив наш. – *П.К.*) <...> А они тоже были трудные – эти *первые весенние дни шестьдесят третьего года*. Но это были другие, счастливые трудности. И тоже шли и шли без конца машины, но это были машины с бетоном. И тоже гремели взрывы, но это взрывали скалу. И тоже везли людей на передовую, но это первая, вторая и третья смены ехали в котлован. И тоже бро-

---

[67] Распутин В. Продолжение саянской легенды // Распутин В Костровые новых городов С. 18

[68] Распутин В. Возвращение // Распутин В. Костровые новых городов С 61.

сались ребята в атаку, но это ребята с отбойными молотками, с вибраторами и лопатами уходили на смену»[69]. Выделенный курсивом рефрен повторяется 9 раз. Риторический оборот «*Могут сказать... Не верьте (Неправда)... Могут подтвердить (Они подтвердят, Он подтвердит)*» — 4 раза.

Следование парадигме мифических времен составляет залог успеха современных строителей. Миф одухотворяет и наделяет смыслом настоящее, придает современникам силу и стойкость: «Не у одного костра рассказывали в те дни эту историю, похожую на легенду. Говорят, она помогала. Кто ей не верил — тот, говорят, не выдерживал»[70]. Имена погибших первооткрывателей освящают строительство железнодорожной трассы. Имя отца для Володи Стофато составляет «смысл человеческого мужества, от которого он не имел права отступить даже в мелочи»[71]. Образ погибших первооткрывателей становится житийным образцом, эталоном деятельности и целеполагания для современников. Прошлое присутствует в настоящем, обеспечивает преемственность времен и поколений, воплощается в долге сыновей перед отцами.

Природа в очерках об ударных стройках в Сибири враждебна первопроходцам и строителям. С образом природы связан мотив холода. Он развивается с самого начала очерка «Продолжение саянской легенды» (1963), открывающего цикл «Костровые новых городов»: «Искры от костра поднимаются в небо и зажигают звезды. Но звезды не греют. Холодно»[72]. Образы природы наделяются семантикой стихии, хаоса. Тайга в горах — бушующее море: «...зеленое море штормило, и волны (горы, как волны), поднимаясь, одна за другой надвигались на них, на маленький отряд из 14 человек, и пенистые гребни волн (на горах еще лежал снег) скатывались к их ногам»[73]. Тундра в очерке «Пять последних шагов» — пространство чужое и лишенное смысла: «И гео-

---

[69] Распутин В. Возвращение... С. 57.
[70] Распутин В. Продолжение саянской легенды... С. 4.
[71] Там же. С. 9.
[72] Распутин В. Продолжение саянской легенды... С. 3.
[73] Распутин В. Золотые костры романтики. . С. 27.

логи торопились по этой земле на юг, к Норильску, а затем снова шли в маршруты и снова возвращались, и, пожалуй, никто из них не испытывал к ней любви или привязанности. И не только потому, что она была дикой, — к этому геологи привыкли, а потому, что она казалась бессмысленной»[74]. В неравной схватке с «суровой и сумасшедшей» рекой Казыр в Саянах гибнут изыскатели А.Д. Журавлев и К.А. Стофато. Пурга на Талнахе несколько дней не выпускает комсомольцев с буровой, сравниваемой с судном, которое борется с «бушующим морем» («Володя и Слава»).

Строитель несет в царство стихий порядок, окультуривает пространство, наделяет его смыслом. Образ железной дороги воплощает стабильность: «Рельсы, как знак равенства мужеству строителей, уходили на восток. Там шла борьба за каждый метр и за каждую высоту. Горы постепенно отступали, а позади они не казались уже такими страшными и неприступными»[75]. Но природа препятствует гармонизирующей деятельности человека: «Дороги переплетаются, как вены, на теле земли, и по ним днем и ночью мчатся поезда — это пульсирует кровь, — днем и ночью мчатся поезда все вперед и вперед, заставляя биться сердца всех открытых земель. И только перед Саянами поезда останавливались и, повздыхав, возвращались обратно, словно в этом месте на землю был наложен плотный жгут, за которым начиналась мертвая зона»[76]. Под натиском покорителей природа вынуждена отступить, строители побеждают стихию: «Поезд с рабочими идет на восток, и Саяны, смирившись, молчат. Что могут поделать Саяны, если петля дороги сжимает их все больше и больше? Ничего они не могут»[77]. В процессе покорения природы множится сила строителей, они противостоят природе на равных, приобретают титанические черты.

Образ природы характеризует романтическое мироощущение молодого В. Распутина, который восхищается экзотикой

---

[74] Распутин В. Пять последних шагов... С 74

[75] Распутин В. Продолжение саянской легенды С. 17.

[76] Там же.

[77] Распутин В Сколько стоит счастливое солнце // Краснояр. комсомолец 1963. 19 мая. С. 2.

диких мест. Воспринимая природу как враждебную силу, рассказчик одновременно восторженно любуется ее красотами: «Самая первая неожиданность – лес. Кажется, он в удивлении замер, окружив Талнах со всех сторон, все еще не понимая, откуда взялось здесь это чудо-юдо, и только самые смелые лиственницы да ели вошли в Постоянный поселок и, сгрудившись кучкой, встали среди пятиэтажных домов. <...> Подивившись на Талнах, лес ходит от озера к озеру: спустится к самой воде, постоит, помолчит, вытянув над водой, словно руки, шершавые ветки, и опять уходит дальше»[78]. Образ природы складывается интуитивно. Романтический рассказчик не связывает в систему взаимодействие человека и природы, не проблематизирует экологические отношения. Так, в «Золотых кострах романтики» рассказывается, как погиб, уйдя в Крольский тоннель, родник Чистый ключ. Этот случай приводится без сожаления и вообще какой-либо этической оценки Субъект речи только подчеркивает, что погибший родник дал название новому поселку.

В основе картины мира в публицистике В. Распутина о комсомольских призывах лежит глобальный технократический проект социального переустройства. Для героев очерков характерен универсализм восприятия мира, достигаемый в его рамках. В сознании Володи Стофато этот проект воплощается в образе поездов; они осваивают пространство хаоса дикой природы, гармонизируют мир, придают ему цельность, стабильность и осмысленность: «Они (поезда. – *П.К.*), как застежки длинных-предлинных молний, соединяют после себя две части света – две части света по обе стороны поезда, и мир опять становится цельным и полным. <...> Они, как часовые, обходят большие города и маленькие дощатые поселки, проверяя, не случилось ли что, и если они уходят дальше точно по расписанию, – значит, все в порядке: в больших городах и маленьких дощатых поселках мир и труд»[79].

---

[78] Распутин В Мое открытие Талнаха // Распутин В Костровые новых городов. С. 82.

[79] Распутин В Продолжение саянской легенды .. С. 7.

Носителем технократического проектирования является рассказчик, воплощающий такой же тип мышления, что и ровесники-герои. Персонажи — представители строительных профессий — приобретают в картине мира молодого корреспондента сакральный статус, предстают теургами: «Как садовники, они выращивают на земле города, дороги, заводы, электростанции. А когда их сады начинают плодоносить, они зовут сборщиков урожая. Собирать урожай будут другие, а они уйдут на новое место, чтобы разбить на нем новый сад. Такова их профессия»[80]. Сам технократический проект одухотворяется, приобретает статус теургии.

Утопизм обусловливает романтический модус оценивания, который переносится на социальную жизнь. Огни в окнах домов пристанционного поселка в очерке «А потом пойдет поезд» (1964) — «символ тепла, уюта, чистоты» - не могут существовать без огней на железной дороге — «символа работы»: «И там, и тут — огни. Что стоили бы те огни, не будь этих? И очень трудно было бы поддерживать эти огни, не будь тех»[81]. Вне индустриально-машинного контекста не мыслится и частная жизнь людей Поезда, «как иголки, тянут за собой нити человеческих связей — любви, дружбы, работы и вдохновения. Они устраивают встречи и разлучают для встреч — это необходимо»[82]. Сюжет очерков доказывает телеологическую направленность жизни, нацеленность в будущее. Однако для достижения идеальных времен необходима реализация новых проектов, куда и устремляются силы молодых строителей после завершения очередной стройки - трасса Решоты–Богучаны, и т.д.

Таким образом, в публицистике о комсомольских стройках предельно кристаллизуются важные свойства мышления молодого В. Распутина. Значительное количество текстов (беллетризованных очерков) с устойчивой, регулярно воспроизводимой структурой поэтики утопического (характер, хронотоп, мотив-

---

[80] Распутин В. Золотые костры романтики.. С 29.

[81] Распутин В. А потом пойдет поезд // Распутин В. Костровые новых городов... С 56.

[82] Распутин В. Продолжение саянской легенды.. С. 7.

ная структура) позволяет говорить о формировании в публицистике В Распутина начала 1960-х годов утопического дискурса. В. Распутин мифологизирует комсомольские призывы в духе времен первых пятилеток и послевоенного восстановления. По замечанию красноярского исследователя Н.В. Ковтун, «в творчестве 1960-х годов писатель близок настроениям ранней прозы А. Платонова с ее культом всемогущества науки, машины, которые могут спасти человечество от бед, вывести на принципиально новый виток развития»[83].

В очерках создается особая картина мира, сама реальность наделяется утопическими свойствами. Пафос очерков определяет романтическая устремленность к идеалу, настоящее оценивается с позиции будущего. Грядущий мир символизируется традиционным для соцреализма образом новых городов («Голубые города» А. Толстого). В центре эпического повествования — герой-преобразователь, человек-теург, строитель утопически прекрасного будущего. Образы персонажей приближены к «житийному» образцу, раскрываются в сюжете титанического труда и противостояния природе. Они гармонизируют, укрощают и возделывают пространство хаоса дикой природы (рытье котлована на строительстве ГЭС в пятидесятиградусный мороз, подрыв скал на месте прокладки железнодорожных тоннелей и т.д.). Природа в очерках дана как символический фон, пейзаж, подчеркивающий мужество и силу героя, обретающего в этом неравном противостоянии духовно-моральное совершенство.

При этом в очерках нет строгого соответствия соцреалистическому канону прогрессистской, «прометеевской» утопии, он «размыт». Утопический дискурс В. Распутина плюрализован, нормативность поэтики нивелирована. Характеры изображаются с той или иной степенью психологической достоверности (все герои публикаций — реальные люди; на специфику их изображения влияют жанровые требования газетного очерка). Черты человеческой индивидуальности в них не редуцируются. Персонажи корреспондента «Красноярского комсомольца»

---

[83] Ковтун Н В Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск, 2005 С 290

обладают своеобразно понимаемой внутренней свободой, свободой воли, даны в момент самоопределения. Комментируя повесть 1969 г. «Нечаянные хлопоты: История, услышанная в Усть-Илиме», написанную в соавторстве с В. Шугаевым и продолжающую линию комсомольских очерков об ударных стройках в Сибири, В. Распутин говорит, что им «хотелось показать не столько пейзаж, сколько тех, кто в бетон и камень вкладывает «душу живу»[84]. Очерки первой половины 1960-х годов лишены неопосредованного идеологизирования и прямой догматичности. В них отсутствует обязательный для соцреалистических утопий образ вождей, обладающих абсолютной истиной.

Черты утопизма проявляются в творческом сознании и мироощущении молодого В. Распутина (культ научно-технических преобразований, утверждение утопических нравственных ценностей, вера в проекты, приближающие совершенное время). Однако они не приводят к панутопизму, обладая «инерционной» природой. Начало творчества писателя приходится на конец 1950 – начало 1960-х годов – время «мерцающего соцреализма», когда в литературе и публицистике находят отражение эйфория и гуманистические идеалы оттепели, детерминируя «редукцию» канона: «Идеологически однородное пространство социалистической Утопии вытесняется, заменяется пространством самоидентификации, самопознания автора и героя. Процесс профанации, предельного расширения канона, однако, не отменяет его власть абсолютно. Обломки, осколки, “останки” мифа мертвым грузом тяготеют над сознанием писателя и читателя»[85].

Утопический дискурс формируется в журналистском творчестве В. Распутина не сразу, а только после переезда в Красноярск и соприкосновения с новым материалом. Одновременно с очерками и репортажами с комсомольских строек публикуются полностью противоположные по эстетике очерки и рассказы о Тофаларии. Это свидетельствует об ученическом характере раннего творчества В. Распутина, когда элементы нормативной

---

[84] Распутин В. Быть самим собой... С. 148

[85] Ковтун Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века... С. 154.

эстетики соцреализма, пока еще авторитетного для молодого и неопытного корреспондента художественного метода, используются в поисках оригинального стиля, жизненный материал определяет изобразительные средства (штампы — «зеленое море тайги», «город-сад», «великая электрическая река Ангара» и пр.).

Вне зависимости от типа дискурса, используемого В. Распутиным в публицистике конца 1950 — начала 1960-х годов (утопический / «журналистско-реалистический»), реконструируются иные важные установки и предпосылки мышления молодого корреспондента. Для их осмысления целесообразно использовать методологию, предложенную А.А. Ивиным. В основе концепции исследователя лежит идея о двух полярных стилях мышления, определяющих ход исторического развития человеческой культуры и цивилизации — коллективистическом и индивидуалистическом. Под стилем мышления ученый понимает «сложную, иерархически упорядоченную систему неявных доминант, образцов, принципов, форм и категорий теоретического освоения мира», которая «постоянно воспроизводит свою структуру и обусловливает специфическую реакцию на каждый включаемый в нее компонент»[86]. Коллективистический стиль мышления формируется в условиях коллективистической культуры и характеризуется такими чертами, как догматизм, авторитарность, спекулятивность, символизм, дидактизм, этический иерархизм и т.д.

Мышление В. Распутина-комсомольца проявляет авторитарность как основную установку сознания. Будущий писатель в конце 1950 — начале 1960-х годов не проповедует какую-либо идеологическую доктрину, но определенным образом исследует человека, коллектив, их взаимоотношения. В строгом смысле он не идет от идеи к жизни, но постигает, интерпретирует и оценивает жизнь с точки зрения прочно укорененной в структуре мышления имплицитной теоретической парадигмы (своеобразные авторитарные предпосылки мышления, универ-

---

[86] Ивин А.А. Введение в философию истории: учеб пособ. М., 1997 С 89

сальные схемы познания): «Еще до начала анализа конкретных проблем авторитарное мышление предполагает определенную совокупность положений или образцов анализа, определяющих основную линию исследования и во многом предопределяющих его результат. Эти изначальные образцы не подлежат никакому сомнению и никакой модификации, во всяком случае в своем "ядре"»[87].

Картина мира складывается из понятий и образцов, штампов и концептов официальной социалистической культуры; жизнь подвергается доктринальной деформации, искажается. Мышление будущего писателя, как и мышление любого массового представителя авторитарного общества, спекулятивно и связано с «удвоением» мира, когда приоритет над реальным миром отдается умозрительному, но сознание стремится сблизить, соединить их, наделить реальность идеальными свойствами: «...абстрактное и схематизирующее мышление, втискивающее богатую и постоянно меняющуюся реальность в прокрустово ложе раз и навсегда утвердившейся схемы и доктрины»[88]. Этим объясняется поэтика символизации в репортажах, очерках и зарисовках молодого В. Распутина (особенно в период командировок по великим стройкам): «Он (символизм. — *П.К.*) проникает в повседневную жизнь и деятельность, делая самые обычные поступки насыщенными дополнительным, связанным с трансцендентной реальностью содержанием»[89]. Спекулятивный подход к реальности тем более отчетлив, что выражается в советском журналистском дискурсе, функционально ориентированном на агитацию и пропаганду.

Необходимым атрибутом авторского мышления в журналистских произведениях В. Распутина является дидактизм со своеобразным ценностным подходом к вещам. Личность оценивается в рамках коллективистской концепции морали. Наличие единой всеподавляющей цели (социалистическое строительство) выстраивает иерархию ценностей, когда общественное до-

---

[87] Ивин А.А. Введение в философию истории... С. 116

[88] Там же. С. 98

[89] Там же С. 194

минирует над личностным; реализация личностных ценностей возможна только через подчинение общественному предназначению.

«Мне снова хочется в Тофаларию»: преодоление социального утопизма и становление персональной онтологии в очерках 1960 – начала 1970-х годов

В очерках и рассказах о заповедной саянской стране Тофаларии и ее коренных жителях тофах воплощается совершенно иная, по сравнению с комсомольскими очерками, – лирико-онтологическая тенденция. В. Распутин открывает этот горный край во время командировки на строительство железнодорожной трассы Абакан–Тайшет. Он преодолевает влияние прогрессистской утопии социализма, в его мышлении впервые проявляются мифопоэтические черты. Очерки полностью свободны от социальной патетики и возвышенной риторики. Цикл также характеризуется обостренной эмоциональностью, сосредоточенностью на стилевых поисках, повышенным вниманием к выразительности слова: «Будто было землетрясение и развороченная земля застыла в страхе перед новыми, еще более сильными взрывами изнутри и, не успев сравнять высокие горы и глубокие ущелья, приготовилась к новым ударам»[90].

В очерках о Тофаларии складываются основы системы представлений В. Распутина о природе – авторской онтологии, которая, воплощаясь в ранних рассказах, получает развитие в зрелом творчестве и публицистике писателя 1980-х – начала 2000-х годов. Природа Саян описывается как космос – система, все элементы которой взаимосвязаны и пребывают в состоянии единства. Их сложное взаимодействие раскрывается в очерке «Край возле самого неба» (1961), который открывает книгу: «Скалы вытянули вверх свои уродливые остроконечные головы и, ухватившись за небо, стягивают его вниз. Деревья, как самые

[90] Распутин В. Край возле самого неба // Распутин В. Край возле самого неба: Очерки и рассказы. Иркутск, 1966. С. 3

бесстрашные альпинисты, выстроившись цепочкой, лезут на скалы. Когда дуют ветры, горы приветствуют друг друга, помахивая ветвями деревьев. Ветры разносят запахи, расплескивают по тайге горячее солнце, рассеивают снежную муку»[91]; «Горные речки это бунтари, которых никому не удалось сломить. <...> Горы боятся речек. Горы никогда не спят, наблюдая за ними, боясь, что вода смоет их, разнесет маленькими камешками по саянской тайге, разотрет своими сильными холодными руками и утопит навсегда в своей пучине»[92]; и т.п.

Живые существа и человек оказываются органично включенными в космос и его отношения. В очерке «Край возле самого неба» В. Распутин описывает сцену противостояния волка и кабарги. Спасаясь от хищника, животное оказывается на скале, откуда, оставшись без сил, падает через несколько дней в лапы терпеливому противнику, а волк оглашает тайгу торжествующим воем: «Вой этот легко перемахнул через каменную стену, на которую не смогла взобраться кабарга, и напугал оленей. Потом он утонул в шумной Гутаре»[93].

Эволюция образа природы, по сравнению с комсомольской публицистикой, происходит в результате постижения писателем человека и его места в мироздании. В «тофаларском» цикле В. Распутин исследует отношения внутри системы человек / природная среда. Характер взаимосвязи человека и космоса в очерках о Тофаларии определяется точкой зрения и установкой на восприятие природного мира Саян Условно в очерках можно выделить три типа воспринимающего сознания: во-первых, сознание пришлого современника, во-вторых, сознание коренного населения Тофаларии, в-третьих, сознание субъекта речи очерка.

Первый тип восприятия — восторженно романтический. Его носителями являются геологи и туристы. В очерках «В Саяны приезжают с рюкзаками» (1963), «От солнца до солнца» (1964)

---

[91] Распутин В Край возле самого неба С. 3

[92] Там же С. 5.

[93] Там же С. 3.

в новом ракурсе предстает тема «таежной романтики» и испытания Сибирью. Автор восхищается красотой и силой этих людей — бывшего морского офицера Марка Васильевича Пуссе, кинооператора Иркутской студии телевидения Владимира Зубчанинова, а также сотен и тысяч других романтиков, приезжающих в Саяны. Но природа и человек обладают разновеликими потенциалами, Саяны встречают чужаков опасностями и смертью. Очерк «В Саяны приезжают с рюкзаками» начинается с воспоминания автора о том, как четыре года назад за погибшим сыном в Тофаларию приезжала пожилая женщина. Не жалует смельчаков безучастная к людям Змеиная гора: «Однажды метким ударом камня она сбросила на землю трех туристов, ползущих на нее по канату. Они разбились, а она, накрывшись темнотой, как одеялом, спокойно уснула»[94]. «Старый, самолюбивый» Казыр топит одного из московских кинооператоров, снимавших в Саянах фильм. В. Распутин вспоминает гибель в 1942 г. троих изыскателей Южно-Сибирской железной дороги — А.М. Кошурникова, А.Д. Журавлева и К.А. Стофато.

По мере накопления уважительного отношения к природе и приобретения необходимых для выживания навыков происходит своеобразная инициация приезжих в жизнь Саян. Во время первой своей поездки в Тофаларию Марк Пуссе со спутниками смеется над охотничьими рассказами и предупреждениями проводника-тофалара Григория Тутаева о том, что «Казыр не любит человека». В результате под ответный «злобный, слюнявый хохот» горной реки их лодка уходит на дно, а трое товарищей едва спасаются от «пенистого, пьяного течения». Зато на следующее лето Казыр подчиняется отважному путешественнику, а еще через год Саяны пускают его к Медвежьему озеру. Принимая их законы, становясь пленниками Саян, люди включаются в структуру космоса; между человеком и природной средой устанавливается устойчивая, двусторонняя духовная коммуникация: «...сотни сердец, как сжатая пружина,

---

[94] Распутин В. В Саяны приезжают с рюкзаками // Распутин В. Край возле самого неба. С. 9.

несут в себе запас той яркой разноцветной радости, с которой встречают открытия. И однажды этот день настает. Обычный с утра, он заканчивается фейерверком чувств, и все эти чувства, словно праздничные поздравления от сотен друзей, получают горы»[95].

Однако тип восприятия приезжего человека оценивается как неполноценный, недостаточный для обретения связи со всей полнотой реальности: «Геолог, уходя в тайгу на пять или шесть месяцев, знает, что в октябре ему придется возвращаться в город»[96]; геологу к осени нестерпимо хочется домой, а весной, также нестерпимо, — в тайгу. В итоге он так и не становится до конца частью тайги, но тайга является частью его жизни. Единственно адекватными связями с космосом, с точки зрения В. Распутина, обладают лишь местные жители — тофалары.

В аборигенах Тофаларии В. Распутин открывает носителей особого — онтологического — типа сознания. Писатель рассматривает их легенды, нравы, быт и обычаи, создает полнокровные характеры тофаларов: Генки Тутаева («Вам завтра ловить оленей», 1961), Григория Тутаева («В Саяны приезжают с рюкзаками», 1963), Степана Токуева, Альберта Банакаева («От солнца до солнца», 1964). В очерках «Всех понятней тайга» («Продолжение песни следует», 1961), «От солнца до солнца», а также в «тофаларских» рассказах («Идесять могил в тайге», «Эх, старуха...», «Человек с этого света») создается образ старух-тофаларок, соотносимый с образами Анны, Дарьи и других старух В. Распутина поры писательской зрелости.

В отличие от туристов и геологов тофалары не возвращаются в Саяны, а живут здесь. Тайга для них — не экзотика, а обжитое пространство, промысловая территория. Отношение аборигенов к природе лишено как романтической восторженности, так и страха. Это сильные люди, поскольку обладают

---

[95] Распутин В. В Саяны приезжают с рюкзаками... С. 10.

[96] Распутин В. От солнца до солнца // Распутин В. Край возле самого неба. С. 15.

всеми необходимыми навыками для выживания в тайге, которых недостаточно у приезжих. Они хозяева тайги: «...он испытывает к ней уважение, но соблюдает осторожность, он признает ее силу, но знает и слабости. <...> На него может быть совершено нападение, и это будет преступлением. Его может подстерегать опасность, поэтому он вооружен»[97]. Герой очерка «От солнца до солнца» Степан Токуев запросто преодолевает путь через горы от Алыгджера до Верхней Гутары, спеша к любимой девушке: «Степан решился на эти 180 километров с такой же уверенностью, с какой я пошел бы на свидание за четыре квартала в городской парк»[98]. В другом очерке - «Вам завтра ловить оленей» — аналогичный бросок сквозь тайгу на похороны матери совершает подросток Генка Тутаев. Характеризуя мироощущение тофалара, начинающий писатель ставит в центр неспособность к ощущению одиночества, свойственного представителям внешнего мира: «Тофалар с детства, с самого первого дня в тайге. <...> Их связь больше обычных представлений о связи человека и природы. Она родственна. Веки вечные они кормились одной грудью: днем это было солнце, а ночью луна. Вот почему они не могут тяготиться друг другом, это стало бы противоестественным»[99].

Этот тип сознания воплощает естественную гуманистическую этику и отношение к жизни. Старая охотница Елена Андреевна Болхоева («Продолжение песни следует») не понимает законов жизни внешнего, цивилизованного мира: как можно держать собак дома, а женщинам и старикам не работать Но главное, она не понимает смысла войны, на которой когда-то погиб муж: «Зачем? — спрашивала она. — Нет, ты скажи, если ты маленько умный. Зачем люди друг друга стрелять будут? Разве в тайге зверя нету? Разве медведя нету? Зачем человека убивать?»[100].

---

[97] Распутин В. От солнца до солнца... С 21

[98] Там же. С. 20.

[99] Там же. С 16.

[100] Распутин В Продолжение песни следует // Распутин В. Край возле самого неба. С 14.

Вместе с тем В. Распутин не противопоставляет приезжих и местных жителей. Диалог с мирозданием в разной степени доступен и тем и другим. Как особый язык разговора с космосом предстает песня. Горы сопровождают туристов в ожидании привала и песен, которые слушают, собравшись тесным кругом («В Саяны приезжают с рюкзаками»). Песню Елены Болхоевой, рассказывающую «обо всем, с чем встречаются тофы в жизни», слушает тайга, песня уговаривает соболя спуститься к реке, помогает в тяжелой, полной горя и невзгод судьбе — длит жизнь старухи.

Образ автора, с одной стороны, являет носителя романтического сознания. Рассказчик сосредоточен на своих переживаниях, не скрывает восторга при взгляде на Саяны. Он так же, как и персонажи-туристы, возвращается сюда. В очерке «В Саяны приезжают с рюкзаками» трижды повторяется: «Мне снова хочется в Тофаларию». С другой стороны, сознание субъекта речи очерка сближается с онтологическим сознанием аборигенов. Ему доступен анимизм тофаларов, восприятие цикличности природного времени, знание их мифической истории. На пересечении этих точек зрения рождается широкое художественное полотно; В. Распутин впервые проявляет себя как философ. Он сакрализирует природу Саян, воспринимает ее не материалистически, как в очерках о великих комсомольских стройках: «Мы здесь ничего не в состоянии изменить, и наши палатки — это всего-навсего две маленькие точки для сверхъестественных сил, которые наверняка не пользуются знаками препинания»[101]. Диалог двух стихий — воды и камня (сцена дождя в горах) — открывает рассказчику бытие вечности: «Вода обнажает морщины, и они оживают, начинают пульсировать, старательно прокладывают себе новые русла, на пути которых, как пристани, стоят миллионы лет. И кажется, только эти миллионы и делают еще горы горами, а не разрушают их»[102]. В конце очерка «От солнца до солнца», пережив дождь, он приобретает чувство родства с миром, причастности к мистериям его жизни: «...к вечеру что-то

---

[101] Распутин В От солнца до солнца С 18.
[102] Там же.

случилось. Теперь нам видно, что горы стали намного сильней. От них исходит умиротворение и спокойствие, которым не в силах помешать даже дождь. Они входят в наши жилы, и жилы разбухают от их могучей уверенности. В медицине это называется переливанием крови»[103].

В «тофаларских» очерках есть робкие размышления о смысле человеческого бытия. Здесь настойчиво звучит тема смерти. Конечность человеческой жизни признается тем главным различием между природой и человеком, которое позволяет тофалару быть лишь хозяином, но не властелином тайги. Однако, как утверждает В. Распутин, человек обладает бессмертным духом, «И этот дух — надежда»[104]. В тофаларском обществе причудливым образом соединяются архаическое и современное: «В поселках рядом с новыми, красивыми домами стоят юрты. В них никто не живет, они никому не нужны, но старики не решаются сжигать последние мосты, связывающие их с прошлым»[105]; у старух рядом с иконами висят портреты космонавтки Валентины Терешковой, они не воспитывают в своих детях религиозность, а отправляют их в школу. Сохранение памяти, с одной стороны, и поклонение молодости, с другой, обеспечивает непрерывность жизни этноса и, таким образом, компенсирует смерть отдельных людей. В рассказе «Эх, старуха...» старая тофаларка не боится смерти: «Она выполнила свой человеческий долг: после нее на свете остаются дочь, ставшая матерью, и девчонка, которая тоже когда-нибудь станет матерью. Ее род продолжался и будет продолжаться — она в этой цепи была надежным звеном, к которому прикреплялись другие звенья»[106].

Художественная система очерков еще не была совершенной, над ней довлело самодостаточное любование экзотикой. Так, сказание о невиданном богатстве Саян до прихода в них тофа-

---

[103] Распутин В. От солнца до солнца... С. 25.

[104] Там же. С. 24.

[105] Там же. С. 24.

[106] Распутин В. Эх, старуха . // Распутин В. Край возле самого неба. С. 54

ларов[107], записанное со слов стариков, в тексте не мотивировано, причины конца мифического изобилия и величия далее не разъясняются. В. Распутин сразу переходит к изложению легенды о причинах переселения тофаларов в горы — бегство от жестокого белого царя. Сами легенды приводятся в очерке «Край возле самого неба» лишь с экспрессивной целью — подчеркнуть достоинство и самосознание этого коренного сибирского этноса, лишь после революции избавившегося от обидного прозвища «карагас», т.е. «черный гусь». Белый царь из сказания сравнивается в злобе и жестокости с Казыр-рекой, однако горы, которые боятся злых речек, не становятся метафорой народа тофаларов; образы природы в этом очерке самодостаточны и не взаимодействуют с фольклорным материалом. Хотя в очерках о Тофаларии В. Распутин исследует отношения живых организмов, в том числе человека, со средой обитания, — собственно, экологию Саян, он не поднимает экологических проблем; вторжение геологов-разведчиков не вызывает у молодого В. Распутина тревоги.

Об окончательном преодолении В. Распутиным социального утопизма может свидетельствовать опубликованный в журнале «Наш современник» в 1972 г. (№ 6) художественный очерк «Вниз по течению» (в более поздних публикациях — «Вниз и вверх по течению»). Сюжет очерка — путешествие автобиографического героя в страну детства, точнее, то, что от нее осталось после затопления водохранилища ГЭС. Путь, проделанный писателем Виктором на малую родину, становится путем прозрения трагической сути современной жизни, разочарования в наивных детских представлениях и приобретения трезвого взгляда на действительность.

По сравнению с началом 1960-х оценка социальной действительности и масштабных преобразований сибирского края меняется на прямо противоположную. В очерке 1960 г. «Крутые

[107] «Есть возле Верхней Гутары Сопи-гора. Тогда все горы такие были На верхушку посмотришь — шею сломать можно. <...> кедрач невиданный и неслыханный — весь в шишках, как шерсть на звере. <...> Белку тогда самый умный человек за сто лет никак бы не сосчитал». См.: Распутин В. Край возле самого неба... С. 4.

перекаты»[108] создается образ старухи Муканихи, не позволяющей сносить свою старую избу («халупу») на месте квартала новостроек. Этот случай не вызывает никакого сочувствия автора, восхищающегося благоустроенностью и комфортом нового поселка при МТС Куйтунского района. В очерке «А потом пойдет поезд» (1964) строители сносят старый домик Веры Абрамовны Козыревой, чтобы провести железную дорогу. Старуха не противится этому, понимая значение строительства, а сам автор этически оправдывает разрушение дома. В очерке «Вниз и вверх по течению» новый город на берегу Ангары, строительство подобных которому В. Распутин воспевал десять лет назад, оценивается с иронией: «Построили его быстро, и, пока строили, писали и говорили о нем много: в глухой тайге, на голом месте и так далее, хотя, по сибирским понятиям, то, что лежит у дороги, да еще у железной, уже никакая не тайга»[109]

Писатель фиксирует изменение духовного облика современного человека, отчуждение людей друг от друга, злое, наглое хамство в общении, разнузданность и развращенность нравов молодежи. Например, в сцене свадьбы на пристани: «Устало и нервно взрыдывала гармошка, но под нее уже не пели и не плясали, под нее лишь галдели, поглядывая на подчаливающий теплоход» [С. 193]; «Виктор внимательно всматривался в лица жениха и невесты, пытаясь найти в них что-то особенное, какое-то нечаянное и удивленное признание, стыдливое откровение, но видел одну усталость да в цепких прищуренных глазах девушки холодный вызов: что вы на меня уставились? <...> девушка, не дожидаясь жениха, запрокинула голову, открыв длинную красивую шею, и одним махом, по-мужски, выпила» [С. 194]. Если раньше, как вспоминает Виктор, с приходом первого теплохода в далеких деревнях ждали праздника — наступления настоящего лета, то теперь — спиртного, которое он привезет в своем буфете (трагикомическая сцена штурма теплохода мужиками).

---

[108] Сов. молодежь. 1960. 6 нояб С. 3. Подпись· В Каирский.

[109] Распутин В. Вниз и вверх по течению. (Очерк одной поездки) // Распутин В Живи и помни· Повесть, рассказы. Иркутск, 1978. С. 192 Далее очерк цитируется по этой публикации с указанием страниц в тексте.

Всю поездку Виктор питает романтические иллюзии в отношении увиденной им молодой семьи и горько разочаровывается в своих впечатлениях после неприкрытого, публичного скандала супругов.

В очерке звучат ярко выраженные апокалиптические мотивы. В. Распутин создает два образа мироздания — до затопления Братского водохранилища и после. Первый дан в воспоминаниях героя. Центром допотопного бытия является река — основа жизни, разворачивающейся по берегам. Река воплощает могучие силы природы, в сезонных ритмах которой происходит постоянное, циклическое обновление жизни — сцена грозы и начала ледохода на Ангаре. Река обладает руслом, соответственно, качествами упорядоченности и стабильности. Воплощаемый ею онтологический принцип порядка транслируется на весь береговой космос, частью которого является и патриархальное общество людей. С другой стороны, река в очерке — метафора самой жизни. Это значение актуализируется в связи с образом острова, который сравнивается с кораблем, плывущим по течению (архетип храма): «Знаешь, что стоишь на твердой земле, но под ногами, передвигаясь, мелко подрагивает, поворачивает то влево, то вправо, и ты уже не в состоянии сопротивляться — плывешь куда-то осторожно и загадочно» [С. 197].

Мироздание после потопа становится чужим, безжизненным пространством: «Из края в край вода лежала покорно и глухо одной необъятной равниной, подавляя своей тяжестью унылые и низкие берега. Воздух над ней был пуст, не носились в нем стрижи со свистящим, отрывистым звуком, не заливались ласточки, не собирались они в дружные, гомонящие — хоть уши затыкай! — стаи, чтобы отогнать ястреба» [С. 206]. Если раньше вода была голубой и прозрачной, то теперь она становится мутной и серой; при вступлении теплохода в водохранилище Виктор наблюдает абсурдное зрелище торчащих из-под воды верхушек деревьев. Затопление окультуренного пространства, в осмыслении В. Распутина, становится высвобождением стихии, преодолением в результате человеческой деятельности онтологических закономерностей, естественного устройства мира. Самым большим страхом Виктора в детстве был страх,

что река может исчезнуть, «обнажив на память о себе голое, каменистое русло, по которому будут бегать собаки» [С. 191]. Исчезновение не только реки, островов, но и русла[110], означает для писателя свершившийся конец стабильности, надежности и осмысленности человеческого бытия. Трансформируется береговой космос, он становится безжизненным и неузнаваемым: «Все сошлось и размылось в одной длинной и отчужденной картине тайги» [С. 215]; разрушается патриархальный уклад жизни.

Разделение поселка для переезда на три части приобретает фольклорную семантику начала скитаний в юдоли. Повествователь подчеркивает нелепость разора деревни. Ее жители приходят в состояние смятения, безумия. Для описания переезда характерен мотив шума: «...с надрывным ревом ползли в гору машины и тракторы <...> стучали топоры, больше обычного, чувствуя перемены, кричал скот, как всегда в дни неурядиц и непорядка, много спорили и кричали по пустякам люди, а по ночам, когда ненадолго утихал весь этот шум и гам, в наступившей тишине принимались выть собаки» [С. 199—200].

Новый поселок подчеркнуто не имеет своего лица. Это типовое лесопромышленное поселение. «Здесь не пашут и не сеют, а лес валить можно в любую погоду» [С. 228]. Оторванный от родной почвы, патриархальный уклад жизни переживает старение – описание избы, облик пожилых родителей. Смена образа мира приводит к фрагментации реальности в восприятии героя: «Лишившись чего-то главного, основного, какого-то центра, собиравшего их воедино, в один круг, они (родные места. – *П.К.*) разбрелись кто куда, превратились в отдаленно знакомые, постаревшие от времени уголки и казались всего лишь воспоминаниями, которые также могут явиться где угодно» [С. 232].

Отрыв от природы, ускорение ритма жизни (суета, нетерпение пассажиров на теплоходе, образ электрички и т.д.) детерминируют, по В. Распутину, нравственные проблемы современного общества, душевную трагедию поколения: «Поче-

[110] «От реки тут, конечно, ничего не осталось, и даже приблизительно нельзя было указать, где пролегало ее русло...». [С. 205].

му мы во вред себе не хотим замечать то, что нам необходимо знать и видеть в первую очередь? Почему так много времени мы проводим в хлопотах о хлебе едином и так редко поднимаем глаза вокруг себя и останавливаемся в удивлении и тревоге: отчего я раньше не понимал, что это мое и что без этого нельзя жить? И почему забываем, что именно в такие минуты рождается и полнится красотой и добротой человеческая душа?» [С. 196].

«"Вниз и вверх по течению" в силу определенной неразвитости центральной проблемы, некоторой камерности повествования, не имело широкого читательского резонанса, но это произведение послужило своеобразным "эскизом" к повести В. Распутина «Прощание с Матерой"... — полагает Б.М. Юдалевич[111]. В.Я. Курбатов пишет: «...есть тут и тонущее кладбище, и разор деревни, и разлучение старух друг с другом и деревней, и тоска нового поселка. Нет только готовности души, нет определенности в миропонимании. И нет ее не только у героя очерка, Виктора, а и у самого автора, который бьется в этом автобиографическом отражении и никак не найдет места»[112].

Данный очерк можно признать своеобразным рубиконом, обозначившим коренную трансформацию мировоззрения В. Распутина в результате личной духовной драмы — уничтожения в 1967 г. родной деревни Аталанка в связи с запуском Братской ГЭС Как тонко и точно отметил в 1978 г. В.П. Астафьев, в повести «Вниз и вверх по течению» «...Распутин, завершив очень важный печальный этап в работе, как бы отошел чуть в сторону, чтобы взглянуть на ту дорогу, какую он сам себе торил, да и поразмыслить о дальнейшей своей судьбе, стало быть, и о судьбе родной земли»[113].

---

[111] Якимова Л.П. Юдалевич Б.М. Сибирский очерк. 20—70-е годы С. 143.

[112] Курбатов В.Я. Валентин Распутин: Личность и творчество. М., 1992. С. 79.

[113] Астафьев В. Вглядываясь вглубь О повести Валентина Распутина «Живи и помни» // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Том 12: Публицистика. Красноярск, 1998. С. 484.

* * *

Очерки начала 1960-х годов — живые свидетельства рождения новых городов, масштабных преобразований сибирского края и всей советской страны; очерки о Тофаларии, проникнутые светлыми лирическими нотами и жизнеутверждающим пафосом, постепенно приобретали качества художественной прозы и, безусловно, были значительным этапом в становлении В. Распутина как писателя: «...от фактографического очерка я переходил к рассказу. К увиденному и услышанному журналистом я стал как бы добавлять "от себя". Во мне словно проснулось авторское «я». Я стал ощущать себя наряду с героями моих очерков и рассказов»[114].

Исходным моментом мировоззренческой эволюции В. Распутина послужило обостренное внимание к феноменальному. В основе трансформации картины мира писателя лежит приближение к реальности, вектор которого составляет постижение человека, начиная с узко социального аспекта. Как и в классических повестях и рассказах, в центре комсомольских очерков и очерков о Тофаларии оказывается персонаж, характер которого, насколько это возможно, старательно прописывается молодым автором. В 1965 г. в «Красноярском комсомольце» выходит новелла В. Распутина «Имена» о матери, потерявшей в Великую Отечественную войну трех сыновей[115]. Младшего, который не был на войне, она называет именами погибших детей. Писателя интересует характер женщины, ее глубокие душевные процессы. Именно постепенное и целенаправленное постижение характера в его связях с социальным и природным началами формирует картину мира писателя, определяет его взгляды на реальность и свое место в ней.

Онтологическая составляющая мировоззрения складывается в 1960-е годы (открытие природного топоса) и получает полное развитие в повестях, рассказах и очерках зрелого периода творчества.

---

[114] Распутин В. Быть самим собой... С. 143–144.

[115] Распутин В. Имена: (Новелла) // Краснояр. комсомолец. 1965. 14 нояб. С. 4.

«Из уродливого скопища людей в таежное безлюдье»: природное и мифологическое в публицистике зрелого периода творчества

Онтологические представления В. Распутина, воплощенные в основных очерках 1980 — начала 2000-х годов (очерки, вошедшие в сборник «Сибирь, Сибирь...», «Миллионолетия Рольфа Эдберга»[116], «Вниз по Лене-реке»[117], «Громкое имя — Сибирь»[118], «Байкал передо мною»[119] и др.), могут быть интерпретированы при помощи понятия «биосферы». Эта категория, введенная в оборот естественно-научного и философского сообществ в 1875 г. Э. Зюссом, означает одну из оболочек планеты, «область активной жизни» и описывает живые организмы и среду их обитания (нижняя часть атмосферы, гидросфера и верхняя часть литосферы) в аспекте динамического единства. Приведенными понятиями, следовательно, можно обобщить всю совокупность объектов живой и неживой природы, изображаемых писателем и составляющих в целом авторскую картину природного мира. В нее входят, во-первых, живое вещество — представители биологических царств флоры и фауны: деревья (тайга), прочие растения, животные (байкальская нерпа, различные виды рыб, микроорганизмы, тундровый песец, олени и пр.). Во-вторых, объекты тропосферы: байкальские ветра. В-третьих, объекты гидросферы: Байкал, Телецкое озеро, реки Ангара, Катунь, Индигирка, Лена, Енисей, Тобол, Обь, Иртыш, Бия, Иркут и др., Васюганские болота. Наконец, в-четвертых, объекты верхнего слоя литосферы: пик Белуха, остров Ольхон, скала Саган-Хушун, Шаман-камень, равнины, тундра и т.д. В систему онтологических представлений писателя включается область трансцендентного.

Картина природного мира может быть классифицирована по трем основным уровням: «онтологическому», «географиче-

---

[116] Сибирь. 1989. № 4. С. 100—106.

[117] Наш современник. 1993. № 11. С. 95—111.

[118] Москва. 1998. № 7. С. 11—22

[119] Роман-журнал XXI век. 2003. № 8 (56) С 6—9

скому» и «хозяйственно-экономическому». Первый уровень можно также назвать «категориальным». Здесь писатель размышляет о природе вообще, об ее фундаментальных свойствах, многообразных формах, связях и отношениях, выстраивает иерархию бытия. На втором уровне категориальные представления о бытии переносятся на понимание природы Сибири. Третий уровень касается современной судьбы природной среды региона и связан с экологической и морально-этической проблематикой. Такое разделение носит условный характер, выделяемые уровни тесно взаимосвязаны и перетекают друг в друга.

Центральное место в онтологии В. Распутина в 1980-е годы занимает авторский космогонический миф, согласно которому Бог начал сотворение мира именно с Сибири «и повел его широко, броско, не жалея материала, и только уж после, спохватившись, что его может не хватить, принялся выкраивать и мельчить»[120]. Озеро Байкал в одноименном очерке называется «мерой щедрот» господних, «которой мерил, чему сколько быть от него»[121]. Человек при этом предстает венцом мироздания. Как полагает писатель, Бог замышляет его еще в начале космогонии, чтобы было кому любоваться совершенными результатами творения. Весь предшествующий человеку процесс созидания мира подготовляет его явление. Такое предназначение человека как субъекта эстетического созерцания предполагает его чувственность, духовность и нравственность. В этом сюжете представления о бытии явлены тремя сферами — областью трансцендентного, природной средой и антропосферой.

Трансцендентное (Бог, вечность) только заявлено в форме художественного образа и никак не детализируется автором. Реальность потустороннего в концепции писателя проявляется в мире посредством объектов живой и неживой природы. В выдержках из «Байкальских дневников» природа осмысляется как опосредующее звено между Богом и человеком. С точки зрения

[120] Распутин В. Сибирь без романтики // Сибирь. 1983. № 5. С. 126.

[121] Распутин В. Байкал // Распутин В. Сибирь, Сибирь... М., 1991. С. 87.

В. Распутина, не соединившись с ней в деле «препровождения души», человек не сможет совершить акт трансценденции: «Она не пустит»[122]. Повсюду в сибирской природе писатель видит рассыпанные знаки потустороннего. Например, Байкал обладает «многоверстными письменами», способность к чтению которых была утеряна современным человеком[123].

Природа Сибири – совершенный и исключительный в своей красоте и богатстве, стабильный и внутренне упорядоченный универсум. Он существует в пространстве вечности, не имеет своих автономных границ и органически включен в систему мироздания. К примеру, размышляя о Байкале, В. Распутин пишет, что «многими и многими чувствительными капиллярами связан он со всем огромным миром, видимым и невидимым, который нам до конца не дано постичь»[124]. Сакральным содержанием при этом обладают только объекты неживой природы – тропосферы, гидросферы и литосферы. Биологические организмы, в том числе растительные, выступают равноправно сосуществующими обитателями символических ландшафтов.

Обо всех составляющих сибирской природы писатель говорит в превосходной степени: «...равнина – так это равнина, самая большая и самая ровная на планете, болота – так болота, которым и с самолета нет, кажется, ни конца ни края. Восточносибирская тайга – это целый материк. <...> Реки – Обь, Енисей, Лена – могут соперничать лишь между собой»[125]. Сибирской природе свойственны такие качественные характеристики, как исключительность, уникальность[126], самодостаточность[127], не вмещающееся в известные понятия многообразие и контраст-

---

[122] Распутин В. Байкал // Распутин В. Сибирь, Сибирь... С. 94.

[123] Там же. С. 118.

[124] Распутин В. Байкал передо мною... С. 9.

[125] Распутин В. Сибирь без романтики // Распутин В. Сибирь, Сибирь... С. 46.

[126] «Нет ничего в мире, что можно было бы поставить в один ряд с Сибирью». См.: Там же. С. 23.

[127] «Кажется, она могла бы существовать как самостоятельная планета, в ней есть все, что должно быть на такой планете во всех трех царствах природы – на земле, под землей и в небе». См.: Там же.

ность[128], суровость и т.д. В. Распутин подчеркивает многоликость Сибири в разных ее углах и рисует широкие, детализированные, многоплановые полотна Байкала, Горного Алтая (Белуха, Катунь, Телецкое озеро), северной тундры, включая в очерк историю их открытия, опираясь на местные легенды и восторженные записи десятков ученых, художников и писателей.

Важный аспект — взаимоотношения в системе природная среда / человек. Воздействие природы на человека имеет реактивный характер. Оно зависит от вектора намерений, с которыми человек обращается к ней. С точки зрения писателя, «Сибирь, как и всякая другая живая земля, чует, с чем, с какой надобностью жалует сюда всякий гость, и тем же встречает-привечает»[129]. В случае благого к себе отношения природа реализует органичное свойство постепенного духовно-очистительного воздействия на человека. В очерках указывается на психотерапевтическую, умиротворяющую, гармонизирующую душу способность природы вообще и сибирской природы в частности[130].

В очерке «Сибирь без романтики» (1983) писатель рисует образ никогда ранее не бывавшего в этих краях, заранее робеющего перед Сибирью путешественника. Вступая на сибирскую землю, он видит только холодные, безжизненные пространства, безрадостное ощущение от этого усиливается душераздирающими надписями этапируемых каторжников на придорожных столбах. Но вскоре такое настроение сменяется успокоенностью, уверенностью и восторженным вниманием к красоте этой земли. Сибирские впечатления открывают в нем «какие-то но-

---

[128] «...Стремительность в одно время года и медлительность — в другое <...> Порывистость и оцепенелость, откровенность и затаенность, яркость и сдержанность, щедрость и сокрытость» См.: Распутин В. Сибирь без романтики // Распутин В. Сибирь, Сибирь... С. 47.

[129] Распутин В. Моя и твоя Сибирь // Распутин В. Повести Хабаровск, 1984. С. 5.

[130] «Провести даже один день на Байкале — это и с предками поговорить, и себя рассмотреть, потерявшегося в суете дней и снующего, как механическая шестеренка, и близко подступить к разгадке великих и вечных вопросов, издавна мучающих человека». См.: Распутин В. Верую, верую в Родину! / беседу вела Т. Жилкина // Лит. обозрение. 1985. № 9. С. 18.

вые и славные просторы, о которых он прежде не подозревал»[1] В качестве примера такого духовного перерождения приводятся сибирские путешествия А.П. Чехова и И.А. Гончарова. С ним связывается также явление «сибирского притяжения», когда раз побывавший в Сибири навсегда «заболевает» ею. В одной из редакций очерка Байкал (1987) В. Распутин разделяет утопическую мысль Л.Н. Толстого, что посреди природы в человеке не может удержаться чувство злобы, мщения и истребления себе подобных[132].

Воздействием природы на «коренного» сибиряка («генетика земли») объясняется формирование у него особого психического склада, заключающегося в соответствии человеческого духа величию Сибири, особой духовной стойкости, обостренном чувстве собственного достоинства и т.п. В свою очередь, влияние человека на природную среду осмысляется в двух аспектах: индивидуального отношения и социального воздействия. Первый аспект связан с проблемой познаваемости бытия. С социальным аспектом воздействия человека на природную среду связана экологическая проблематика, к которой В. Распутин впервые обращается в очерке 1972 г. «Вниз и вверх по течению».

Писатель подчеркивает, что напряжения всех гносеологических возможностей человека (как эмпирических, так и умозрительных) далеко не достаточно для восприятия величия космоса во всей его полноте. Поэтому природа метаэстетична и навеки сопряжена с тайной. К примеру, «живой, таинственный и величественный, ни с чем и ни в чем нигде несравнимый» Байкал, по мысли автора, не только не вмещается в любые рационалистические представления о нем, но и надстоит над горизонтом человеческой чувствительности: «Стоишь перед Байкалом, маленький и слабый, <...> пытаешься понять, что Байкал перед тобою и что ты перед ним, истягиваешься в мучительных при-

---

131 Распутин В. Сибирь без романтики // Распутин В. Сибирь, Сибирь. С. 43.

132 Распутин В. Байкал // Распутин В. Что в слове, что за словом? . Иркутск, 1987. С. 99.

зывах увидеть, понять и осмыслить — и отступаешь: впустую»[133]. То же бессилие и растерянность взгляда, тщетность восприятия в отношении алтайской горы Белухи воспроизводится в очерке «Горный Алтай»: «Ни слов не хватало, ни чувств, ни движений души — все спятилось и замерло безголосо перед этой властительной осиянностью»[134].

Объясняется ситуация гносеологического бессилия, во-первых, разностью бытийного статуса природы и человека, во-вторых, утратой человеком, в результате его отпадения от природного мира и замыкания в социальной жизни, онтологического сознания, способности к трансценденции: «Чего-то особо обонятельного и осязательного недостает нам, чтобы читать щедро рассыпанные по всему Байкалу знаки, что-то тонкое, звериное, какое-то предельное чутье недополучили или потеряли мы.. »[135] Оно заключается в восприятии с молитвенной установкой, отношении к природе как к храму, способности видеть и расшифровывать знаки потусторонней реальности.

Важное место в очерках занимает рассмотрение анимистических воззрений аборигенов на Байкал и Горный Алтай. Предположим, что целью обращения писателя к архаическим культурам Сибири служит, во-первых, стремление дать пример неразвитого в современном человеке онтологического сознания, во-вторых, продемонстрировать наиболее адекватное — символическое — видение сибирской природы. Исследуя топонимику Байкала сибирских народов («Лама», «Далая» и пр.), В. Распутин подчеркивает святость воды этого озера для всех издавна населявших его берега культур. В очерке «Горный Алтай» приводится поверье о Белухе как Владычице мира, запрещающее человеку даже смотреть на нее, ведь «это она насылает ветры и туманы, в ее власти, когда таять снегам и зеленеть травам, в какую сторону и каким числом идти зверю, урожайным ли быть лету»[136]. По-

[133] Распутин В Байкал // Распутин В. Сибирь, Сибирь. С 94

[134] Распутин В. Горный Алтай // Распутин В Сибирь, Сибирь. С. 155.

[135] Распутин В Байкал передо мною . С. 7

[136] Распутин В. Горный Алтай . С. 168

вествователь сам оказывается носителем такого типа сознания, занимая позицию мистического, трансцендентального миросозерцания; архаические мифологемы плавно перетекают в собственные размышления. Так, поднимаясь на главную вершину байкальского острова Ольхон скалу Саган-Хушун, он ощущает себя на вершине мира, одновременно среди трех космических стихий – неба, воды и земли, – соединяющихся в пространстве вечного течения времени: «...стоит поддаться настроению и понять, что нет под этой бездной деления на дни и недели, на приходящие и уходящие жизни, на события и результаты, а есть только бесконечное всеохватное течение, устраивающее смотры, на которые одно и то же, окунаясь то в свет, то в тьму, является бессчетно»[137].

Опорой и фундаментом мироздания, сакральным источником жизни становится пик Белуха: именно здесь происходит рождение ветра, воды, земли и времени, находится «начало чистодува и чисторода, берущихся из вечности»[138]. Титаническая мощь байкальских ветров заставляет соглашаться с верой прибайкальских этносов, что ветры – это могучие духи озера. Размышляя о семантике названия реки Катуни, «хозяйки» на местном наречии, автор говорит о ней как об артерии, обогащающей жизнью береговой космос, опоре и носительнице всеобщего становления: «К ней сбегает водосбор, жмутся леса и травы, от рождения до смерти держат ее в памяти зверь и птица, а горы, которым ведет она неустанный счет, как по команде, то приникают к ней, то отступают, давая место плодородию»[139]. Таким же статусом обладает Лена: «С каждой низинки и с каждого распадка собирает дань Лена и несет ее людям как первый и бесценный дар – дар влаги. Рождается из вод и лесов, настаивается на мхах и травах, опевается птицей, вздымается скалами жизнетворный воздух, превращаясь в ветер, летит в низовья вслед за водой как дар дыхания; нагуливается здесь зверь, становится на крыло птица, мечет в малых речках икру рыба – это начало и развод,

---

[137] Распутин В. Байкал // Распутин В. Сибирь, Сибирь... С. 89.
[138] Распутин В. Горный Алтай ... С. 165.
[139] Там же. С 161

обитель и исход третьего среди равных даров жизни — дара природного семени»[140].

В. Распутин рассматривает природу как космос, неизмеримо превосходящую человека силу, идеал гармонии, нерукотворного совершенства, эталон организации и мерило мудрости; эквивалент понятия «бытие». Биосфера Земли осмысляется как экологическая ниша человечества. В этом аспекте писатель связывает окружающую среду и деятельность человека в систему природа / общество, анализируя воздействие антропосферы на равновесие природных экосистем. В очерке «Сибирь без романтики» говорится о необходимости беспристрастного взгляда на Сибирь как страну, которую сотворила природа. Образ Сибири, таким образом, уравнивается с образом природы.

В. Распутин сакрализирует, одухотворяет природу Сибири, рассматривает ее пантеистически. В своей натурфилософии он воспринимает, во-первых, антропоморфические представления архаических культур, поклонение космосу племенами аборигенов Сибири, во-вторых, наследие русской религиозной и космистской философии (в частности, Л.Н. Толстого, Н.К. Рериха). Очерки отличаются высоким уровнем словесной изобразительности и свободным использованием средств художественной типизации, что обеспечивает исключительную глубину проникновения в субстанциальные, очень сложные и скрытые основы бытия и человеческого существования в нем.

Картина мира писателя в публицистике конца 1970—2000-х годов позволяет реконструировать рудименты архаических моделей культуры, глубинные семантические коды, дорефлективные схемы и символы, которые могут и не осознаваться самим автором, но способны пролить свет на многие грани его мышления: «Психоанализ научил нас тому, что символ передает свой смысл и выполняет свою функцию даже тогда, когда его значение не зафиксировано сознательным мышлением»[141].

---

[140] Распутин В. Вниз по Лене-реке. С. 98.

[141] Элиаде М. Мефистофель и Андрогин // Элиаде М. Азиатская алхимия: сб. эссе. М., 1998. С. 477.

В картине мира В. Распутина, сложившейся в очерках этого периода, можно обнаружить целый ряд соответствий мировоззренческим комплексам человека архаической культуры, в жизни которого доминирующим началом и идеальной парадигмой существования выступал космос. Как и для носителя архаического сознания, природа для В. Распутина — стабильная и внутренне упорядоченная в своих ритмах и феноменах система, в самой структуре которой присутствуют сверхъестественные начала. Мышлению писателя свойственен глубокий символизм. При этом природный мир не только изображается символически, но и воспринимается как система символов. Налицо религиозное «удвоение» мира, когда наряду с чувственно данной реальностью в картину сущего вводится трансцендентное, транслируемое эмпирическим измерением бытия, реальность умозрительного порядка (однако сама по себе не прописанная).

С точки зрения В. Распутина, приобретение человеком в процессе своего развития, состоящего в вычленении из природного мира, ограниченного знания не позволяет ему постигать бытие во всей его полноте и разнообразии связей. В свою очередь, природа познаваема только посредством символов. Онтофания и иерофания, таким образом, соединяются и выступают полностью тождественными в картине мира писателя, в чем, безусловно, видны следы архаических религиозных представлений В. Распутин стремится охватить мир в целом, воспринимает его как абсолютно законченное единство — проявляет универсализм собственного мышления.

Органически вписанными в онтологию оказываются отдельные представления аборигенов Сибири о Байкале и Горном Алтае. Используемый писателем в очерках конкретный этнографический материал служит для собственно авторской интерпретации окружающего мира, устройства и структуры вселенной вообще, и особенностей местной, сибирской, природы в частности, а также места в ней человека. В. Распутина интересует вера коренных сибирских этносов не в отдельных духов, а во всеобщую одушевленность природы, — т.е. в то, что априорно тождественно оригинальной картине мира писателя. В. Распутину важно прежде всего продемонстрировать наличие у аборигенов

мифологического сознания, такой стадии развития мироощущения, когда человек не противопоставлял и даже не выделял себя из мира природы, когда «от человека требовалось самое почтительное отношение <...> ко всей окружающей среде»[142]. Лишь такой тип мироощущения единственно адекватен полноте и совершенству бытия. При этом носителем онтологического сознания является и сам субъект речи очерков: «В подобном мире человек не чувствует себя замкнутым в рамках своего существования. Он тоже открыт, он общается с миром, поскольку использует тот же язык — язык символов. <...> Если для человека архаического общества мир постигаем и проницаем, то и человек этот чувствует, что мир «смотрит» на него и понимает»[143].

Эстетическое по сути созерцание природы позволяет писателю приобщиться к мистическому опыту. Собственно, эстетический опыт в его сознании приобретает черты религиозного. Сам механизм мифотворчества, с точки зрения В. Распутина, имеет своим главным истоком то глубокое духовно-эстетическое воздействие, которое оказывает природа на человека. Именно этим объясняется обожествление Байкала всеми издавна населявшими его берега культурами: «Байкал разрисован легендами, как лед его — кружевной изморозью, а вода зыбью. При встрече с ним сама собой начинала звучать песня — и складывались слова, извлеченные из таинственных глубин происхождения и поведения “славного моря”, под шум ветра, под плеск и взгляд округ они нанизывались и нанизывались, пока не слагались, как новый приток, в пронзительный выдох»[144].

Вселенная В. Распутина предстает абсолютно «прозрачной», в идеале полностью открытой человеку. Небо непосредственно открывает субъекту речи наличие вечности, как для представителя архаической культуры — наличие всевышнего бога. В образах отдельных природных объектов периодически проявляются рудименты архаического культа великой богини-матери,

142 Кыпчакова Л.В. К вопросу о культе деревьев у алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 147.

143 Элиаде М. Аспекты мифа. Ульяновск, 1995. С. 145–146.

144 Распутин В. Байкал // Распутин В. Сибирь, Сибирь... С. 95.

которая правит всеми природными процессами и олицетворяет женское начало мира (Белуха, Катунь). В большей степени архетип материнства свойственен образам рек (Катунь, Ангара, Лена и т.д.) и озер (Байкал, Телецкое озеро). Вода в картине мира В. Распутина – космогонический символ, животворящая и регенерирующая сила, первовещество, лоно всякого возможного существования[145].

Публицистической спецификой очерков можно объяснить тот факт, что в них ни разу не возникают аллюзии архаического культа дерева, а также культа духов природных объектов. Даже в своем обращении к этнографическим материалам писатель не рассматривает представлений аборигенов о дереве как о важном средстве организации пространства и не уделяет внимания Владыке острова Ольхон, центральному персонажу в мифологии Приольхонья, хотя эта символика присутствует в уже написанном к этому времени «Прощании с Матерой». В свою очередь, в повестях и рассказах В. Распутина нет образов гор и озер, представленных в очерках. Это позволяет говорить о том, что в публицистической прозе писатель расширяет и достраивает свою космологию; очерки открывают новые аспекты авторской картины мира.

Следующая архаическая черта мироощущения В. Распутина – это преодоление всех антиномий в системе онтологических представлений. Космос в очерках непротиворечив; писатель не находит противоречий в природе, априорно представляющейся ему идеальной. В свою очередь, природа сама входит в такую архаическую пару противоположностей, как «сакральное и профанное». Под «профанным» при этом следует понимать современный мир людей. Однако, в отличие от человека архаической культуры, В. Распутин воспринимает «мирское» не как иллюзорное, а как реально осуществляющее экспансию в мир ис-

---

[145] В свете этих представлений воспринимаются книги шведского мыслителя и деятеля экологического движения Р. Эдберга «Письма Колумбу», «Дух долины», «Трудный путь к воскрешению», содержащие размышления о воде как основе жизни на Земле. См. Распутин В Миллионолетия Рольфа Эдберга...

тинных значений. Данная диада лежит в основе всех бинарных оппозиций В. Распутина-публициста и может быть истолкована как архетипическая формула его мышления, которая определяет точку зрения писателя на проблемы современности и характер их публицистической постановки.

Картина мира в очерковой прозе В. Распутина иерархична. Писатель выстраивает четкую иерархию бытия, каждый из уровней которой «совершеннее» предыдущего и восходит к метафизическому источнику. Иерархиями пронизано все сущее, реальный и умозрительный миры: «Всякая исследуемая область вытягивается в цепочку взаимосвязанных и последовательно подчиненных ступеней. Эта цепочка всегда конечна, ее «низ» интересен прежде всего тем, что он отражает и символизирует верх»[146]. Социальное подчинено природному, которое, в свою очередь, подчинено трансцендентному — некому центральному регулятивному началу мира.

В публицистике стабильно проявляются отдельные черты архаического восприятия времени, связанные с онтологическим и антропологическим уровнями картины мира. Время В. Распутина имеет два измерения, которые соответствуют отмеченной выше фундаментальной антиномической паре его мировоззрения. Первое относится к священному уровню бытия и может быть обозначено как «онтологическое» время, второе - к мирскому, обозначим это время как «социальное». Онтологическое время — это время природы, ее естественных циклов — времен суток и года. Это время вечности. Социальное время, напротив, имеет линейный отсчет; а сознание писателя, безусловно, является исторически обусловленным сознанием современника. Однако и здесь в рудиментарном виде можно наблюдать свойственные архаическому сознанию восприятие цикличности времени и отрицание его непрерывности, что проявляется прежде всего в эсхатологизме и связано с его историософской концепцией В. Распутина.

Публицистические тексты писателя последних двадцати лет характеризуются появлением в них устойчивых эсхатологиче-

[146] Ивин А.А. Введение в философию истории. С. 153.

ских мотивов, наметившихся еще в очерке 1972 г. «Вниз и вверх по течению». Объяснение этому можно найти во влиянии трагической культурной атмосферы эпохи предстоящей смены веков и тысячелетий на мировосприятие В. Распутина, которое в общих чертах начинает соответствовать мировосприятию многих русских писателей и поэтов рубежа XIX—XX веков. Художник ощущает в ткани существования присутствие конца, с тревогой видит Сибирь и всю Землю перед лицом конечного момента. Периодически в размышлениях возникает образ нового первобытного человека, начинающего все сначала после вселенского экологического катаклизма.

В восприятии социального времени четко прослеживается архаическая идея о прогрессирующей деградации мира. Для архаического сознания, как пишет М. Элиаде, «протекание времени предполагает все большее удаление от “начала”, а, следовательно, и утрату первоначального совершенства. Все, что происходит во времени, разрушается, распадается, вырождается и в конце концов погибает»[147]. В. Распутин отрицает идею линейного прогресса в историческом развитии цивилизации и интерпретирует его как упадок, неумолимо влекущий к катастрофическому завершению истории.

В публицистике обнаруживается принципиальная структура архаических мифов о Золотом веке и конце света, воспроизводимая через призму сознания автора-современника. Однако налицо и существенные различия. Для древних культур время периодически кончается, чтобы, возвратясь к истокам, почерпнуть в них силы и вновь начаться. Грядущая катастрофа в архаическом сознании, таким образом, воспринимается не как нечто окончательное, а как очередной всплеск мирового цикла; эсхатология оказывается лишь префигурацией космогонии будущего и не приводит к отчаянию: «...для того, чтобы началось нечто истинно новое, нужно полностью уничтожить остатки всего старого цикла»[148]. Эсхатологические предчувствия В. Распутина, напротив, характеризуются именно состоянием отчая-

---

[147] Элиаде М. Аспекты мифа. С. 59

[148] Там же.

ния, которое не свойственно архаическому сознанию. Если для носителя архаического сознания конец света был проявлением сверхъестественного, священного в этом мире, соответственно — закономерным, неминуемым и даже желаемым, регулярно воспроизводимым в ритуалах нового года событием, непременным условием достижения первоначального блаженства, то для В Распутина это неестественный процесс, детерминированный не онтологическими закономерностями, не старением космоса, а исключительно «грехами людей», антропогенными факторами — экологический катаклизм. За ним, как полагает писатель, последует не новый «Золотой век» человечества, а первобытное состояние на изуродованной Земле. В этом свете проступает понимание особой мессианской функции художника — указать на трагическое существо современного момента и подсказать возможные пути спасения.

В очерках выявляется глубочайшая духовная драма В. Распутина, который как современник сам трагически ощущает свою принадлежность к современной цивилизации и мучится от невозможности установить былые связи с мирозданием, страдает от приобретенного недостатка «универсального, широкообзорного, опытосводящего взгляда»[149]. Отсюда проистекает мотив «бунта» против социального времени, «бегства» из него, которое осуществляется в двух направлениях: в природу и в историческое прошлое. В первом случае субъект речи очерков «выходит» из мирского течения времени и «погружается» в неподвижное время природы, пытаясь достичь утраченной интуитивной связности с миром: «...выползает душа, обезголосевшая от страданий и страха, отверженная, сморщенная и жалкая, и примащивается робко на самом твоем краешке, как над обрывом, и тихо, недвижно смотрит и слушает»[150]. Возвращение в естественное пространство первобытной природы вновь делает возможным постижение тайн жизни, способность к которому была утеряна в историческом процессе: «Если из уродливого скопища людей в таежное безлюдье — это из мира в мир, то я чувствовал себя

[149] Распутин В. Миллионолетия Рольфа Эдберга... С 162

[150] Там же. С. 185.

еще дальше, еще глубже, в каком-то третьем измерении бытия, среди необузданных стихий, схоронившихся тайн и первородной мистической жизни»[151]. Движение в природу даже уподобляется очистительному восхождению на святой Афон. «Бегство» в историческое прошлое можно считать реактуализацией архаического мифа о совершенстве первоначальных времен, возвращением к «времени ону», когда гармоничное сообщение между уровнями бытия и внутри них еще существовало. В национальном прошлом и особенно в эпохе покорения и первых шагов освоения Сибири писатель видит наличие потерянной ныне истины, этической меры поступков, придававшей верную направленность экологическим и социальным отношениям, что, в свою очередь, поддерживало и укрепляло гармонию в системе бытия. В обоих случаях ситуация «бегства», как правило, становится завязкой и сюжетообразующим приемом очерков.

Мировосприятие В. Распутина стабильно проявляет архаические черты. Писатель космизирует природу, оживотворяет и наделяет ее качествами священного. Восприятие субъектом речи очерков себя и своего места в мироздании, как и места в нем человека вообще, близко онтологическому сознанию представителя архаической культуры, когда человек воспринимает себя неразрывно связанным с космосом и космическими ритмами. Природа становится силой, направляющей человека и придающей смысл его существованию. В восприятии времени В. Распутин противопоставляет истинное, священное время природных циклов линейному времени цивилизации, которое кажется ему разрушительным и предполагающим свой конец. В общем смысле писатель творит собственный миф, который, как и в архаическом обществе, служит выражением первозданной реальности, более величественной и богатой смыслом, чем реальность современная (Б. Малиновский). Обстоятельствами, способствующими этому явлению, можно считать трагическое восприятие логики общемирового и национального исторического развития, вызванное глубокой неудовлетворенностью духовным состоянием современного общества.

---

[151] Распутин В. Вниз по Лене-реке... С. 98.

* * *

На начальном этапе творчества (рубеж 1950–1960-х годов) В. Распутин понимает человека как индивидуально-коллективное существо. Утверждает необходимость преодоления узко индивидуальной природы человека, подчинения его коллективу, что рассматривается как этическое благо. Этот идеал – растворение в коллективе – определяет состоятельность человека, придает ему внутреннюю цельностью. Отношения внутри коллектива непротиворечивы, так как коллектив интегрирован общими целями Общий долг имеет характер социально-технократического проекта, что связано с утопизмом мышления будущего писателя. По мере преодоления социального утопизма писатель постигает дисгармонию социальных отношений. Социум не обеспечивает укорененности человека, стабильности и осмысленности его существования. Причина – отрыв от бытия, потеря почвы и разрушение естественного устройства жизни.

Первоначально реальность понимается Распутиным только как социальная. Природа представляет собой лишь фон, на котором разворачивается действие очерков, объект окультуривающего воздействия социума. С очерков и рассказов о Тофаларии будущий писатель расширяет свой кругозор за счет освоения онтологии. В. Распутин открывает онтологические законы мироздания через постижение личности (характера), ее связей и отношений (с социальным и природным миром). Этому способствует актуализация архаического плана сознания. И если в начале творческого пути можно говорить о его мироощущении (картина мира молодого корреспондента формируется интуитивно, под влиянием общепринятых стандартов, общественной атмосферы и т.д.), то в публицистике после появления классических повестей, в ходе философской рефлексии накопленных знаний, составляющих зрелую картину мира, складываются осознанные ориентации и мотивации В. Распутина.

Априорные схемы и принципы мышления не изменяются на протяжении всего его творческого пути: утопизм, символизм, универсализм, «спекулятивная» ориентация теоретического мышления и т.д. Изменяется, эволюционизирует апостериорное

содержание мировоззрения: картина мира (социального и природного) и определяемые ею ориентации, система взглядов на мир. На протяжении своего творческого пути В. Распутин последовательно формирует в публицистике два образа Вселенной и человека. На место прогрессистской утопии приходит ретроспективная, традиционалистская. Идеальное состояние мира видится не в будущем, а в прошлом, ценности которого следует актуализировать Универсализм, символизм и «спекулятивность» мышления развиваются в мифологизм, религиозно-патриархальный взгляд на мир. Мышление В. Распутина остается в своей структуре коллективистическим, но основывается уже не на узко социальных доминантах, а на родовых, национально-исторических и онтологических.

В. Распутин преодолевает спекулятивные установки социально-утопического мышления, диктуемые «духом эпохи», путем открытия реального мира: «Ограничения, диктуемые стилем мышления, почти не осознаются и не подвергаются сомнению в свою эпоху. Только новая эпоха, вырабатывающая собственное, более широкое теоретическое видение, начинает замечать то летаргическое массовое ослепление, которое сковывает умы предшественников, ту общую, как говорят, систематическую ошибку, которая все сдвигала и искажала»[152]. В конце 1980-х годов Л. Капелюшный вспоминает значимый эпизод: «Однажды бывший первый секретарь обкома партии Н. Банников обмолвился с хорошо скрытым раздражением: замкнутый человек Распутин, все сам по себе. Несколько раз приглашал его лично поехать вместе на знаменитые стройки Приангарья, на БАМ. Не поехал. Неинтересны ему "героические свершения" наших дней .»[153]

[152] Ивин А.А. Введение в философию истории. С. 89—90

[153] Капелюшный Л Молитва за спасение не своей души // Моск. новости. 1988 3 янв. № 1. С. 4.

ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ В ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

«Никто не живет для себя»: происхождение и генезис нравственного долга

Выясняя метафизические основы нравственного сознания В. Распутина, соединяющего христианские и языческие начала, иркутский исследователь И.И. Плеханова определяет этику писателя как «мироощущенческую». Нравственное сознание в его прозе «не рациональное, но интуитивно-сенсуалистское, представляющее совесть не как рассудочное сознание, а как нравственное чувство <...> нравственные переживания неотделимы у писателя от острого чувствования мира, от созерцания его и зримого и метафизического образа одновременно»[1]. Совесть соединяется с потусторонним «чувствилищем», безличными сознанием и волей, не материальными, но вполне ощутимо проявляющимися в реальности и наполняющими ее высшими смыслами: «Метафизическое у Распутина <...> проявляет себя как весть абсолютной истины, открывающейся или святым (классические распутинские старухи) или прошедшему таинство очищения от греха самодостаточности, себялюбия, эгоцентризма»[2].

Этическая система В. Распутина может быть описана при помощи категории долженствования — одной из центральных в моральной философии[3]. В. Распутин в публицистике размыш-

[1] Плеханова И.И Категорический императив на сибирской почве // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 316

[2] Там же. С. 315.

[3] В истории философии существуют различные истолкования долга и должного, связанные с пониманием его генезиса: либо трансцендентное (И Кант, Н Гартман), либо антропологическое происхождение долга (Э. Фромм).

ляет о природе и происхождении долженствования, рассматривает основные моральные категории, связанные с ним.

Система моральных идей В. Распутина в период работы в комсомольских газетах Иркутска и Красноярска может быть понята в соотнесении ее с деонтологической концепцией Э. Фромма[4]: понятие о должном создается самими людьми. Но как представитель своей эпохи В. Распутин понимает долг в духе коллективного утилитаризма — как достижение общей пользы, что определяет характер коллизий и тип героя в ранних очерках будущего писателя. Долг понимается как следование абстрактно понятому общественному благу, долженствование основывается на априорной посылке о единстве (непротиворечивости) общества и индивида.

В это же время в очерках и рассказах о Тофаларии социально детерминированное представление о долге начинает усложняться, преодолевается введением традиционной этики, этики родового сознания, определившей пафос художественной прозы («Василий и Василиса», «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Вниз и вверх по течению» (1972), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матерой» (1976), «Что передать вороне?» (1981), «Век живи - век люби» (1982) и других произведений). В тофаларском цикле долженствование связывается с родовым и этническим началами. В. Распутин открывает в этносе тофов наличие своеобразной этической системы, рожденной в диалоге с природой. Здесь формируется родовое и онтологически детерминированное понимание долга как участия в продлении жизни, исполнения природного предназначения. Долженствование интерпретируется в качестве онтологической категории, поскольку чувство долга задается человеку от рождения как безусловная природная программа, а не как рационально сформулированное понятие.

В 1970-е годы В. Распутин открывает сложность природного долженствования, противоречия, возникающие при осуществлении и передаче этических норм. Писателя интересует национальный характер представления о долге, прежде всего мораль

[4] Фромм Э. Человек для самого себя. Введение в психологию этики // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1998. С. 23—256.

русского народа, детерминированная спецификой ландшафта, национально-историческая миссия русского народа как основа родовой и индивидуальной этики. В национально-неповторимом В. Распутин видит черты общечеловеческого, но общечеловеческое он представляет как синтез национальных этических систем. Нравственные нормы носят абсолютный характер, что связано как с их онтологическим статусом, вечным и универсальным, так и с их антропологическим статусом, в котором они предстают результатом взаимодействия индивида и рода, регламентирующим духовное и социальное существование индивида.

Наблюдая священные законы вечного обновления жизни, человек как родовое существо, по мысли В. Распутина, преодолевает трагизм конечности единичного существования: «У старух меня особенно поражает спокойное отношение к смерти, которую они воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Думаю, что этому спокойствию их научил долгий жизненный опыт. Перед их глазами проходили посевы и жатвы, зима сменялась весной, осень роняла листву...»[5] Законы мироздания определяют законы родового долженствования, заключающегося в продлении рода, определяют этику принятия бытия, следования не меняющимся желаниям индивида, не исторически изменчивым социальным законам, а универсальной необходимости космически организованной жизни природы.

Нравственные нормы реализуются в жизни отдельного человека через совесть, которая понимается как моральное предписание, возникшее и хранимое в культурно-историческом опыте народа, открытом онтологии: «...основная духовная задача и основная нравственная норма, которые созданы опытом всех предыдущих поколений и вверены нам для выполнения и возможного совершенствования»[6].

Деонтологическая система В. Распутина, таким образом, предполагает синтез антропологического и онтологического

---

[5] Распутин В. Быть самим собой / беседу вел Е. Осетров // Вопросы литературы. 1976. № 9. С. 147.

[6] Распутин В. Необходимость правды [Теоретический семинар «Литература и нравственность»] // Лит. учеба. 1984. № 3. С. 130.

начал. Долженствование приобретает два вектора и понимается, во-первых, как исполнение родового (природного) предназначения, во-вторых, как исполнение социально-исторического предназначения. Передача принципов долженствования и регулирующих их моральных предписаний (совести) от поколения к поколению — это сущность и миссия коллективной памяти, памяти народа. С одной стороны, В. Распутин понимает память как онтологический феномен: она заложена в бытии как космосе (порядке), предстает объективным законом, в том числе и законом человеческого существования. Такая форма памяти генетически заложена в духовном существе человека, в ощущении им своей связи с миром, всеединства сущего: «В нас живет каждое движение планеты и каждый шаг человека. Явившись в этот мир только на миг, мы вобрали в себя всю его эпопею <...> в нас, в каждое поколение без исключения, раз за разом закладывалось <...> связность всего со всем и существование всего во всем. <...> Чувство родства не только с тварным существом, но и с последней песчинкой и былинкой, лежащей и произрастающей подле, необходимости друг другу и дополнения друг друга вселялось в каждую клетку»[7]. Онтологическая память дана в подсознании: в ощущениях и чувствах; сенсорное переживание обеспечивает возможность восприятия метафизического в природе, возможность диалога с неэмпирическим миром.

Осознавая генетическую связь с бытием, человек естественным образом приобщается к нравственному опыту народа, передаваемому памятью, совокупным национально-историческим сознанием. Культура, традиции обеспечивают духовную преемственность поколений народа — «ощутительная, непрерывная связь поколений живущих с поколениями прошлого и будущего»[8]. Национально-историческая память аккумулирует совесть предков и выполняет функцию ориентации в жизни

---

[7] Распутин В Миллионолетия Рольфа Эдберга // Сибирь. 1989. № 4. С. 103.

[8] Распутин В. «Жертвовать собой ради правды». Против беспамятства. [Выступление на V съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры] // Наш современник. 1988. № 1. С. 169.

потомков, позволяя индивиду этически отделять вечное от временного, высокое от низкого, способствует пониманию каждым поколением своего особого места в истории, в вечном ряду поколений. Рождается этика, основанная на понимании миссии каждого человека, осуществления сверхличного долга, заключающегося в создании жизни для последующих поколений. В очерке «Русское Устье» повествователь размышляет, что бы ответили покоящиеся под покосившимися крестами потомки поморов о смысле своих трудов, если ничего после них теперь, кроме заброшенных погостов, не осталось, и предполагает ответ, «что никто не живет для себя, а только продолжает подготовление жизни для других, <...> и в таком неустанном подготовлении и есть искомый смысл»[9].

Долженствование распространяется на весь род (народ), на каждого его представителя и целое поколение. С завершением одного поколения долг передается следующему, а неисполнение ныне живущим поколением долга перед родом (народом) обесценивает этическое служение предков. Поэтому память является условием бытия как отдельного рода[10], так и народа, бесконечного, устойчивого самовоспроизводства и более – исторического развития. Накапливая темное незнание и забывая свое прошлое, общество лишает себя оснований для будущего: «Пережитое не может быть темным – темно будущее, когда сдвинуто со своего места прошлое и когда настоящее, не имея твердого основания, требует подпорок»[11].

Долженствование у В. Распутина имеет метафизическую природу, но воплощено материально: человек ответственен за конкретное пространство жизни, за освоенные предками природные и культурные ландшафты и призван их сохранить и

---

[9] Распутин В. Русское Устье // Распутин В. Сибирь, Сибирь... М., 1991 С. 264

[10] «Очень важно, насколько человек в состоянии расшифровать свою родовую, семейную память. Умеет он это делать – значит он действительно состоялся уже как человек и имеет право заглядывать дальше, чем прожил». См.: Распутин В. От роду и племени / беседу вела Т. Микешина-Окулова // Огонек. 1986. № 43. С. 28.

[11] Распутин В. Иркутск // Распутин В. Сибирь, Сибнрь... С. 154.

расширить. Следуя этому долгу, человек включается в метафизический круг, предписанный роду (народу). В концепции В. Распутина, казаки, поморы и старообрядцы покоряют и осваивают Сибирь, повинуясь мистическому зову и реализации национально-исторической миссии[12].

В отличие от онтологической памяти, историческое сознание требует сознательных усилий человека как национально-родового существа. В очерке «Кяхта» историческая память подвергается этической дифференциации по степени должной интенсивности духовного опыта на пассивное «припоминание» былого, не содержащее открытий, и активное, «полное и глубокое воспоминание», «чувствительный и радостный отзыв на запоздалую картину, встреча с заблудившейся родственностью»[13].

В. Распутин не ставит проблему человеческой воли в формировании нравственных законов, определении долженствования человеческая индивидуальность проявляется в следовании или не следовании априорной необходимости. Человек не свободен в определении долга; однако осознание себя частью народа, которому предписана общая миссия, придает жизни конкретного человека осмысленность и стабильность: «Знаете, я бы представил духовное хранилище нации в виде определенных берегов. От этих берегов — как бы проводящие каналы к каждому человеку. Собственного хранилища человеку недостаточно, чтобы наполнить себя... Нельзя жить, не вобрав в себя исторический и духовный опыт своего народа, только тогда сумеешь в настоящем различать черты временного и вечного»[14]; «И не стоять человеку твердо, не жить ему уверенно без этого чувства, без близости к деяниям и судьбам предков»[15]. Неисполнение родового долга влечет духовную неопределенность человека, порождает «кочевничество»: маргинализованные сообщества бродяг и каторжников в Сибири XVII—XIX вв., «шабашники» периода

---

[12] Распутин В. Сибирь без романтики // Сибирь. 1983 № 5. С. 106–128.

[13] Распутин В Кяхта // Распутин В. Сибирь, Сибирь С 213.

[14] Распутин В От роду и племени .. С. 29.

[15] Распутин В Иркутск . С. 131

промышленного строительства в Сибири 2-й половины XX в., российское общество 2-й половины 1980 – начала 2000-х годов. Забвение заветов предков современниками приводит к разрушению экосистем и культуры, моральному релятивизму и в конечном итоге к деградации нации.

Этика В. Распутина трансперсональная. В зрелой публицистике утверждаются патриархальные нравственные ценности народа, традиционные нормы организации жизни человека и общества, получающие глубокую концептуальную разработку. Должная модель человеческого существования в социуме и бытии заключается в следовании природным (онтологическим) и родовым законам, предполагает онтологическое мироощущение. Этика обусловливает коммуникативную установку публицистики на проповедь, исполнение миссии духовного пророка – трансляцию нравственной правды. Моральная проповедь в публицистике поддерживать преемственность национально-культурных традиций, жизни общества и конкретного человека, воспитывать в человеке сознательное следование нравственному долгу.

Этическую систему В. Распутина, в терминологии Э. Фромма, можно определить как авторитарную: «Авторитарная совесть – это голос интернализованного внешнего авторитета: родителей, государства или любого другого авторитета, являющегося таковым в данной культуре»[16]. Основой такой совести является фундаментальное неравенство человека и авторитета, в данном случае – человека и народа, человека и природы. Э. Фромм указывает на то, что этот интернализованный авторитет неминуемо становится частью внутреннего «Я».

Тональность публицистики В. Распутина определяется острым чувством социальной ответственности – за все общество, народ и Россию. Этим можно объяснить, почему в современной ситуации нравственного упадка категорический императив абсолютизируется, в прямом слове публицистических

---

[16] Фромм Э. Человек для самого себя. Введение в психологию этики. С. 154.

выступлений отчетливо проявляется монологизм и авторитаризм сознания писателя.

«Жертвовать собой ради правды»: деонтологическая миссия искусства

Национальной реализации должного способствует художник - деонтология В. Распутина включает в себя представления о природе творчества и долге писателя. Начиная с 1970-х годов он размышляет о творчестве как службе и миссии. В критике и публицистике периода классических повестей утверждается дидактическая задача художника: «По моему мнению, не существует ничего, никаких объективных или субъективных причин, которые могли бы всерьез помешать писателям самых разных стран, разных направлений и верований быть вместе и понимать друг друга в своей службе единому богу — правильному и возвышенному воспитанию человеческой души»[17].

С конца 1970-х годов представления о творческом долге усложняются, приобретают метафизическую глубину; художник оценивается как носитель родового — формируется представление о литературе как форме национального самосознания. Художник последовательно предстает медиумом, праведником и проповедником, в зависимости от этапа эстетической деятельности, связанной с познанием и продуцированием этической правды.

В эстетике В. Распутина инициатива акта творения не принадлежит автору. Источником и побудительным импульсом творчества называется некая иррациональная сила: «Когда сидишь за столом, вольно или невольно мечтаешь о силе, которая бы вознесла тебя, оторвав от стола, и допустила в свои таинственные пределы, откуда приходят откровения. Случается такое не часто, но... случается. Это и есть торжество работы»[18]. Сущность

---

[17] Распутин В [Ответ писателя на вопрос редакции журнала «Иностранная литература»] // Иностранная литература. 1977 № 6. С. 239.

[18] Распутин В. Вверх и вниз по течению / беседу вел Л. Ронин // Природа и человек 1984. № 11. С 34

творческого импульса может определяться через категорию боли: «Силы эти — та вызревшая, нестерпимая, не дающая ни днем, ни ночью покоя боль, которой болит сердце и которую важно донести до читателя во всем необходимом художественно-проблемном ее облачении»[19]. Однажды писатель начинает испытывать страдание, которое заставляет его откладывать все творческие планы и писать о наболевшем. Творчество является условием освобождения от мучений, боль отпускает творца лишь по завершении творения.

Однако творчество не является сублимацией, избавлением от собственных страданий; боль имеет характер сострадания, творчество является попыткой помочь тем, кому сострадает писатель, — осмысляется как нравственный поступок. Сострадание, по мысли В. Распутина, возникает, с одной стороны, как реакция на социальную реальность, в которую погружен писатель. Он переживает духовную связь с обществом и народом, которая проявляется в форме постоянного диалога: «...когда вы говорите, что пишете книгу, которую задумали и которая произошла только по вашей воле, то это, может быть, не совсем так... Как это происходит, какими путями, не знаю, но происходит то, что можно называть откликом на нравственные надежды читателя. Такая связь существует, и писатель, может быть, именно поэтому не так уж волен писать, что и когда ему захочется»[20].

Художник должен прозреть духовные и нравственные запросы современности, осмыслить их, воплотить в слове и донести до народа: «То, что неосознанно мучает многих и многих людей, но не нашло еще выхода и названия, писателю предстоит осознать, назвать и возвести до общественного и художественного открытия. А читателю затем предстоит узнать и ответным чувством подытожить: оно или не оно»[21]. С другой стороны, природа творческого импульса не ограничивается социальным. Писа-

---

[19] Распутин В. Болеть человеческой болью / беседу вела Н С. Тендитник // Сов молодежь. 1977 29 нояб. С. 2.

[20] Чтобы связь не оборвалась / С. Залыгин, В. Астафьев, В. Распутин // Лит. обозрение. 1981 № 9. С. 8.

[21] Распутин В Возросшая ответственность за слово // На боевом посту. Чита, 1979 30 июня. С 4.

тель не знает, откуда точно берется эта боль, что указывает на ее трансцендентное происхождение, делает творца в эстетической системе В. Распутина медиумом. Поэтому в публицистике крайне скупо говорится о творческих планах и незавершенных произведениях: «Писатель, мне кажется, должен осторожно давать обещание относительно своей дальнейшей работы. Что вот, мол, о деревне я пописал, теперь, пожалуй, попишу о городе. Иной раз это зависит не только от него...»[22] Некоторые из все же озвученных публично планов так и не были реализованы. Как, например, «городская» повесть, обещанная в 1979–1980-х годах[23].

Художник – лишь проводник высших смыслов. В очерке о Ф. Абрамове писатель предстает как выразитель истины, которая не принадлежит его воле: «Когда слово добывается кровью сердца, оно с кровью сердца и произносится. Истина, если ей к тому же нечасто удается выйти в люди, сама найдет и голос, и тон, и температуру накаливания»[24]. Истина метафизична, доступна лишь гению. В. Распутин показывает это на примере творческого пути А. Вампилова: «Вампилов видел жизнь оттуда, где, казалось бы, единственно и должен находиться художник, как только он принимается за работу, но куда в действительности по душе и таланту допускается мало кто, – он не обращался за доказательством к добру и вере, а происходил из них»[25]. В. Распутин связывает семантику греческого имени Александр – «защитник людей»[26] – с судьбой драматурга, а его смерть, цитируя словарь Даля, называет «возвращением жизненных сил его в общий источник». «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф.М. Достоевского, по мнению писателя, не придумана автором, а считана «...глазами ангела с текста, составленного помимо человека. В ней, в «Легенде», и воспоми-

---

[22] Распутин В Болеть человеческой болью. С 2

[23] Распутин В. Право писать / подгот. Ф. Зубанич // Радуга. 1980. № 2 С. 169.

[24] Распутин В. Его сотворенное поле // Сов. культура. 1987. 10 марта. С. 6.

[25] Распутин В. Мы все тянулись к нему / беседу вел В. Ивашковский // Сов. культура. 1987 18 авг. С. 5.

[26] Распутин В Степь за околицей // Студ. меридиан. 1983. № 8 С. 40

ние, и объяснение, и прорицание, далеко выходящие за опыт одной жизни. Эти мысли, эти образы, эти горькие истины могут, кажется, лишь протекать через русло избранника, считающегося их создателем»[27]. Н.В. Гоголь сравнивается с нахохлившейся вещей птицей, «слетевшей на многострадальную нашу землю из неведомых высот»[28].

В. Распутин настаивает на естественном — духовном, а не рациональном происхождении таланта истинного художника: «Художник художнику рознь У одного талант умственный, рассудочный, хладнокровного происхождения. В другом разделить эти дары — человека и художника — нельзя: "профессиональный плод" в нем вынашивается в благоприятных "утробных" условиях»[29]. На формирование таланта влияют не только и не столько внешние обстоятельства и сознательные усилия, но сама жизнь: «Нет условий, при каких добродетельные начала и художественные задатки способны оплодотворить друг друга и "понести", — не родится подлинный творец»[30]. Природу гения составляют интуитивные прозрения: «Творчество переносится из сферы свободы в сферу чуткости к предопределению — как сопричастности к высшему началу»[31].

Пространство истины составляет, с одной стороны, духовное существо народа, с другой стороны, природа, а гений воплощает накопленные поколениями творческие и духовные силы национального организма: «Художником человек становится лишь тогда, когда свои собственные чувства он соединяет с общим народным и природным чувствилищем, в которые я верю не меньше, чем в совесть и истину, и в которых

---

[27] Распутин В. Из глубин в глубины // Распутин В.Г. Россия дни и времена. Публицистика. Иркутск, 1993. С. 157.

[28] Распутин В. Откройте русскому человеку русский свет // Завтра 2001. Нояб. С. 7.

[29] Распутин В. Он прощал незаполненную душу, но не прощал пустоты // Рос. газ. 2001. 28 февр. С. 5.

[30] Там же.

[31] Плеханова И.И Категорический императив на сибирской почве... С. 321.

они, быть может, и проживают»[32]. Оценивая личность и творчество Л. Леонова, В. Распутин использует «геологическую» метафору: «...жизнь, даже самая обыденная, дарования такого масштаба, как Леонов, представляет тайну подготовления и существования необыкновенного. Чтобы зародился драгоценный минерал, требуются, как известно, миллионы лет. Внутри цивилизаций и культурных эпох также существуют творческие периоды кристаллизации гения, продолжающиеся наверняка дольше, чем способна заглянуть родословная. Куда не заглянуть — туда не заглянуть, но нельзя оставлять без внимания видимые знаки появления "того самого", для которого трудились поколения»[33]. Вопрос об авторстве «Слова о полку Игореве» кажется В. Распутину не принципиальным, поскольку устами анонимного автора говорила сама русская земля: «Я не мистик, но, размышляя о "Слове", я готов поверить, что единая требовательная и страдающая душа Руси (должна же быть у земли живая душа) вошла тогда в автора "Слова", возжгла его своим огнем и дала ему силу говорить за всю землю»[34].

Истинный художник ощущает генетическую связь со своим народом, которая и делает его художником, наделяет способностью к постижению глубин жизни: «Лишь русский человек способен на столь равноправное и в естественности своей глубоко природное и в то же время глубоко философское чувство жизни и смерти. И лишь русский писатель, и сам возросший из этого зерна, способен без натуги и домысла такого человека показать»[35]. Поэтому писатель должен следовать заложенным в себе национальным началам: «В русском человеке необычайно сильны природные, интуитивные, естественные начала. <...>

[32] Распутин В. Вопросы, вопросы... // Распутин В. Что в слове, что за словом?... С. 165–166.

[33] Распутин В. [Предисл. к публ. выдержек из записных книжек Л. Леонова] // Наше наследие. 2004. № 58. С. 100.

[34] Лихачев Д. С., Распутин В.Г. Великий мир «Слова» / записал Д. Чуковский // Огонек. 1986. № 12. С. 15.

[35] Распутин В. Вместо предисловия // Зверев А. Выздоровление. М. 1982. С. 4.

Писатель, я думаю, выигрывает, когда доверяет этим началам как в себе, так и в своих героях»[36].

Главной эстетической установкой С. Залыгина В. Распутин видит исследование и выражение национальной души, «народного мнения и опыта», «народной мысли, вникающей в коренные вопросы бытия»: «Ни о чем ином С.П. Залыгин, похоже, и не хочет писать. Для него это главная тема: народное сознание в его временных проявлениях и историческом движении, высветление народной сущности среди случайных и сезонных черт»[37]. Народный характер понимается как архетипическая система, сущность которой затемняется в историческом процессе, становится труднодоступной. В восприятии В. Распутина, С. Залыгин обнаруживает ядро народной души, народной нравственности под временными, ситуационными наслоениями, проясняет ее истинное содержание. В. Астафьев оценивается как носитель и естественный выразитель «народного слова», «играющего всеми красками подлинной жизни»[38]. «Деревенская» литература в целом осмысляется как способная «...точно находить нервные окончания на том огромном теле, которое мы называем "народ"»[39].

Ощущая вечность человечества, понимая цель национального бытия, художник становится хранителем нравственных ценностей — праведником: «Обязан знать и указывать на ценности, которые ни при каких условиях не должны быть пересматриваемы как непременное и выверенное условие правильного общественного развития. На то он и писатель, чтобы видеть сегодняшний день в ряду полного времени и понимать сегодняшнюю жизнь в ряду национального и общечеловеческого движения к своим идеалам»[40].

---

[36] Распутин В Жила-была сказка.. Живет ли она?: [Послесл.] // Евсеенко И. Крик коростеля. М , 1982 С. 317.

[37] Распутин В. Держатся природного дара. К 70-летию со дня рождения С П. Залыгина // Сов культура. 1983. № 145 6 дек. С. 6.

[38] Распутин В Все краски жизни. К 60-летию В. Астафьева // Распутин В Что в слове, что за словом? .. С 314

[39] Распутин В. Вопросы, вопросы.. С 164.

[40] Распутин В. Необходимость правды. С. 131.

Для характеристики предназначения литературы В. Распутин использует понятие «проповеди»: «Литература начинается тогда, когда в книге есть проповедь высоких мыслей и высоких поступков, а не жонглирование высокими словами»[41]. В задачу писателя, ведающего правду идеального (этического) существования, входит рассказ о ней. В его фигуре оценивается в первую очередь этическое ядро — нравственные принципы и способность разделить общую судьбу с коллективным целым: «Прежде всяких литературных достоинств ставлю качества душевные, без которых не бывает настоящего писателя. <...> Без искренности, совестливости, без способности сопереживать вместе со своим народом, со своей Родиной стать писателем невозможно»[42].

Предназначение художника — актуализация национальных ценностей в современном обществе и создание условий для воспроизводства нравственного опыта сегодняшним поколением. «Поддерживать чистые линии, выпалывать сорняки, заботиться о духовном росте человека, умножении его нравственных ценностей — вот задача писателя»[43]. Для этого он призван воспитывать в человеке личную ответственность за выполнение родового предназначения, осуществлять духовное руководство в исполнении долга: «Они, похоже, и в мир-то приходят, чтобы показать, каким должен быть человек и какому пути он должен следовать, и уходят, не выдерживая нашей неверности: неверности долгу, идеалам, слову — вообще нашей неверности. Но память о них и помогает, должно быть, оставаться нашей совести»[44]. В таких работах В. Астафьева, как «Царь-рыба», «Последний поклон», «Ода русскому огороду», «Пастух и пастушка», «Затеси» В. Распутин видит «...усилия литературы по нравственному и духовному выправлению человека»[45].

---

[41] Распутин В. Много дела на земле / беседу вел Э. Максимовский // Студ. меридиан. 1981. № 2. С. 37.

[42] Там же. С. 36.

[43] Там же. С. 37.

[44] Распутин В. Слово о Ларисе Шепитько // Экран 79/80. М., 1982. С. 146.

[45] Распутин В. Все краски жизни: К 60-летию В. Астафьева... С. 315.

Главной задачей писателя в современности В Распутин считает преодоление процессов национальной дезинтеграции, возвращение народу памяти — как это делал В. Шукшин: «Казалось, он сделал все и даже больше, чем мог один человек, писатель, режиссер и актер, сделать для собирания разрозненного, растрепанного по кусочкам, разроссиенного населения со слабой памятью, оставлявшего свои исконные веси и забывающего свои старинные песни, в одно духовное и родственное тело, называемое народом. <...> задев чувствительные и художественные струны, он задел гораздо большее — неотмершие корни народные, добрался до их нервных окончаний и безжалостно давил и давил на них: больно? А больно — так жив, а жив — так подымайся, берись за ум и собирайся на народную службу...»[46].

В. Распутин остается последовательным в выделении ипостаси гражданина в фигурах других художников, требуя от писателя гражданственности. В двух публикациях он пишет о Ф. Абрамове, оценивая в первую очередь его общественную позицию и социальное значение. Первая: «И талант, и мужество, и совесть»[47] — оперативный отклик на кончину писателя в мае 1983 г. Вторая: очерк «Его сотворенное поле»[48]. В. Распутин лишь перечисляет основные сочинения Ф. Абрамова (романы «Братья и сестры», «Две зимы и три лета», «Дом», повести «Деревянные кони», «Пелагея», «Алька»), говорит о многочисленных рассказах, публицистических статьях и выступлениях на писательских съездах. Вероятно, автор не считает себя вправе вторгаться в художественную ткань произведений одного из самых почитаемых им художников. В. Распутин вспоминает Ф. Абрамова как личность (знакомство на книжной распродаже во время Съезда Союза писателей в Кремле, поддержка Ф. Абрамовым начинающего прозаика В. Распутина, случай с печатной машинкой, общественная реакция на «Письмо к односельчанам», общение в

[46] Распутин В. Твой сын, Россия, горячий брат наш...: [Предисл.] // Шукшин В М. Мгновения жизни. М , 1989 С. 7.

[47] Вост.-Сиб. правда. 1983. 18 мая. С. 2 ; То же под назв : Его труд и подвиг // Лит. Россия. 1983 № 21. 20 мая. С 4

[48] Сов культура. 1987. 10 марта. С 6.

кругу друзей и соратников, роль писателя в экологическом движении и т.д.).

О Ф. Абрамове говорится как об «общественной и нравственной величине» — писателе, проповедовавшем патриотизм, гражданственность, национальную преемственность: «...не стало того, кто, надрывая сердце, хлопотал с горячностью и учил Россию-народ любить и беречь Россию-родину и землю, жить и трудиться во имя и благо ее на своих отчинах и techниах»[49]. Приводится императив Ф. Абрамова: «Мы ничего не можем, ничего не решаем! — это самый ненавистный мне образ мышления, с которым необходимо бороться...», — утверждающий личную ответственность человека за судьбу государства и нации, преодоление равнодушия, безразличия и неверия в свои силы. «И все мои писания, все мои сочинения преследуют именно эту цель»[50]. В. Распутин рассуждает о преемственности этой миссии, фактически говорит о продолжении ее в своем творчестве: «...для него было чрезвычайно важно, в чьи руки после нас попадет литература, которая в великих мучениях, в том числе и в его мучениях, снова соединялась с совестью и правдой»[51].

Со второй половины 1980-х годов В. Распутин требует от писателя мужества говорить правду и мудрости: «...как никогда прежде, писателю необходимы гражданская стойкость и зрелость»[52]. В новой социальной ситуации происходит смена эстетической установки. Писатель приходит к авторитаризму авторского слова, что наглядно демонстрирует проза последних пятнадцати–двадцати лет. Роман адыгейского писателя Ю. Чуяко оценивается как «...страстная песнь своему народу, страстная любовь к нему и страстная тревога за его дальнейшую судьбу...»[53]. Однако В. Распутин подчеркивает неизмен-

---

[49] Распутин В. И талант, и мужество, и совесть... С 2.

[50] Там же

[51] Распутин В. Его сотворенное поле... С 6.

[52] Распутин В. Земля судьбы / беседу вела О. Пинижина // Огонек 1986 № 8. С. 24.

[53] Распутин В. Как должно в наше время любить свой народ [Предисл к публ романа Ю Чуяко «Сказание о железном волке»] // Роман-газ 1994. № 24 (1246). С. 1–2.

ность своих представлений о художественном, настаивая на вынужденном характере происходящих изменений: «...повесть “Пожар” действительно вычерчена жесткими линиями: это — хорошо, а это — плохо. Но я тогда уже не мог сдержать своего нетерпения — за горло брало. Да, это малохудожественная вещь, это я прекрасно понимаю»[54].

«Из огня да в полымя»: интеллигенция и патриотизм

В конце 1980 — начале 1990-х годов представления о миссии писателя разворачиваются и вписываются в размышления об интеллигенции, ее современном состоянии и социально-исторической роли. Долженствование вновь рассматривается на социальном уровне и приобретает общественно-политическое звучание, что связано с объективными изменениями социальной жизни. Вопрос об интеллигенции возвращается и в связи с публикацией сборников «Вехи» (1908), «Из глубины» (1918), книги Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», наследия других эмигрантских мыслителей. В. Распутин трактует эти эпохальные труды как «историю болезни» русской интеллигенции. Вслед за авторами начала XX в. он пытается осмыслить феномен, генезис русской интеллигенции и ее роль в духовном кризисе СССР[55]. В статье 1990 г. «Из огня да в полымя»[56] патриотизм рассматривается как глубинное свойство национального духа, но автор констатирует преднамеренное разрушение патри-

[54] Распутин В. Мы пережили перестройку, и нам есть еще что сказать... / беседу вел В. Каркавцев // Вост -Сиб правда. 1996 2 окт. С 3

[55] Распутин В. Патриотизм — это не право, а обязанность // Лит. Иркутск. 1988 Июнь. С 1, 4; Распутин В. Из глубин в глубины // Лит. Иркутск. 1988 Дек. С. 1—2; Распутин В Сумерки людей // Лит. Иркутск. 1989. Дек. С. 1—3; Распутин В О чем звонят колокола // Лит Иркутск 1990. Март. С 2; Распутин В Интеллигенция и патриотизм // Лит Иркутск 1990 Нояб. С. 2—4 Оконч 1991 Янв. С. 1—3, и др

[56] Распутин В.Г. Россия: дни и времена. Публицистика. Иркутск, 1993. С. 4—40. Далее текст статьи цитируется по этой публикации с указанием страниц в тексте.

отического сознания в конце 1980-х годов, и основная вина за это возлагается им на либеральную интеллигенцию.

Статью отличает резкий полемический тон. В. Распутин цитирует и последовательно опровергает негативные высказывания о патриотизме Б. Окуджавы (как биологическом чувстве), Ю. Черниченко («свойстве негодяев»), Ан. Стреляного («фашизме»). Статья А. Стреляного «Песни западных славян» («Литературная газета», 1990, № 32) и интервью Ю. Черниченко («Книжное обозрение», 1990, № 19) подробно анализируются в тексте. В системе доводов и обобщений привлекаются высказывания П.Я. Чаадаева, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова и др. При доказательстве собственных взглядов В. Распутин по порядку опирается на труды Г. Федотова, Н. Бердяева, «Интервью и беседы с Львом Толстым» Г. Шерени, статью А.И. Солженицына «Наши плюралисты», статью Ф. Тютчева «Россия и революция».

В статье в зависимости от культурной ориентации выделяется два духовных типа интеллигенции: фактически славянофильская и западническая, соотносимые как национальная и антинациональная. Следуя за Н. Бердяевым, В. Распутин считает, что «интеллигенция в том духе, в каком она давно понимается и принимается, зародилась <...> в России и существует только здесь. Это полностью русское по среде обитания явление...» [С. 9]. Фактором, определяющим специфичность русской интеллигенции, ее отличие от интеллигенции европейских стран, о которой «можно говорить лишь в культурном и интеллектуальном смысле», является дух отрицания. Интеллигенция не соответствует призванию, основными ее чертами называются беспочвенность и наднациональность. Эти черты складываются исторически.

Начало явления русской интеллигенции В. Распутин, ссылаясь на Г. Федорова, обнаруживает в XVII в., когда 18 молодых людей во время царствования Бориса Годунова были отправлены для обучения за границу и стали «невозвращенцами». Основной импульс к формированию интеллигенции дает социальный и культурный раскол России, произошедший в результате петровских реформ: «Наша (интеллигенция. — *П.К.*) зародилась из главного противоречия в России, оставленного Петром,

в той трещине, которой раскололась страна, когда он с могучей энергией взялся передвигать ее в Европу» [С. 10]. Отчужденность от общего национального целого лишает интеллигенцию исторической памяти и приводит к нигилистическому мышлению: «Наша <...> интеллигенция, быть может, и сама вначале о том не подозревая и действуя вслепую, родившись из протеста мрачной действительности, затвердила затем протест как религию, как вечную цель и сделала обличение смыслом своего существования» [С. 10]. XIX век — век «критического реализма» и «революционного демократизма», по мнению В. Распутина, с неизбежностью привел сначала к Манифесту 1905 г., потом — Февралю и Октябрю 1917 г.

Советская интеллигенция представляет собой искусственное, неорганическое явление, уступающее дореволюционной в уровне культуры: «Новая интеллигенция, названная впоследствии образованщиной, выпекалась наскоро и готовилась, в основном, для технических и идеологических нужд. Едва тронутая культурой, с укороченной, без прошлого, памятью, бесчувственная к корням, но самолюбивая от этого и притязательная, она и в сравнении с прежней интеллигенцией, мало отвечавшей своему призванию, была на порядок ниже» [С. 26]. На ее формирование во многом повлияла идеологическая зашоренность образования и духовный климат СССР в целом: «...воспитываемые десятилетиями в фарисействе и лжи, они лишь изредка и случайно искушались судьбой своего Отечества и народа, в том числе нашими книгами, но выстояли: воспитываемые в безлюбовье и приспособленчестве, они приспособленцами и становились и прощению не научились»[57]. «Образованщина» также беспамятна и аморалистична, как и революционно-демократическая интеллигенция, но отличается от нее духовной несамостоятельностью — это «полуинтеллигенция». Ее влияние на Россию еще более пагубно: «Оборванная связь времен, перевернутое, как у младенца, видение мира и его ценностей, глумление над отечественными и общечеловеческими святынями, контроль над

---

[57] Распутин В. Россия уходит у нас из-под ног: Выступление на VII съезде писателей России // Распутин В.Г Россия: дни и времена... С 45.

искусством и мыслью, верхоглядство учителей, предписанные правила хорошего тона, да и просто роль интеллигенции как общественной прислуги — все это делало из нее духовных недорослей и не давало надежды на ее целительность» [Там же].

В. Распутин видит в современной либеральной интеллигенции неполноценность души, возникнувую вследствие неполноценного, безотеческого воспитания: «Российский демократ образца 80—90-х годов — это особый тип человека, созданного не убеждением, а каким-либо изъяном, нравственным или психическим, какой-либо неполнотой, неуравновешенностью, неукорененностью»[58]. Отрыв от родной почвы, отсутствие исторической преемственности детерминирует духовную слепоту и неспособность к различению вреда и блага для России: «Нынешние ругатели патриотизма лишь повторяют зады, не только пройденные, но и нажегшие бесчисленные духовные и материальные пепелища, они не утруждают себя извлечением истины из палки, которой Россия уже была бита, вновь вовлекая ее, как неизбежное возмездие, на голову дурачимого народа» [С. 5]. Деятельность такой интеллигенции осознается как «война с собственной страной», отрицание исторической самобытности и ценности России, основанное на ненависти. Именно интеллигенция, ставшая в период перестройки «пятой колонной», «...народ отрывает... от народа, отрывает от национальных, культурных и духовных корней, которые делают его народом»[59]. Судьба революционно-демократической интеллигенции в прошлом и настоящем представляется В. Распутину трагической: провоцируя негативные социальные процессы, она с неизбежностью теряет над ними контроль и сама становится жертвой, как это подтверждает Октябрьская социалистическая революция 1917 г. и вся кровавая история России в XX в. Тот же исторический парадокс В. Распутин наблюдает на исходе перестройки: интеллигенция теряет инициативу, которую перехватывает

---

[58] Распутин В У нас Поле Куликово, у них — «Поле чудес» / беседу вел В Кожемяко // Сов. Россия 1998 2 апр. С. 5

[59] Распутин В. После событий, накануне событий / беседу вел П Емелин [Лит. газ., 1992] // Распутин В Г Россия: дни и времена... С. 69—70.

чернь «из отечественного беспределья» [С. 28]. В 1990 г. писатель с уверенностью прогнозирует дезинтеграцию СССР и будущие национальные конфликты на территории постсоветского пространства.

Примерами истинной — «духоотеческой» — интеллигенции для В. Распутина являются, с одной стороны, русские святые (Сергий Радонежский, Феофан Затворник, Серафим Саровский, Иоанн Златоуст, Иоанн Кронштадтский, оптинские старцы), с другой стороны, патриотические писатели, философы и ученые (Г.Р. Державин, М.В. Ломоносов, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский, А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, братья Киреевские, В.В. Розанов, В.И Даль, И.П. Павлов, Д.И. Менделеев, В.О. Ключевский и др.). Их деятельность (духовная, общественная, научная) направлена на благо народа и государства: «Не бунтари, а целители национальных язв; не хулители, а работники на ниве просвещения; не агитаторы, а доброхоты мысли» [С. 11]. О верности этого пути свидетельствует духовное перерождение к концу жизни П.Я. Чаадаева и А.И. Герцена. Национальная интеллигенция добивается отмены крепостного права, а антинациональная — Манифеста 1905 г., предопределившего весь трагический ход истории России в XX в.

Сложившейся в Советском Союзе «образованщине» противопоставляется послереволюционная эмиграция (И.А. Ильин, И.С. Шмелев и др.) и ее наследники (национально-патриотический лагерь) — «инакомыслящие и инакодушные». К представителям национальной интеллигенции в сознании В. Распутина могут быть отнесены некоторые представители творческой и научной интеллигенции современности — композитор Г.В. Свиридов, академики Б.А. Рыбаков, Д.С. Лихачев («хранитель национальной культуры и памяти»[60]) и др.

Предназначением истинной интеллигенции в современной России провозглашается «национальная мобилизация и укрепительная работа»: проповедь традиционных коллективистиче-

---

[60] Распутин В Вся жизнь — страда К 80-летию Дмитрия Сергеевича Лихачева // Сов. культура. 1986 27 нояб. С 6

ских ценностей и культуры («Убедить россиян, что достоинство нации должно быть выше их личного благополучия...» [С. 38]) и продуктивная работа по укреплению культуры, общественных институтов и государства. Деятельность национальной интеллигенции в настоящем основана на любви к отечеству и представляет собой ответ на вызов врагов России: «Но больше всего нуждается она (Россия. — *П.К.*) в нашем милосердии, в том, чтобы по крупице и по капле принесли мы ей свою преданность, веру, любовь, труды, чистоту помыслов и чистоту жизни, разделили бы между собой ее страдания, поклонились за мученичество, встали крепкой защитой против бесей, истязающих ее плоть и дух...» [С. 29]. Исторический момент вменяет в обязанность патриотам России активную общественную борьбу: «Пассивность в этих условиях есть грех, который потом не отмолить!»[61] Самоопределяясь по отношению к происходящему в социальной жизни, писатель утверждает героизм и подвижничество как модель поведения национальной интеллигенции — духовное самосовершенствование, работа над собой, с одной стороны, и активная общественная борьба, с другой: «Подвижничество — как надежные и обширные тылы, как необходимость укрепления духа и постепенное теснение чужих. И героизм — как передовая, где идет борение сил»[62].

«Бушующее сиротство молодежи»: распад связи поколений в конце XX века

Рассуждая о природе и генезисе долженствования, миссии писателя и интеллигенции, В. Распутин исходит из констатации в современном обществе глубокого нравственного кризиса, сущность которого связывается с распадом связей поколений, забвением современниками совести предков. Эту коллизию ил-

[61] Распутин В. Дни наши тяжкие / беседу вела А. Жарова [Мир женщины, янв. 1992] // Распутин В.Г. Россия: дни и времена С. 77.

[62] Распутин В. У нас Поле Куликово, у них — «Поле чудес» / Сов Россия 1998 2 апр. С. 5.

люстрирует одна из центральных проблем в творчестве В. Распутина — проблема взаимоотношений поколений отцов и детей. В 1980—1990-е годы она становится наиболее актуальной, обусловливая постоянные инвективы писателя современному молодому поколению.

В 1994 г., под впечатлением от перелета из Иркутска в Москву, В. Распутин пишет очерк «Россия молодая», в котором оппозиция старого и нового, «прежних» и нынешних времен заявлена как метафора доступности/недоступности связей людей, авиаперелетов[63]. Констатируя свершившееся социальное расслоение общества на бедных и богатых («новоиспеченных толстосумов» и «прочих»), автор оценивает возникший социально-психологический тип современного молодого человека. Молодые пассажиры самолета — коммерсанты, летящие в столицу за товаром, — рассматриваются как воплощение и выражение утверждающегося мироотношения современных молодых людей. Демонстративное поведение «тружеников киоскового изобилия», их «порочные манеры», обильное употребление мата — родовые черты нового поколения, поколения охоты, покорения, а не служения и заботы: «...устремленность этих молодых по большей части людей была иного свойства — какая-то охотничья, дерзкая»; «...на лицах впечатанная небрежность, движения порывистые, резкие, глаза с быстрыми прицельными взглядами» [С. 3]. Писатель интерпретирует их общность как общность «захватчиков», «экспедиционного отряда», направляющегося «к месту события». В авторской антропологии этот образ соотносится с «кочевником» и «архаровцем» («Пожар», «Громкое имя — Сибирь», «Моя и твоя Сибирь» и др.). Номинативы «архаровец», т.е. «бродяга», «оборванец», «отчаянный» и «изворотливый» человек, как и более нейтральное определение «кочевник», выражают семантику варварства, предполагают неукорененный способ существования в обществе и природе, осознанный нигилизм и аморализм.

---

[63] Распутин В. Россия молодая // Иркутская жизнь Совм вып. ред газ. «Говорит и показывает Иркутск» и пресс-центра гор администрации. 1994. С 3, 6. Далее очерк цитируется с указанием страниц в тексте

Молодым «купцам и подкупечникам» противопоставлен образ «прочих» — отставной военный из Риги с женой, «такие же, как я, разночинцы, осколки прошлого...» [Там же]. Важен социальный статус попутчика — военный пенсионер, т.е. человек, *в прошлом* исполнявший долг ныне уже не существующей стране, и возраст — *пожилой* человек. Нарочито сниженное определение «прочие» указывает на их маргинальное, периферийное положение в новых социально-экономических и социокультурных условиях, когда старшее поколение становится невостребованным. С другой стороны, эпитет «прочий» у чуткого к этимологии слова писателя сохраняет семантику «остатка впрок», т.е. намека на то, что опыт старшего поколения может стать востребованным; современная его ненужность означает отступление от безусловных законов.

Перемещение в пространстве по воздуху, предполагающее отрыв от земли, соответствует переходному состоянию жизни, смене социальных норм и приоритетов, кризису ценностей. Полет предполагает возвращение на землю, но возвращаться некуда, и старшее поколение, не вписывающееся в новое устройство жизни, становится бездомным, лишенным возможности следовать своим принципам существования. Прежнего государства больше нет, отставные (отставленные, а не отказавшиеся от службы) его слуги оказались везде в чужой стране: «Должно быть, для соседей моих, возвращающихся в Ригу, вопрос решен: России нет. Искать пристанища по кровному родству негде. Там глухая нелюбовь, подчеркнутая, рассчитанная <...> здесь — разгул нравов, выплеснувшихся со дна» [С. 6]. Произошел распад не только Советского Союза, государства, но и России, ее духовного субстрата. Молодежь строит свою страну, свою мораль, свою культуру, демонстративно оторвавшись от основы, от земли.

Происходящее в замкнутом пространстве авиалайнера В. Распутин проецирует на социальную реальность современной России, определяя вектор социально-исторических и культурно-нравственных сдвигов: отмена нравственности и элементарных норм поведения («даже библейские заповеди занесены в старорежимное тягло, стесняющее, как кандалы, свободу человека, наконец-то усчастливленного без них» [С. 3]); «социальное

пиратство», захватившее «дрейфующие государство», «паханство», выпущенное на волю и получившее простор для утверждения своих законов, по которым людской мир состоит из своих, «воров», и предателей, «сук» [С. 6]. Отсутствие аргументации инвектив, что присуще публицистике писателя в этот период, выявляет психологическое состояние автора, интонацию отчаяния: цель автора — выразить эмоциональное отношение, а не дать анализ реальности.

Акцентируется абсолютная противоположность способов жизни и систем ценностей отцов и детей. Отделяя себя от молодого поколения, относя себя к «прочим», автор отказывается не только от диалога, но и от знаний о новой действительности: «Странно, однако же, почему мне неинтересно знать, что такое маркетинг. Что-то из основ новой жизни... Не мое, меня от этой жизни уже отбило. Правила специальных движений для достижения успеха, для которого я не гожусь...» [С. 6]. В столь категоричном осуждении, безусловно, выражена озабоченность торжеством чуждых нации жизненных ценностей, основанных исключительно на стремлении к материальному обогащению, но конфронтация с молодым поколением не оставляет возможности для передачи иных духовных мотиваций в условиях стирания национальных основ культуры.

Распутин фиксирует необратимое «перерождение человека в какое-то новое существо», потерю не только национального, но и собственно человеческого, торжество низменных проявлений человеческой природы, ранее регламентированных нормами нравственности: «Наступил праздник воли, грянуло неслыханное торжество всего, что прежде находилось под стражей нравственных правил, — и тотчас открыто объявило себя предводителем жизни таившееся в человеке дикобразье...» Демонстративный отказ молодого поколения от установленных предками правил, «крепящих нравственный порядок жизни», приводит к гибели не только государства, но, в перспективе, целой цивилизации. Последствия отказа от императива заветов развернуты в очерке в образе заброшенной, оставленной людьми деревни, зарастающей бурьяном; отсутствие моральной регламентации приводит к прогрессирующей энтропии,

которая распространяется на все бытие. Нарушение духовной преемственности поколений ощущается как нарушение миропорядка: «В Новосибирске, сходя под холодный порывистый ветер, секущий снежинками, я вдруг заблудился: что сейчас – весна или осень? Сошел снег или еще не нашел, последний или первый под ветром?» [Там же].

Писатель не пытается постигнуть причины происходящей в сознании молодых духовной переориентации, полагая, что отрыв от корней произошел в результате ослепления «сиюминутным кушем» — легкой доступностью материальных благ. Молодые души порабощены «великими преобразователями», демонизируемыми, но сводимыми к участникам преднамеренного заговора по умерщвлению нации, России; молодежь намеренно поставлена в условия неограниченной свободы, вседозволенности, становясь исполнителем замыслов внешних врагов. Катастрофизм современной жизни усиливается ощущением стремительности этого процесса — сравнение увиденного во время полетов, разделенных тремя месяцами. В очерке возникает эсхатологический образ жестокого убийства страны: «Треск, стон, вздохи разрываемого тела, обнажившаяся плоть, открывшиеся гробы, спадающие с подножья отрываемой платформы» [Там же].

На протяжении 1990-х годов отношение В. Распутина к молодежи меняется[64]. В начале 1990-х годов оно подчеркнуто негативно. Например, в интервью декабря 1993 г. «Нет, не кончено с Россией...» писатель, отказывая молодому поколению в приближении к долженствованию, считает, «...что из нашей молодежи не просто создается нечто с неясными результатами, а уже создан тип человека, совершенно новый, какого раньше и быть не могло. Тип человека безжалостного, циничного, поклоняющегося госпоже удаче, ради которой пойдет на все» [С. 7]. В очередной раз указывается на виновника происхождения

---

[64] Распутин В., Кожемяко В. Последний срок диалоги о России 1993–2003. Трудные времена глазами писателя и журналиста. 2-е изд М , 2006 С 160 Далее интервью, вошедшие в сборник, цитируются с указанием номеров страниц в тексте.

нового антропологического типа — новая культурная среда, созданная новыми средствами массовой информации, взявшими на себя право давать ориентиры молодым, заместившими авторитет старшего поколения, совершившими «моральное растление и убийство миллионов»: «Так их воспитали в последние семь-восемь лет телевидение, газеты, общественное мнение» [Там же]. В. Распутин соглашается с Ю. Власовым[65], «что мы потеряли не одно, а, вероятно, два-три поколения молодежи. Потеряли притом в окончательном смысле, делая их врагами исторической и национальной России» [С. 8]. Средства массовой информации, заменившие общественное мнение, развращают молодых, будучи проводниками соблазнов чужого и доступного в условиях невостребованности опыта старшего поколения, разрушения самих механизмов передачи родового долженствования при распаде устойчивых рамок культурной среды. Парадоксально, но отыскивая виновника, «змея-искусителя» молодых, Распутин редуцирует вину молодого поколения за то, что соблазнились, а главное, — ставит под сомнение безусловность, генетическую природу передачи духовного наследия, что позволяет говорить о демонизации как внешних врагов, так и привнесенных извне в Россию атрибутов массовой культуры.

С середины 1990-х годов отношение В. Распутина к молодому поколению в новой России становится менее категоричным и однозначным. В ноябрьском интервью 1996 г. «Не тот победитель?» он говорит о необходимости старшему поколению обратиться к познанию молодежи: «Мы склонны считать иногда, что молодежь, по крайней мере большинство ее, для России потеря-

[65] Ю. Власов — олимпийский чемпион по тяжелой атлетике, русский писатель, публицист и общественный деятель национально-патриотической ориентации. Принимал участие в защите Белого дома во время государственного переворота ГКЧП в августе 1991 г., в октябре 1993 г. поддерживал защитников Дома Советов, выступал за отставку президента Б. Ельцина. В публицистике Ю. Власова конца 1980-х — середины 1990-х годов отражается процесс кризиса государственной власти в России, осмысляются причины переломных событий 1993 г — «Года Великого поражения»

на. Этот случай[66] не может, разумеется, служить полным опровержением таких мыслей, но заставляет задуматься: а хорошо ли мы знаем свою молодежь?» [С. 23]. Для публицистики 2-й половины 1990-х годов такая оценочная модальность становится определяющей. На первый взгляд, на изменение оценки влияют личные амбиции, признанность или невостребованность писателя, однако представления о миссии писателя как проводника высшей истины в жизни и взгляды на природу творческого процесса, выраженные в критике и публицистике, могут свидетельствовать, что В. Распутин, относящийся к себе как к хранителю норм традиционной нравственности и живой связи с предшествующими поколениями, оценивает не собственное признание, а заинтересованность молодых людей в тех ценностях, которые он отстаивает.

В марте 1997 г., называя «впечатления обнадеживающие и радостные» («Всю жизнь я писал любовь к России»), В. Распутин свидетельствует, что «...молодая Россия не выбирает ни пепси, ни американскую культуру, ни чужую мораль», «мне пришлось убедиться в этом за последнее время и в Москве, и в Иркутске. Мое убеждение, разумеется, имеет оговорки, и даже серьезные, но в сути своей, я уверен, оно правильное» [С. 40]. С молодым поколением связывается надежда на возрождение национальной России В апреле 1998 г. («У нас поле Куликово, у них — «Поле чудес») В. Распутин делится мнением, что «...молодежь-то как раз не “вышла” из России. Вопреки всему, что на нее обрушилось. <...> Из чего я делаю эти выводы? Из встреч с молодежью в студенческих и школьных аудиториях, из разговоров с ними, из наблюдений, из того, что молодые пошли в храмы, что в вузах опять конкурсы — и не только от лукавого желания избежать армии, что все заметней они в библиотеках» [С. 58—59]. В феврале 2000 г. В. Распутин вспоминает празднование 200-летия А.С. Пушкина в Псковском университете («Рубеж горя и беды

[66] Решение общественного жюри, в которое вошли около четырехсот московских студентов и старшеклассников, отдавшего победу в литературном конкурсе «Москва-Пенне» В Распутину, а не Л. Петрушевской или Ф. Искандеру.

или все-таки надежды?»): «...Тоже переполненный зал — и глубокие, преображенные лица студентов, отзывающихся на истинного Пушкина. <...> Совсем молодые в инстинктивном страхе отшатываются от того, что видят они в идущих поперед. Не так дружно и массово отшатываются, как хотелось бы, и все-таки заметно. Дай-то Бог!» [С. 76]. Писатель обнаруживает в современных молодых людях этическую состоятельность и полноценность: «Молодежь теперь совсем иная, чем были мы, более шумная, открытая, энергичная, с жаждой шире познать мир, и эту инакость мы принимаем порой за чужесть. Нет, она чувствительна к несправедливости, а этого добра у нас — за глаза, что, возможно, воспитывает ее лучше патриотических лекций» [С. 59].

Вина за потерю преемственности и все произошедшее в России теперь возлагается на старшее поколение, бросившее молодых без отеческого попечения, когда «разбирались между собой и своими партийными интересами», и на среднее поколение, противопоставляемое молодежи конца 1990-х: «Знаете, кто больше всего потребляет "грязную" литературу и прилипает к "грязным" экранам? Люди, близкие к среднему возрасту, которым от тридцати до сорока. Они почему-то не умеют отстоять свою личностность. А более молодые принимают национальный позор России ближе к сердцу, в них пока нетвердо, интуитивно, но все-таки выговаривается чувство любви к своему многострадальному Отечеству» [С. 59].

Изменение отношения В. Распутина к молодому поколению может быть связано, с одной стороны, с приходом новой, отличной от предшественников рубежа 1980—1990-х годов, генерации, с другой стороны, — с устойчивостью мифа писателя о народе, способном обновляться в следующих поколениях: «Понадобятся, мне кажется, годы, чтобы на поколениях, которые показали себя слабыми, отшелушилась кожа, пропитанная неуверенностью и отчаянием, и появилась новая. На молодежи она уже видна. Не на той, разумеется, молодежи, которая заражена наркотиками, безразличием и буржуазностью, а иной, мало пока заметной, но все увереннее нарождающейся, которой чувства обкраденности и одураченности переходят в волевые начала. А

уж она, когда войдет в силу, найдет слова, как правильно переписать законы. Вот в это я верю! Хочу верить» [«И в душу лезут диверсанты». Январь, 2002. С. 115]. Национальная жизнь сохраняется в глубине народа и ищет выхода в молодом поколении, удерживая его от соблазнов чужого мира.

В этом контексте В. Распутин оправдывает рост популярности среди молодежи ультраправых идей, что трактует как неловкую попытку выразить национальный порыв («Краденый венец». Январь, 1999): «Ребята, которых мы видим на экранах, соблазняются рыцарскими лозунгами, романтикой служения национальному возвышению после национального падения, они ищут организации, жаждут дела. А то, что столь искренние и благородные порывы находят именно это оформление, свидетельствует о кризисе нашего национального сознания, которое не может предложить им другой организации» [С. 70] В интервью отчетливо прочитывается оправдание в теории фашизма национального порыва, хотя В. Распутин предупреждает национально-патриотические силы от использования одиозной терминологии и атрибутики: «О фашизме серьезно рассуждал, говоря сперва о его плюсах и минусах, русский философ И.А. Ильин. Но он же позднее, после войны, предупреждал, что фашизм получил одиозную окраску и национальным движениям не следует пользоваться этим наименованием» [С. 70]. Обращаясь к национализму — агрессивной форме национальной самозащиты, — писатель указывает на необходимость зрелого самосознания, основного на традициях и культуре.

«Потепление» оценок молодого поколения со второй половины 1990-х годов свидетельствует не столько о более многомерном истолковании судьбы современного поколения, сколько о противоречивости восприятия писателем современной действительности, что препятствует целостному, философскому осмыслению социокультурных изменений

Образ молодежи в поздней публицистике не дифференцирован, В. Распутин выделяет две большие страты по принципу приобщенности к традиционной культуре: испытывающие потребность в возвращении к истокам, в приобщении к опыту отцов и денационализированная молодежь («конструкции для

приема информации и механических наслаждений»), избравшая чужие ценности и жизненные стратегии. Так же нерасчлененно характеризуется предшествующее «советское» поколение. При этом писатель указывает истоки национальной катастрофы конца 1980-х—1990-х годов, объясняя тем самым и отчуждение отцов от детей, и легкую податливость молодого поколения духовной экспансии извне.

В Распутин выделяет исторический фактор кризиса преемственности. В переломах национальной истории XX в. народ потерял ценностные ориентиры и национальное чувство. Кризис связывается и с особенностями современной цивилизации, агрессивным обособлением современного человека от природы, с утратой естественных связей со всем бытием, с потерей духовной полноценности человека. Старшее поколение, жившее в советские времена, в массе своей утратило нравственную правду, не сохранило истинного способа существования, не обеспечило преемственности с поколением собственных отцов, хотя разрыв не был так катастрофичен, как в новые времена. Утверждая необходимость следования опыту отцов, писатель напоминает не только о непосредственных предшественниках, но о вечной цепи поколений, о сформированной ими на протяжении многих веков культуре, о древней нравственной традиции.

Таким образом, трактовка В. Распутиным проблемы поколений в публицистике 1990 – начала 2000-х годов обнаруживает и противоречия, и верность его исходным мировоззренческим установкам. Категоричность суждений объясняется не только остротой личного неприятия отхода от традиционных норм долженствования, но и спецификой реакций традиционного сознания на коренные изменения жизни (консерватизм – свидетельство низкой адаптивности к динамике условий). Объективные социально-исторические процессы в современной России, вступая в противоречие с системой ценностей писателя, приводят к упрощению интерпретаций социальной действительности. Позиция писателя проясняется и становится более аргументированной в общем контексте его наследия, и не только публицистического. В. Распутин в публицистике с конца 1970-х годов декларирует общие законы долженствования, систему всеоб-

щих связей бытия, в которой существенное место занимают связи между поколениями народа. Онтологически предписанные принципы взаимоотношений между поколениями он считает условием существования и человеческого рода, и природного космоса. Устойчивость системы мировоззрения отдаляет писателя от диалога с новым поколением, но способствует преодолению остракизма в оценке молодых, определяет надежды писателя на действие преемственности как онтологического закона, выправляющего родовые связи в новых поколениях. Разрыв в бесконечной цепи поколений в таком контексте воспринимается как противоестественный процесс, вызванный временными социальными искажениями. Кризис преемственности разыгрывается как социальная драма, тогда как в длительной исторической перспективе предполагает циклическое обновление народа, общества и культуры.

* * *

Деонтология В. Распутина в публицистике формируется как теоретически (выражается в понятиях), так и в интуитивной рефлексии. Проблемы нравственности для писателя – это проблемы места человека в истории и бытии. В прозе В. Распутина герои следуют этике родового сознания не осознанно; нравственность предстает как интуитивное чувство. В современной социокультурной ситуации интуитивное нравственное чувство представляется недостаточным, поскольку патриархальный уклад жизни, обеспечивавший возможность общих, коллективных нравственных норм, разрушается. Писатель настаивает на активности современной личности в познании должного, утверждает необходимость ответственного и намеренного нравственного самопознания, однако в строго определенных рамках традиционной нравственной парадигмы. Этика рационализируется, апеллируя к разуму человека: «Нужно уметь себя понимать в отцах и продолжать отцов в себе»[67].

---

[67] Распутин В. От роду и племени... С. 28.

Формированию чувства должного в жизни общества способствует художник. Он познает идеальные ценности, служит проводником должного в реальность. Цель творчества – превращение идеально должного в актуально должное, способствование реализации ценностей в жизни общества. Воспринимая родовую ценность в форме предписания, человек должен осознать ее, сделать своей личной сознательной целью и следовать практически.

В современной России плюрализм ценностных систем сочетается с нравственным релятивизмом, ставящим под сомнение мораль как регулирующую систему предписаний и оценок, что приводит к разрушению идентичности человека, осмысленности бытия, появлению растерянности в жизни индивида и общества[68]. Децентрализация ценностей актуализирует проблему долженствования в публицистике, прямом авторском слове с характерной для него побудительной модальностью. В 1985 г. В. Распутин констатирует: «Осмысление естественного – дело художественного слова, неестественного, силового, требующего немедленного вмешательства, – на первых порах дело публицистики»[69]. Писатель становится публицистом, реализуя свой долг как представитель национальной интеллигенции: способствовать осознанию современниками родового предназначения.

В. Распутин декларирует два пути преодоления обществом нравственного кризиса и кризиса национальной идентификации. Первый путь заключается в организации общенародного движения за сохранение полной национальной памяти, а также целевой политике государства (на которую возлагается часть вины за происходящие в духовной сфере общества деструктивные

---

[68] «. Все смешалось на земле людей, все сместилось и сдвинулось: зло с успехом выдает себя за добро Змей Горыныч переряжается в Ивана-царевича, а повседневная жизнь на каждом шагу преподносит такие нравственные задачи, в которых не разобраться и с самым высшим образованием». См : Распутин В. В некотором царстве, в некотором государстве ..: [Предисл.] // Русские сказки Забайкалья. Иркутск, 1983. С. 3.

[69] Распутин В. Верую, верую в Родину! / беседу вела Т Жилкина // Лит. обозрение 1985 № 9 С. 14.

процессы) по охране памятников и воспитанию патриотического сознания граждан. Второй путь предполагает формирование новой позиции существования человека — личного постижения им своего места в ряду поколений рода и всей нации, бытии. Писатель проповедует утопическую мысль о возможности гармонического существования с опорой на спасительный потенциал народно-онтологического сознания, представленного в его публицистических размышлениях антропологическим типом «коренного сибиряка»[70]. Биогенное существование, укорененность в природе, соблюдение накопленных в духовном опыте народа нравственных принципов поддерживает и укрепляет систему бытия, тогда как нарушение их ведет к угрозе человеческому существованию. Нравственная задача сохранения отеческого сознания побуждает обратиться к истории. «Насколько ты чувствуешь историю, насколько ты проживаешь ее больше в прошлом, настолько она потом может протянуться в будущем»[71] Реставрация традиционной нравственности и воспитание национального достоинства осмысляются как залог исторического будущего народа.

В конце 1980 — начале 1990-х годов приходит осознание объективной невыполнимости миссии писателя в современных условиях: «Кажется, впервые в жизни я затрудняюсь ответить на вопрос о роли писателя. Раскрывать глаза на правду? Так правда и без того на виду, занавески, скрывавшие ее, сняты, и всякий, имеющий глаза, видит. Способствовать нравственному и духовному воспитанию человека? Способствовали, способствовали, а когда потребовались плоды этого воспитания, оказалось, что их кот наплакал и надо начинать чуть ли не сначала. К тому же читать стали меньше <...> Книга превратилась в товар, писатель на ярмарке жизни теряет свое духовное значение»[72]. Риторически фиксируется потеря литературой обратной связи с читателем: «Если бы, как в чистилище, заглядывали мы почаще в книгу

[70] Распутин В. Сибирь, Сибирь.

[71] Распутин В. От роду и племени... С. 29.

[72] Распутин В Прозреть и не отступить // Распутин В Г. Россия: дни и времена.. С. 90

безупречной чистоты и восстанавливали свое дыхание и кровообращение, свое богоданное чутье на хорошее и плохое...»[73]

С начала 1990-х годов В. Распутин, теряя веру в способность общества к сознательным усилиям по нравственному выправлению, устанавливает зависимость состояния морали в обществе от государства. Речь теперь идет о приоритете государственных механизмов поддержания и развития уровня нравственности. В 1992 г. писатель говорит: «Лет пять назад я предлагал что-то вроде афоризма: порядок в душе — порядок в Отечестве. Я верил, что нравственное и духовное обустройство каждого из нас, вынесенное на общественное служение, способно изменить к лучшему и государственное обустройство. Теперь, после всего, что произошло за эти годы, приходится заходить с другого конца: порядок в Отечестве — порядок в душе. <...> Пока Россия не укрепится и не наведет внутри себя элементарный порядок, не поможет ничто»[74].

Формируемая в публицистике концепция долженствования свидетельствует, что мировоззрение В. Распутина структурируется этикой, имеющей отчетливый жестко дидактический характер. Этика определяет систему ориентаций, мотиваций, механизмы целеполагания писателя, т.е. задает критерии оценки истории и современной действительности (во всем многообразии ее сфер), модель поведения в социуме и культуре, на основании этики формируются и принципы эстетического мышления.

---

[73] Распутин В. Ученье: свет и тьма. Выступл. на XIV Рождественских образовательных чтениях // Распутин В.Г. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск, 2007. С. 273.

[74] Распутин В. Прозреть и не отступить... С. 90, 94.

«ЧТО В СЛОВЕ, ЧТО ЗА СЛОВОМ?» ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

В науке понятие эстетического имеет два варианта толкования. С одной стороны, под эстетикой понимается система ценностных представлений писателя о бытии — его аксиология, с другой — система ценностных представлений об искусстве. Под поэтикой при этом понимаются эстетические установки и принципы писателя, воплощенные в художественном целом произведения. Оба варианта толкования эстетического взаимосвязаны, отражают целостность его феномена. Понимание ценностного отношения писателя к искусству невозможно вне его отношения к реальности, так как аксиология является системообразующим элементом любой персональной эстетики, составляет основу художественного типа мышления. В то же время понимание эстетических представлений писателя о мире и человеке невозможно без понимания его ценностного отношения к искусству.

Обращение В. Распутина к осмыслению проблем литературы и искусства начинается со второй половины 1960-х годов, после возвращения из Красноярска в Иркутск. Это связно с формированием эстетического самосознания. К выступлениям в периодической печати по вопросам литературы писателя начинает обязывать и новый социальный статус: в мае 1967 г. он вступает в Союз писателей СССР, в 1969 г. избирается в редколлегию альманаха «Ангара» и бюро Иркутской писательской организации.

Первая критико-публицистическая работа В. Распутина — написанный в начале 1967 г. очерк жизни и творчества П. Петрова «Он знал одну награду...», посвященный 75-летию со дня рождения этого иркутского писателя, репрессированного в 1937 г.[1] В основу очерка легли материалы переломной для судьбы В. Распутина телепрограммы, подготовленной им и поэтом

[1] Сов. молодежь. 1967. 10 февр. С. 2.

С. Иоффе на Иркутской студии телевидения в 1962 г. Как вспоминает Н.С. Тендитник, стараниями местной номенклатуры В. Распутин был уволен из редакции, но вскоре, при участии корреспондента «Известий» Л. Шинкарева, восстановлен в должности. Остаться на телевидении будущий писатель, однако, не пожелал и в этом же году переехал в Красноярск[2].

В 1967 г. выходит и первая рецензия В. Распутина «Там, где твой наблюдательный пункт», посвященная творчеству молодых писателей В. Романенко (Тайшет), В. Курьянова (Ангарск), Х. Ахмедова, Н Бушева (Иркутск), Ю. Пейпана (село Кундуй), В. Инкидеева (Ольхонский район), В. Гинкулова (Иркутск)[3]. В ней анализируются неопубликованные рассказы из редакционной почты «Советской молодежи» и впервые выражаются эстетические взгляды В. Распутина. Работу отличает тон наставления опытного товарища молодым. Это позволяет говорить, что уже к концу 1960-х писатель вырабатывает основы своей эстетики, которые получат развитие впоследствии: представления о соотношении жизни и литературы, позиции писателя и т.д.

Зрелое и полноценное осмысление вопросов эстетики и поэтики, литературного процесса и культуры начинается в 1970-е годы. В 1970 г. на страницах альманаха «Ангара» В. Распутин вспоминает о своем участии в семинаре молодых писателей Сибири и Дальнего Востока (Чита, сентябрь 1965 г.)[4]. Осенью 1972-го в «Советской молодежи» выходит первый очерк В. Распутина об А. Вампилове «От имени друзей его»[5]. В этом же году в шестом номере «Нашего современника» печатается очерк «Вниз по течению» (в более поздних публикациях — «Вниз и вверх по течению»), в который входят развернутые размышления писателя о собственных произведениях, творческом процессе и процессе чтения. На протяжении 1970-х годов В. Распутин пишет много

[2] Тендитник Н.С. В. Распутин: колокола тревоги: Очерк жизни и творчества. М.. 1999 С 23.

[3] Сов. молодежь. 1967 2 апр. С. 3.

[4] Ангара 1970 № 4. С. 19

[5] Сов. молодежь. 1972 23 сент. С. 2

критических работ и размышляет о жизни и творчестве других писателей, дает много интервью, в которых комментирует свое творчество. В 1980-е годы в публицистике рассматриваются вопросы состояния культурной и духовной жизни общества, обобщения все больше обретают идеологический характер.

Анализ выявляет устойчивость эстетических взглядов В. Распутина в критике и публицистике от рубежа 1960–1970-х до начала 2000-х годов. Весь корпус этих материалов в зависимости от предмета авторской рефлексии можно разбить на три большие группы.

Первую группу составляют публикации, выражающие размышления о собственном творчестве. Главным образом это многочисленные интервью, которые писатель вынужден давать в силу общественной значимости (особенно после присуждения Государственной премии в 1977 г.), а также стенограммы выступлений на телевидении, читательских конференциях и других мероприятиях. Сюда же относятся предисловия к изданиям своих произведений.

В. Распутин обращается к осмыслению собственного творчества уже в первом интервью, которое выходит в 1969 г. в ряде газет райцентров Иркутской области («Сибирь – моя Родина»[6]) и в областной газете «Восточно-Сибирская правда» («Судьба моя – Сибирь»[7]). Публикация представляет собой ответ В. Распутина, писателя Г. Машкина и поэта М. Сергеева на вопрос журналиста о связи их творчества с Сибирью. Обобщения молодого писателя носят пока констатирующий характер. В трех небольших абзацах он рассуждает о нравственном значении малой родины для каждого человека, объясняет внимание современных писателей к деревне интересом к сохранившимся в ней исконным нравственным ценностям и народной культуре, рассказывает о трех своих вышедших сборниках и повести «Деньги для Марии».

---

[6] По заветам Ленина. Кутулик, 1969. 19 сент.; Сел. Новь. Залари, 1969 27 сент.; Маяк коммунизма. Железногорск, 1969. 14 окт.; Лен. зори Киренск, 1969. 25 окт.; Ленин. правда. Жигалово, 1969. 25 нояб.

[7] Вост.-Сиб. правда. 1969. 7 дек. С. 2.

В интервью В. Распутин очень осторожно высказывается о творчестве. Это связано, во-первых, с представлениями писателя о творчестве, во-вторых, с особенностями жанра интервью, в котором инициатива высказывания не принадлежит субъекту, отвечающему на интересующие журналиста и публику вопросы. В «Интервью об интервью» (1988) писатель критически оценивает недостатки жанра, работу редакций и подход к интервью некоторых журналистов[8]. Действительно, анализ интервью В. Распутина 1970-х—1980-х годов выявляет нередкие случаи непрофессионализма журналистов, небрежного обращения со словом собеседника, неумения выстроить логику разговора и самого материала. Обнаружен как минимум один случай подделки интервью В Распутина — «Мир сходится в человеке»[9], представляющей компиляцию фрагментов различных публицистических выступлений писателя середины 1980-х годов. Но именно в многочисленных интервью содержится то, что можно называть теоретическим самосознанием писателя, выражаются его взгляды на эстетику и поэтику собственной прозы. С середины 1980-х годов В. Распутин практически полностью перестает говорить о литературной работе, сосредоточиваясь на социальной и морально-этической проблематике. Это может быть связано с позицией как писателя, так и интервьюеров. По всей видимости, изменение содержания интервью обусловлено тем, что в этот период эстетическая рефлексия оказывается вытесненной размышлениями над проблемами современности.

Вторая группа публикаций -- критика и публицистика о творчестве и судьбах других писателей. В. Распутин работает с жанрами краткой и развернутой рецензии, вступительного слова и послесловия, очерка жизни и творчества и т.д. С одной стороны, он обращается к творчеству молодых авторов и писателей-ровесников: В. Сидоренко, А. Ольшанского, В. Золотухина, Г. Семенова, Е. Евтушенко, И. Евсеенко, Г. Николаева, В. Шуль-

---

[8] Журналист 1988. № 7. С. 101

[9] Распутин В Мир сходится в человеке / беседу вел В. Иванковский // В мире книг 1987 № 1. С. 2–4

жика, Н. Попкова, Ю. Чуяко, Ю. Селиверстова, В. Кострова и др. Такие работы связаны с активной социальной позицией В. Распутина. Будучи одним из самых авторитетных писателей России, с 1975 г. — членом правления республиканской писательской организации, а с 1981 — всесоюзной, членом редколлегий ряда изданий (с 1969 г. — «Ангары», в 1974—1975 годах — «Литературной России», с 1975 г. — «Нашего современника»), В. Распутин читает огромное количество произведений современных авторов — опубликованных и в рукописях: «Популярность <...> принесла писателю не только рецензии и статьи, книги о нем, многочисленные издания, переводы на многие языки земли, но и целые кипы рукописей, стекающихся к нему изо всех концов страны»[10]. Сам писатель не раз признавался: «...Постоянно читаю то, что появляется в периодике»[11]; «Читать рукописи приходится часто и в большом количестве. <...> Все их прочитать невозможно, для этого надо бросить свою работу. И все же я всегда нахожу время, чтобы знакомиться с творчеством своих земляков — молодых иркутских авторов. И в чем могу — помогаю. А основную свою задачу вижу в том, чтобы говорить с молодыми прозаиками откровенно, искренне. Пустая похвала — во вред»[12]. То есть В. Распутин считает значимым и необходимым свое участие в черновой работе авторов, поскольку чувствует ответственность за развитие литературного процесса: «Было <...> время, когда я брал себе за правило читать по 150 страниц в день из тех рукописей, что присылают мне на рецензии. <...> Эту творческую работу прерывать никак нельзя, вдруг да и попадается новый интересный автор»[13].

---

[10] Сергеев М. Валентин Григорьевич Распутин [Вступ ст] // Валентин Григорьевич Распутин· Библиографический указатель. Иркутск, 1986 С. 14.

[11] Распутин В. Быть самим собой / беседу вел Е. Осетров // Вопросы литературы 1976 № 9. С. 146.

[12] Распутин В. Много дела на земле / беседу вел Э Максимовский // Студ. меридиан. 1981 № 2. С 38–39

[13] Распутин В. По-русски — значит по совести Оптимистическая проза «пессимиста» Валентина Распутина / беседу вела Т. Серебрякова // Рос газ. 2000. 21 апр. С. 25.

Опубликованные критические работы В. Распутина характеризуют лишь небольшую часть того массива произведений, с которыми писатель знакомится в 1970–1980-е, а также в 1990-е годы. Для исследования не доступны десятки «закрытых», неопубликованных рецензий из личных архивов рецензируемых авторов. Сам факт отклика В. Распутина на творчество того или иного молодого писателя говорит о его принятии и одобрении. Соответствие собственным эстетическим принципам – основание для оценки произведений молодых как «истинной прозы».

С другой стороны, В. Распутин пишет о тех писателях, с кем состоит в дружбе, товариществе, кого считает состоявшимися писателями: Г. Машкине, А. Преловском, А. Звереве, Е. Суворове, С. Залыгине, В. Астафьеве, В. Белове, В. Крупине, В. Лихоносове, В. Кожинове, В. Потанине и др. (эти публикации представляют собой товарищеские отзывы, некоторые из них приурочены к юбилеям друзей-писателей). В очерках разных лет В. Распутин размышляет и об ушедших писателях, оказавших влияние на его творческое сознание: А. Вампилове, В. Шукшине, Ф. Абрамове, В. Максимове, В. Чивилихине, М. Шолохове, Л. Леонове и др. Он рассматривает творческий путь этих писателей и их этику, утверждает собственную аксиологию, представления о назначении искусства и миссии писателя.

Ряд эссе и реплик посвящены классикам XIX века: Ф.М. Достоевскому, А.С. Пушкину. Писатель обращается к русскому фольклору, «Слову о полку Игореве», высказывается в интервью о наиболее авторитетных для себя художниках (А.С. Пушкине, Н.В. Гоголе, И.С. Тургеневе, Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, Н.С Лескове, И.А. Бунине, М.М. Пришвине, В. Шукшине, С. Залыгине, В. Астафьеве, Ф. Абрамове, В. Быкове, В Белове, А. Адамовиче, Н. Рубцове и др.). Во всех этих публикациях отражается тот круг чтения, в котором писатель черпает опыт литературной работы, выступает в ипостаси не учителя, а ученика.

Как правило, В. Распутин не ставит перед собой цели подробного исследования произведений других писателей. Он выделяет определенные, наиболее общие особенности их эсте-

тики и поэтики, создает эскизы творческих портретов художников, ищет в их произведениях соответствия своим эстетическим, этико-философским и идеологическим представлениям. В критике и публицистике выражается универсальная система критериев оценки литературы, основанная на принципах эстетического мышления В. Распутина. В 1990–2000-е годы он пишет о творчестве своих соратников по национально-патриотическому лагерю: В. Лихоносова, В. Крупина, В. Белова и др.

Наконец, в *третью группу* входят публицистические работы по общим вопросам литературного процесса, культуры, искусства, языка, к которым В. Распутин обращается с конца 1970-х годов в жанре проблемной теоретической статьи, а также высказывается в интервью.

«Мир сходится в человеке»: мировоззренческие доминанты эстетического мышления писателя

«Не люблю говорить о литературной работе. Совершенно! – признается В. Распутин в 1988 г. в интервью журналу «Журналист». – Потому что это дело интимное. Дело, которое принадлежит только автору, и широко о нем говорить, во-первых, нельзя; во-вторых, когда и пытаешься говорить, вникая во все подробности, ты опрощаешь эту работу, опрощаешь и делаешь ее доступной для всех, а она не поддается расшифровке, она не доступна полному определению словом. Это нечто такое, что нельзя выразить и обозначить словом»[14] Писатель уверен, что не может помочь читателям в понимании его прозы, так как сказанное о ней автором – уже «побочный» материал[15]. В публицистике, полагает В. Распутин, «предпочтительно говорить о жизни <...> Вообще о том, что происходит с народом, со страной»[16]

[14] Распутин В Интервью об интервью / беседу вел В. Демин // Журналист 1988 № 7. С 101.

[15] Там же. С 102, 103.

[16] Там же. С. 101

Прямое слово автора адресовано социальному человеку, включенному в одно с ним социальное пространство, и выполняет мировоззренчески ориентирующую функцию: «Хотелось бы, чтобы высказываемые мной мысли нужны были не читателю моих книг, не моему критику, а человеку — в определении, в обозначении некоторых вещей и явлений, происходящих в жизни, в уточнении их»[17]. Несмотря на это, согласимся с М.М. Бахтиным, что использование авторских «исповедей» о творчестве, переживающем «свой предмет и себя в предмете, но не процесс своего переживания»[18], возможно — после того, как изучен художественный смысл «идеальной смысловой истории», самого произведения.

Характеризуя отношения литературы и реальности, В. Распутин утверждает главенство последней. Реальность (действительность) определяет, детерминирует литературу, является ее источником. В задаче художника — «показать, как разнообразна и богата действительность, не укладывающаяся в какие-либо умозрительные представления и схемы»[19]. Содержание произведения как модель реальной жизни, в представлении В. Распутина, оказывается больше текста: «...основное содержание в литературе, когда есть то, что не поддается аналитическому взгляду и существует поверх, позадь или поглубь принятого за содержание текста. <...> Тут уже вступает в силу сама жизнь, непомерная ее сложность, не поддающаяся никакой раскадровке»[20].

Центральная категория этического мышления писателя — жизнь. Прочитывая роман Е. Евтушенко «Ягодные места», В. Распутин отмечает, что он «...удивительно свободен, неожиданен и раскрыт, как может быть свободна, неожиданна и рас-

---

[17] Распутин В. Интервью об интервью... С. 102, 103.

[18] Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 34.

[19] Распутин В. Исповедимы пути твои .: О рассказах Геннадия Николаева // Сибирь. 1984. № 1. С. 107.

[20] Там же.

крыта сама жизнь»[21]. Жизнь называется «героем» этого романа, т.е. таким действующим лицом, который «значим в плане развития художественного смысла сюжета и всего произведения в целом»[22]. В понятие жизни включается момент становления, охватывающий прошлое, настоящее и будущее, как постоянный переход того, что есть, в то, чего уже нет, и нового становления сущего из того, чего еще нет.

Во-первых, жизненный процесс, в понимании В. Распутина, «свободен», т.е. развивается без принуждения, согласно своей имманентной логике. Самодвижение жизни организовано по естественным законам, не зависящим от человека, как « ..стихийная выверенность, расставляющая, вопреки нашим суждениям, все по своим собственным местам»[23]. Во-вторых, течение жизни «неожиданно» – его направление трудно предвидеть и предусмотреть, потому что стихийные законы, по которым оно организуется, неведомы, сокрыты. В-третьих, однако, жизнь «раскрыта» – она открывается взгляду и говорит за себя.

Жизнь явлена как тайна, которая «присутствует и в окружающем нас мире и в нас»[24]: пребывая в средоточии бытия, тайна охватывает и онтологическое, и антропологическое. Тайна бытия человека восходит к общей тайне мироздания, которая существует «как некий дух природной стихии, как магическая сила, ближе всего доносящая до нас истоки человеческой доброты и красоты»[25].

Тайна жизни, «...до которой не добралась еще наука, не успев разложить ее по полочкам на отдельные части, чтобы назвать их грубыми именами»[26], не подвластна «аналитическому вмешательству» как ограниченной задаче разума – сверхразумна в своем существе. Осмысленность жизни способен придать ху-

---

[21] Распутин В. Слово о романе [Предисл. к публ. романа Е. Евтушенко «Ягодные места»] // Москва. 1981. № 10. С. 3

[22] Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. М., 2009. С. 13.

[23] Распутин В. Исповедимы пути твои. С. 107

[24] Распутин В. [Предисл. к публ. повести Е. Суворова «Совка»] // Новый мир. 1984. № 12. С. 41.

[25] Там же

[26] Там же.

дожник. Он отражает процесс саморазвития жизни, обращаясь к отдельному его фрагменту — создавая завершенную модель действительности, преодолевая и упорядочивая ее течение в архитектонике произведения. Для этого ему требуется занять позицию по отношению к реальности. Точку зрения на мир в эстетике В. Распутина задает человек: «...не следует, мне кажется, искать новые, более высокие точки наблюдения, откуда был бы виден весь мир, а лучше по-прежнему двигаться вслед за человеком», — говорит писатель и резюмирует: «В литературе мир сходится в человеке»[27].

Понимание человека как места концентрированного выражения реальности заставляет рассматривать его в целостности, как природное, социальное, национальное и индивидуальное существо: «В литературе всякая широта — в глубине, в познании человека во всех его мирах и связях»[28].

Такое понимание человека складывается уже в рецензии 1967 г. «Там, где твой наблюдательный пункт». Здесь В. Распутин впервые исходит из его жизненной сложности, утверждая, что реальный человек, как и сама жизнь, превосходит все формы семиотического завершения. Молодой писатель начинает видеть в человеке тайну, которую можно познать лишь в связи с общей тайной жизни, а его изображение называется непременным условием познания самой жизни: «Пишите правду о нашем времени и человеке, и вы столько в ней поднимете проблем, такую откроете для себя и читателя глубину жизни, что и сами удивитесь своей прозорливости»[29].

В 1981 г., полемизируя с Сергеем Залыгиным в эфире Останкино, В. Распутин говорит, что наделяет своих героев «некоторой эмоциональной задачей», тогда как С. Залыгин — философской: «Я имею в виду Николая Устинова, и Саморукова, и других ваших героев тоже...»[30]. С точки зрения В. Распутина, человек в

---

[27] Распутин В. Вопросы, вопросы // Распутин В. Что в слове, что за словом? Иркутск, 1987. С. 162.

[28] Там же С 163.

[29] Распутин В. Много дела на земле... С. 37.

[30] Чтобы связь не оборвалась / Стенограмма телевизионной беседы в студии Останкино С. Залыгина, В. Астафьева и В. Распутина // Литературное обозрение. 1981. № 9 С. 6.

жизни существует не только в сфере идей, поэтому в литературе необходимо изображать всю полноту внутренних и внешних проявлений героя, в реальном многообразии бытия, «когда он "раскрывается", рассказывает о себе не столько словами, сколько поступками и действиями»[31]. Внешний план героя открывает его внутренний мир, «тайны и тайники его стихийной, неопознанной, но существующей и действующей по каким-то своим законам внутренней жизни»[32]. Психологический модус подчиняется реалистической установке.

В. Распутин осознает свою приверженность реалистической эстетике, поскольку верит в познавательные возможности искусства. Реалистический метод называется «природным дыханием» литературы[33] и оценивается как единственно адекватный полноте бытия метод его познания. В публицистике утверждается представление об искусстве как самосознании жизни. Согласно писателю, все, что включено в жизненный процесс, обязательно найдет свое отражение в литературе, так как сама жизнь нуждается в том, чтобы быть осмысленной: «То, что происходит в жизни, рано или поздно находит отклик в литературе»[34].

Оценивая в 1980-е годы современный литературный процесс, писатель убежден, что сама жизнь потребовала возникновения «деревенской» прозы: «Пожалуй, не писатели создавали эту прозу, а литература, как процесс живой и чуткий, волей своей создавала писателей для этой прозы, необходимость и важность которой была предопределена течением, а в данном случае даже и не течением, а ускорением жизни. То, что вековой уклад деревни оказался полностью нарушенным и вместе с ним оказался нарушенным и ее моральный климат (а деревня издавна была хранительницей моральных устоев народа), не могло, разумеется, не отразиться в литературе, которая всегда очень верно улавливает подобные изменения»[35].

---

[31] Распутин В. Быть самим собой. С. 144.

[32] Чтобы связь не оборвалась. С. 6

[33] Распутин В. Верую, верую в Родину! / беседу вела Т. Жилкина // Лит. обозрение. 1985. № 9. С. 12

[34] Распутин В. Быть самим собой... С. 149

[35] Распутин В. Вопросы, вопросы. С. 164.

Поэтому центральная категория эстетики В. Распутина — «правда жизни»: «Когда есть правда — не надо других, надстроенных, выдуманных, вымученных зачастую проблем, она есть главная и единственная проблема»[36]. Правда получает три основных трактовки. Во-первых, жизненная правда — это законы реально существующего мира. В 1981 г. В. Распутин говорит: «Новый мир в своих повестях я почти никогда не создаю. Что это значит — создать новый мир? Видимо, это значит придумать людей с несуществующими характерами, общество — с несуществующими в реальности нормами взаимоотношений или вообще без таковых... Это дело фантастов. Я пишу о том мире, который существует — объемно, выпукло, в именах и поступках, характерах людей. Мир, окружающий нас, мир, сгустившийся в той же сибирской деревне, которая мне хорошо знакома»[37].

Во-вторых, правда — это нравственный смысл реальности В основе эстетики В. Распутина лежит этика. Уже в первой рецензии, отрицая неоправданные назидательность и дидактизм в творчестве, писатель устанавливает и обосновывает характер отношений между этикой и эстетикой, когда этика не довлеет над художественным. При этом литература также соотносится с этикой, как и с жизнью, поскольку проблемы нравственности для писателя — это проблемы взаимоотношений между людьми и взаимоотношения человека с миром, соответственно, они отражают важные моменты бытия. Исследуя проблемы нравственности, автор, в представлении В. Распутина, исследует человека и жизнь.

В. Распутин-критик утверждает гуманистические задачи литературы: исследование тем человеческого счастья, нравственной ответственности, жизненного призвания человека. Самого его как писателя интересует обычное, повседневное течение жизни, в котором он моделирует пограничные ситуации, вскрывающие суть этических отношений, обнажающие их. Например,

---

[36] Распутин В Вместо предисловия // Зверев А Выздоровление. М., 1982. С 6

[37] Распутин В. Много дела на земле... С. 37

в интервью 1976 г. «Быть самим собой» В. Распутин говорит о повести «Деньги для Марии» следующее: «В простую семью, каких миллионы, ворвалось событие, заставляющее обнажиться все нравственные связи, увидеть все в свете, который озаряет самые сокровенные уголки людских характеров»[38].

Наконец, в-третьих, этическое понятие правды истолковывается писателем в национальном аспекте — как совокупность нравственных норм народа. В романах С. Залыгина «Соленая Падь», «Комиссия», «После бури», повести «На Иртыше» В. Распутин видит открытие правды, имеющей, с одной стороны, трансцендентный характер, с другой стороны, представляющей собой некий инвариант национального существования. Прорыв в эту сферу возможен только на время и только в процессе творчества: «Происходит совпадение, совмещение, пусть недолгое, твоей личной правды с правдой общей, ни в ком отдельно не состоящей, недосягаемой в своей высоте от искажений, живущей и сохраняющейся вот такими совпадениями»[39].

Категория правды жизни определяет и представления писателя о том, что в основу художественного произведения должен быть положен только личный опыт автора, обеспечивающий достоверность изображаемого: «Я не умею писать о том, чего не вижу и не знаю»[40]. Уже в очерке 1967 г. соответствие этому требованию выделяется как основное достоинство произведений П. Петрова: «Ему не надо было выдумывать героев для своих книг, где-то выискивать, мучаясь, сюжеты, вычитывать в книгах события, на основе которых можно было бы писать — всем этим в достаточном количестве снабдила его партизанская жизнь»[41]. В рецензии 1967 г. это требование воплощается в метафоре И. Эренбурга «собственный наблюдательный пункт»: писатель должен «видеть и показывать свое и по-своему», потому что «в жизни все сложнее, там свои законы, и чаще всего человек не

[38] Распутин В. Быть самим собой .. С. 144.

[39] Распутин В Держатся природного дара: К 70-летию со дня рождения С.П. Залыгина // Сов. культура. 1983. № 145. 6 дек С 6

[40] Распутин В Много дела на земле... С 37.

[41] Распутин В. Он знал одну награду.. С. 2.

подходит ни под одну из уготовленных ему мерок...»[42]. Категорически отвергается использование литературных штампов, делающих произведение «продуктом прочитанного, а не пережитого», примером «производного, а не изначального», вызывающим впечатление «вторичности, ненастоящести и даже фальши того, о чем повествуют авторы». Так, в рассказе В. Романенко В. Распутин видит живого человека, образ которого кажется ему намного богаче и интереснее стандартных для официальной советской литературы выхолощенных типажей положительных или отрицательных героев. Установка на достоверность, которую В. Распутин выделяет и положительно оценивает в творчестве П. Петрова и В. Романенко, говорит о тяготении начинающего писателя к реалистическому способу изображения и реалистической эстетике.

Собственное обращение к жизни сибирской деревни объясняется, с одной стороны, желанием сказать неповторимое слово в литературе, с другой, стремлением восполнить в ней значительный пробел путем привнесения в нее собственного знания. «О стройках и строителях я много и с искренним чувством писал на газетных страницах. Писательским же пером мне захотелось рассказать о том, что знаю только я. Современная жизнь необычайно динамична, многие торопятся, я же решил повествовать о жизни спокойной. <...> На бескрайних просторах Сибири разбросаны большие и малые деревни и деревеньки, в них множество людей, ведущих размеренный, давно устоявшийся образ жизни. Этих-то скромных людей литература как-то упорно не замечала. <...> А ведь именно их — этих незамеченных героев — я хорошо знаю»[43]. Так, духовный и телесный облик бабушки из детских впечатлений лег в основу героини рассказа «Василий и Василиса», Анны из «Последнего срока», Дарьи из «Прощания с Матерой», а судьба односельчан и деревни, от патриархального бытия до процессов маргинализации и распада, была отражена В. Распутиным во всех книгах: «Сначала я “ходил” “по нижней” своей Аталанке, пока она оставалась подле Ангары, затем “прощался” с нею, ког-

[42] Распутин В. Там, где твой наблюдательный пункт .. С. 3.

[43] Распутин В. Быть самим собой... С. 145–146.

да она принуждена была перебираться на новое место, туда, где я прежде собирал ягоды и грибы, наблюдал ее, оторванную от векового днища, когда она сделалась "верхней" и пыталась пустить новые корни, — и это оттуда "Пожар", а сейчас, в редкие наезды со страхом смотрю уже и не на медленное сползание, а обрывистое падение в пропасть с изуродованным существованием»[44].

«Доверяя мысли героям»: проблемы словесного творчества

Развивая в зрелые годы мысль, впервые выраженную в 1967 г. в рецензии «Там, где твой наблюдательный пункт», В. Распутин утверждает, что «писатель должен всегда искать собственную манеру и по возможности быть самим собой»[45] Художник не знает всех возможностей своего творческого мастерства, находится в постоянных поисках средств изображения, моделирования изменяющейся жизни. При этом он должен следовать собственным познаниям о жизни и познанным ценностям. В. Распутин не приемлет подражательства. Следование за авторитетами в литературном мастерстве означает для него отказ от поиска собственной манеры и в конечном итоге отказ от самореализации: «Как можно писать по чьему-то подстрочнику или ехать наезженной колеей?»[46]; «...учиться у авторитетов, но не склоняться перед ними...»[47] На читательской конференции в Иркутском университете в 1977 г. писатель признается, что раньше, садясь за работу, читал Бунина «для настроя», «но отказался от этого, понял — бунинское слово настолько сильно, что невольно попадаешь под его обаяние»[48].

---

[44] Распутин В. Откуда есть-пошли мои книги // Распутин В Г. В поисках берега. Иркутск, 2007. С. 503—505.

[45] Распутин В. Быть самим собой... С. 145.

[46] Распутин В Право писать / Подгот Ф. Зубанич // Радуга Киев, 1980 № 2. С. 171.

[47] Там же С. 175.

[48] Распутин В. Доверяя мысли героям / Записала О Соболева // Сов. молодежь. 1977. 28 апр. С. 2.

Находясь в границах эстетики реализма, В. Распутин не отрицает права на вымысел. Художественный вымысел понимается как прием поэтики, позволяющий максимально выразить нравственный смысл происходящего в реальности: «Я не люблю фантазировать, право писателя на вымысел я использую только для поправок, прочищающих нравственные токи реальности при перенесении ее в книгу»[49]. Эстетическое представление о бытии как о тайне, которая должна быть передана в художественном произведении, обусловливает поэтику многозначности: «Не терплю однозначного ответа в произведении. Лучше оставить вопрос открытым»[50].

В публицистике устанавливается баланс между мыслью, эмоцией и стилем в рамках художественного произведения: «Не люблю умничающих книг, не люблю книг, где буйствуют "страсти-мордасти". Но книг невыразительных, блеклых, с тихим и вкрадчивым голосом тоже не люблю. То же самое, что и при общении с людьми»[51]. Книги, претендующие на интеллектуальную избранность, не принимаются писателем из-за их неорганичности, оторванности от жизни. Так же не принимаются излишне эмоциональные либо скупые на эмоции книги, не способные, с точки зрения В. Распутина, к полноценному моделированию полноты жизни. Это касается и героев произведения: «"Тихие" герои, заставляющие нас задуматься о тайне и судьбе народа, способствуют приобщению к этой судьбе, надо полагать, больше, чем герои резонерствующие, громкоговорящие, деятельно-правильные»[52].

Распутин-критик предъявляет авторам требование простоты, в которой проявляется мастерство — умение передать глубокие истины о жизни, доступные писателю, перевести их на понятный читателю язык: «...Валентина Сидоренко пишет просто.

---

[49] Распутин В. Откуда есть-пошли мои книги // Распутин В Г. В поисках берега... С. 503.

[50] Распутин В. Право писать... С. 172.

[51] Распутин В. Достояние каждого из нас / беседу вел Л. Ронин // Человек и закон. 1984 № 7. С 41.

[52] Распутин В. Жила-была сказка... Живет ли она?: [Послесл.] // Евсеенко И. Крик коростеля. М., 1982. С. 318

Простой язык, простые, без выкрутасов и нагромождений, истории, простые авторские выводы. И только затем, по прочтении, понимаешь, что за этой внешней простотой скрыто что-то вовсе не простое, если так западает незамысловатая история в душу. <...> В прозе Валентины Сидоренко есть правда (не расхожая накрывашка на грешное тело рекламной надписью, а правда подлинная), есть искренность, боль, частица себя в каждом из героев и героинь, не разгаданная в художественном слове энергия писательского сердца, вобравшего в себя тихие и родственные ему заветы живых и мертвых»[53].

Творческий процесс в эстетическом сознании В. Распутина связан с погружением в создаваемый художественный мир, обеспечивающим целостное его видение: «Я не сижу по нескольку часов за рабочим столом. Мне нужно, чтобы произошло поспевание, чтобы оформилось в душе. Форма и звучание, фразы и ритмика. Пока я этого не услышу, я не сажусь»[54]. Поэтому основной трудностью творчества для В. Распутина является поиск и последующее сохранение устойчивой авторской позиции по отношению к изображаемой реальности, позволяющей зафиксировать непрерывный процесс жизни «Очень трудно начинать новую вещь. Очень трудно. Пишу по полстранички, хорошо, когда по страничке в день»[55]. Если эта позиция не найдена, творческий процесс неудачен: «Бывает иногда... напишу разом три-четыре странички. А наутро все выбрасываю»[56]. Когда возможность полного погружения в художественную реальность отсутствует, обретение необходимой позиции откладывается на неопределенный срок: «Если нахожусь в Иркутске, то стараюсь работать ночами, потому что днем, как правило, работать не дают: машины, телефон. Лучше всего работа идет в деревне или на Байкале»[57]. Как только В. Распутин находит

---

[53] Распутин В Повторный дебют [Предисл. к публ. рассказа В Сидоренко «Проводницы»] // Лит. учеба 1981 № 2. С. 15, 16.

[54] Распутин В. Тихая его родина // беседу вел Н Савельев // Рос газ 1999 6 нояб. С 5.

[55] Распутин В. Много дела на земле С. 37

[56] Там же.

[57] Там же.

эту позицию, мир предстает ему ожившим, темп письма резко ускоряется, процесс творения становится продуктивным: «Могу писать сразу помногу. Это понятно: характеры героев и взаимоотношения между ними установились, сюжетная линия выстроена, и остается только довести повествование до логического завершения»[58].

В эстетической системе В. Распутина нет представлений о творческом всесилии автора. Писатель вынужден прислушиваться к логике художественного мира, осознавая пределы возможностей чувствования и познания реальности на данный момент своего творческого и человеческого развития. В очерке «Вниз и вверх по течению» автобиографический герой Виктор вспоминает сон, который приходит ему после издания очередной книжки рассказов, в одном из которых была история об умирающем старике, а «неопытный и потому смелый писатель» «попытался перебраться за черту, которая отделяет одно состояние от другого»[59]. Во сне к нему с укорами является этот старик: «Не понимаю, зачем нужно писать о том, чего ты не можешь знать. <...> До чего же вы любите говорить приблизительно, ходить вокруг да около. <...> Когда ты встанешь на мое место и будешь знать то, что знаю я, тогда лишь ты по-настоящему поймешь, как слаб сейчас и немощен. Вот так. Если ты и впредь собираешься писать, — дело твое, но только не ходи никогда дальше своих сил»[60].

В. Распутин ощущает самостоятельность творимой им реальности, которая сопротивляется навязываемой творцом логике, поэтому отказывается от заданности в процессе творчества: «Когда я пишу, у меня никогда нет четкого плана произведения, как, скажем, у Достоевского. Я не знаю, что будет в следующем разделе, поэтому нечего и говорить о том, чем закончится повесть»[61]. Существующий план обязательно учитывает само-

---

[58] Распутин В. Много дела на земле... С. 37.

[59] Распутин В. Вниз и вверх по течению: Очерк одной поездки // Распутин В. Живи и помни. Повесть, рассказы. Иркутск, 1978. С. 203.

[60] Там же. С. 203, 204.

[61] Распутин В. Право писать... С. 169.

движение характеров и ситуаций, соответствующее течению самой жизни, корректируется в процессе творчества: «План существует, но довольно туманный. В работе он, как правило, меняется»[62]. Писатель обозначает поисковый, исследовательский характер своего творчества, промежуточные этапы и конечный результат которого неизвестны заранее: «Это как течение самой жизни: подвинется она, озарится новый день и появятся люди и дела»[63]. Однако непременным условием творчества является сохранение обретенной в мучительных поисках позиции автора, выраженной в определенной тональности, модусе повествования: «Лишь бы повествовательная струна не обвисала, оставаясь в постоянном натяжении»[64].

С точки зрения В. Распутина, художественное произведение должно существовать в сознании читателя как самодвижущийся момент жизни, развивающийся по своим непредзаданным автором законам. Автор должен принципиально устраниться из художественного мира и поля жизни героя, чтобы читатель испытывал доверие к воссоздаваемой в произведении реальности. В свою очередь, доверие читателя является условием постижения им правды жизни, заключенной в произведении, когда бы она стала частью его личной правды: «Вопрос о взаимоотношении идеи автора и мировоззрения изображаемого им персонажа очень трудный, важно, чтобы автор не навязывал герою свои мысли»[65]; «...важно писать своих героев так, чтобы читателю и в голову не приходило, что в происходящем участвовала какая-то посторонняя сила, именуемая этим автором, который что-то знает и чего-то не знает, чтобы не возникало никаких сомнений, что это исходящее — есть одна суть правда жизни»[66]. В прочтении В. Распутина повествователь в произведениях С. Залыги-

---

[62] Распутин В. Вверх и вниз по течению / Подгот. Л. Ронин // Природа и человек. 1984. № 11. С. 34.

[63] Распутин В. Самая большая беда литературы — безъязыкость / беседу вела Н. Горлова // Лит. газ. 2002. 10—16 апр. С. 11.

[64] Там же.

[65] Распутин В. Доверяя мысли героям .. С. 2.

[66] Распутин В. Болеть человеческой болью... / беседу вела Н. С. Тендитник // Сов. молодежь. 1977. 29 нояб. С. 2.

на воплощает точку зрения, близкую описываемой среде, когда Залыгин «...ни в чем не позволяет обнаружить себя — писателя, полностью находясь в шкуре мужика»[67]. Эта установка определяла поэтику повествования В. Распутина до начала 1980-х годов, воплощаясь в позиции полностью объективированного эпического повествователя.

Между автором и героем устанавливаются особые отношения: «Казалось бы, чего проще: придумал героя, запустил его в книгу, в круг тех действий, которые тебе необходимы, и верти им, как хочешь, делай с ним, что пожелаешь, что ты над ним царь и бог, без тебя он не может сказать ни одного слова, не ступить ни единого шага. Но это только кажется. Как только герой рожден, определен, как некая живая величина, определен чувствами и определенным отношением к жизни, он начинает жить самостоятельной жизнью. Да, без автора он не сделает ни шагу, не скажет слова, но автор должен постоянно соизмерять эти слова и шаги с положением и естественным поведением своего героя. Он обязан относиться к нему как к человеку живому, с доверием, уважением, пониманием. Ни в чем не кривить по отношению к нему душой. Авторский произвол в таких случаях заметен сразу»[68]. Герой является самостоятельным субъектом, наделенным своей внутренней логикой существования и саморазвития. В качестве иллюстрации писатель рассказывает, что предполагал иную, отличную от свершившейся в финале повести «Живи и помни», судьбу Настены, желал оставить ее в живых: «Я надеялся, что как раз у меня покончит с собой Андрей Гуськов, муж Настены. Но чем дальше продолжалось действие, чем больше жила у меня Настена, чем больше страдала от того положения, в какое попала, тем больше я чувствовал, что она выходит из того плана, который я для нее составил заранее <...> И конец, который получился в книге, выбирает сама героиня»[69]. В. Распутин вспоминает работу над рассказом «Василий и Василиса», в котором героиня «решительно отказывалась говорить на чужом языке».

[67] Распутин В. Держатся природного дара С. 6

[68] Распутин В. Болеть человеческой болью... С. 2.

[69] Там же.

«Получив свое слово, Василиса сразу заговорила легко и заставила освободиться от книжной оригинальности и автора»[70].

При этом для В. Распутина представляет ценность лишь «действительный», «выраженный», а не «потенциальный», в терминологии М.М. Бахтина, герой — герой-персонаж, а не герой как содержание предмета художественного видения, субъект лирического переживания, что связано с принципами эстетического мышления писателя, предполагающими постижение объективной правды о жизни. Именно поэтому В. Распутин не пишет стихи: «Стихи я люблю, но сам их никогда не писал и даже, представьте себе, не мечтал никогда стать поэтом»[71].

Поиск повествовательной позиции обусловливает стремление к семантической плотности письма, достигаемой плотностью почерка — отразить на ограниченном пространстве бумажного листа как можно больший фрагмент жизни — В. Распутин пишет остро отточенным карандашом, «очень мелко, настолько мелко, что посторонний человек не в состоянии разобрать написанное»[72]; «Судите сами: из одной моей рукописной четверти странички выходит 14—15 страниц машинописного текста»[73] Неразборчивость почерка может быть объяснена и стремлением писателя к сохранению таинства творческого акта.

Как признается В. Распутин, он не доволен собой после каждого произведения, что является показателем требовательности к самому себе как к художнику, но никогда не переделывает написанного. По завершении повести или рассказа созданный мир отрывается от сознания творца, писатель утрачивает свою позицию по отношению к реальности произведения, в которой воплощена определенная логика и которая живет по собственным законам: «Всегда кажется, что здесь мог бы лучше выписать образ, а там — сказать не скороговоркой... Впрочем, каждый из нас хорошо знает, какие у него страницы лучше, какие хуже, что

---

[70] Распутин В. Откуда есть-пошли мои книги // Распутин В.Г. В поисках берега . С. 506

[71] Распутин В. Быть самим собой... С. 143.

[72] Распутин В Много дела на земле.. С 37.

[73] Распутин В. Право писать... С. 170

можно было бы добавить еще к характеру героя. И все же, зная об этом, я не умею переписывать. Оставляю вещь так, как написал в первый раз. На потом остается только легонькая корректорская работа, не более»[74]. Попытка внесения изменений в самодвижущуюся художественную реальность означает не переделку, а создание уже другой реальности. Поэтому В. Распутину легче писать новую вещь, чем вторгаться в ткань старой. Он буквально заставляет себя писать театральные сценарии по своим произведениям: «Мне неинтересно это делать – материал отжил, переболел. Заново входить в него не вижу никакой необходимости»[75].

В эстетической системе В. Распутина автор и читатель составляют единую духовную общность и сложно взаимодействуют между собой. Читатель оказывается активной стороной творчества, становится одним из коррелятивных моментов художественного целого произведения. Он в той же степени, что и автор, сопричастен творению, вживается в художественный мир, способен переживать те же состояния. В очерке «Вниз и вверх по течению» книги подразделяются на «хорошие» и «плохие». Чтение и тех и других, по признанию повествователя, дается одинаково трудно: «...будто ты находишься на постоянном дежурстве и не хочешь, да видишь, как ерзает, а то и бьется в мучительных судорогах неправильно поставленное слово, как беззастенчиво хихикают или аукают посередь серьезного разговора, потому что им делать тут нечего, пустые, ненужные фразы, как врет, соловьем заливается во лжи какой-нибудь положительный герой, купаясь в громких и почтенных словах <...> Видишь, понимаешь и не можешь вмешаться – ни помочь, ни одернуть, ни пристыдить. Уж лучше бы не видеть и не понимать. <...> Но от хорошей книги, благодаря все той же профессиональной разборчивости, тоже нелегко. Когда при обыкновенном слове "застонала" ты содрогаешься от боли этого стона, когда при названии краски ты ясно различаешь ее оттенки и ощущаешь ее запах, когда ты собственными ушами слышишь звук падающего

[74] Распутин В. Право писать С 169
[75] Там же.

в книге с дерева яблока и плачешь при встрече двух людей, придуманных фантазией автора, ты пытаешься понять, каким образом все это было достигнуто, какой живой водой окроплено <...> И ты все видишь, потому что в книге трудно что-либо скрыть <...> и тем не менее ничего не понимаешь. Отчаявшись, ты откладываешь книгу и бессильно закрываешь глаза, ненавидя себя за беспомощность, бесталанность и за все остальное, что с этим связано»[76].

В публицистике формируется представление об особой роли читателя, который должен самостоятельно познать тайну жизни: «Пусть читатель сам по себе проделает мыслительную работу и придет к выводу, к которому его подталкивает логика событий и характеров»[77]. В. Распутин считает себя вправе судить о читательском восприятии художественного произведения лишь исходя из собственного, лично пережитого опыта — рассматривая себя в ипостаси читателя.

«Связь времен и судеб народных»: концепция языка и культуры

Начало философской рефлексии о феномене языка в публицистике В. Распутина обозначает дискуссия 1970-х — начала 1980-х годов о проблеме использования народной речевой стихии в современной литературе. Писатель протестует против отрицания народного языка в литературе, в том числе в ответ на упреки в свой адрес.

Феномен языка осмысляется как «имя нации» — средоточие народной субстанциальности и условие бытия народа («Язык вмещает в себе все: и характер народный, и опыт, и историю, и философию, и верования, и чаяния, и тяготы в долгом пути. <...> Пока жив язык — жива и нация»[78]), средство поддержания преемственности нации в поколениях («главная связь времен и су-

[76] Распутин В. Вниз и вверх по течению.. С. 214–215

[77] Распутин В Быть самим собой.. С 147.

[78] Распутин В. Вопросы, вопросы.. С. 177

деб народных»). Являясь средством выражения души русского человека, вербализации процессов, происходящих в ней — «национальной самовыговариваемостью», — язык в полной мере способствует исследованию жизни, человека и народного бытия в литературе: «Воистину это волшебство: нет ничего в человеке, ни в чувствах его и мыслях, ни в самых потайных движениях души, ни во вздохе его и взгляде, что бы наш язык не назвал»[79]. Так, в языке рассказа И.А. Бунина «Косцы» В. Распутин видит «редчайшее постижение заложенной в народ тайны»[80]. Возможности русского языка (как местных диалектов, так и литературного языка, черпающего свое богатство из аутентичной языковой стихии) адекватны самой жизни, человеку и его нравственным законам.

Писатель испытывает тревогу о современном состоянии русского языка, «который все больше и больше мельчает, сглаживается, нивелируется и стандартизируется. Он теряет главное свое назначение — выражать мысль прочно, точно и объемно. <...> Сколько татарвы русский язык приспособил и наделил своей службой! Сколько Петр I понагнал в него иноземщины — он и ее перемолотил. Судьба его и всегда-то была нелегкой, но никогда еще, кажется, русский язык не стоял перед таким испытанием, как теперь перед испытанием скороговорочностью, некой машинной смазки тусклых новаций, некой конвейерностью, бездумностью, готовностью понятий и суждений. Этого наш язык не ожидал, он привык справлять честную службу и растерялся»[81]. Язык утрачивает терминологическую точность, превращаясь в симулятивную систему[82]. Многократное наращивание смыслов

[79] Распутин В. Учение, свет и тьма. Выступл. на XIV Рождественских чтениях // Распутин В.Г. В поисках берега. С. 274

[80] Там же. С. 276.

[81] Из выступления по иркутскому телевидению 29 июня 1978 г. Цит. по: Тендитник Н. Искусство — случившаяся реальность: Вопросы художественного творчества в публицистике В. Распутина // Сибирь. 1980. № 1. С. 128–129

[82] «Язык прежде всего должен быть точным. Вот точности-то у нас, к сожалению не хватает, приблизительность — распространенная болезнь.. ». См.: Распутин В. Быть самим собой... С. 148.

приводит к утрате словом референтного значения: «Слово от частого и напрасного употребления теряет свой корневой смыл, а потерявши, как всякая пустота, становится гулким, годным больше для праздничного шума, чем для доверительной беседы. <...> В русском языке (думаю, и не только в русском) появился особый и все разрастающийся язык, который словно для того и существует, чтобы, говоря им, ничего не сказать»[83]. Главное при этом, подчеркивает писатель, — утрата этического содержания слова, когда язык перестает обозначать этическую реальность: «Нынешний ходовой язык — как отшлифованные, без единой зазубринки, катышки Куда дунь — туда они со звоном и покатятся. Слова, слова... и как часто ничего за словами»[84].

Такому «безжизненному», «стертому», «бездыханному» языку, состоящему из «ничего не значащих, выговоренных слов», противопоставляется исконный народный язык: «А народное старое слово стоит прочно и верно, оно что попало не брякнет и куда попало не встанет. Оно существует только в своей форме и своем значении, оно от начала до конца заполнено этим значением, в нем ветер не гуляет»[85]. Отсюда следует задача литературы, обозначенная понятием «экология языка» — сохранение первичного значения слов. С точки зрения В. Распутина, эту задачу в полной мере выполняет лишь «деревенская» проза. В публицистике писатель размышляет о богатстве языка «Слова о полку Игореве», в очерке «Русское Устье» рассказывает о собирателе старорусских слов Егоре Семеновиче Чикачеве.

Народность языка писателя становится одним из основных критериев оценки истинности его прозы: «Язык писателя не только говорит о способе его художественного мышления, он свидетельствует также о степени проникновения в народную жизнь»[86]. В предисловии к публикации повести В. Золотухина «Дребезги» В. Распутин пишет: «Больше всего, надо признать,

[83] Распутин В Необходимость правды // Лит. учеба. 1984 № 3. С. 134.

[84] Цит по: Тендитник Н.С. Искусство – случившаяся реальность. С. 128–129.

[85] Там же.

[86] Распутин В. Верую, верую в Родину!.. С. 17.

Валерия Золотухина делает поэтом в его повествовании наш народный язык, который он прекрасно помнит и, чувствуется, не собирается забывать, которым он не пользуется, как принято говорить, а живет, дышит, внимает. <...> И во многом он же, язык этот, как пуповина, удерживает автора в границах истинной прозы и дает возможность говорить то, ради чего он взялся за перо, глубоко и всерьез»[87]. В. Золотухин сравнивается с В. Шукшиным, акцент делается на сибирском происхождении этих писателей и актеров, что репрезентирует концепт коренного сибиряка авторской региональной антропологии: «...я сразу, еще из зрительного зала, определил в Валерии Золотухине сибиряка, и не просто сибиряка по рождению или некоторому проживанию, таковых теперь много, но по породе, по крепкости и прочности характера, уважению к себе как к личности и готовности защищать эту личность»[88].

Н.С. Тендитник пишет, что в творчестве В. Распутина «осуществилось самое важное в процессе возвращения литературе подлинного народного языка: слияние нераздельной народности мышления и всего, что удалось собрать и удержать в памяти из народного способа выражать шутку, горечь, радость, ликование. <...> В основе этого сложного процесса лежит сознательная ориентация на возвращение и утверждение в правах речений, утрачиваемых языком, словосочетаний неповторимых, выражающих гибкость народного ума и неизмеримость его, возвращение слову разнообразных оттенков»[89]; «В. Распутин сумел создать свой стиль на основе глубокого и ясного, точного и разящего народного слова»[90]. В повестях и публицистических работах В. Распутина («Поле Куликово») критик видит «подчас даже просто демонстрируемое соединение различных речевых пластов» – эксперименты писателя со словом, призванные показать богатство и возможности русского языка.

---

[87] Распутин В [Предисл к публ. повести В. Золотухина «Дребезги»] // Юность 1978 № 11. С 43

[88] Там же С 42–43

[89] Тендитник Н С Искусство – случившаяся реальность... С. 130

[90] Там же. С 133.

С конца 1970-х годов В. Распутин размышляет о сущности, предназначении и современном состоянии культуры и искусства. Культура понимается им, с одной стороны, как национальный феномен — воплощение души народа, способ его самовыражения: «Она есть мера глубины и состоятельности, прочности и талантливости народа»[91]. С другой стороны, множество национальных культур находятся в состоянии диалога и в целом составляют общемировую культуру, сохраняя при этом свою специфичность. Понятие культуры включает в себя традиции, обычаи, этические и эстетические нормы, язык, литературу и искусство. Нередко В. Распутин не проводит четкой границы между культурой и искусством; эти понятия используются как синонимы – искусство является точкой зрения на культуру. Оно также рассматривается как в общечеловеческом, так и в национальном смысле: «...праведный и чистый голос человечества в целом и каждого народа в отдельности, духовная и эстетическая побудительная высота, осуществленная мечта человека, ухваченное перо жар-птицы и прометеев огонь человеческих исканий и побед»[92]. Кроме того, в обобщениях часто не разграничиваются искусство и литература; литературный процесс выступает тождественным культурному процессу и развитию искусства.

Феноменологической установкой литературы и искусства является нравственное утверждение как конкретного человека, так и всего народа в целом, путем сохранения основных этических принципов и норм его духовного бытия: «Задача искусства, и это трудная и долгая задача, — вернуть подлинное и единственное значение тем вещам и понятиям, без которых ни человек, ни общность людей не могут стоять на твердых ногах»[93], — считает писатель.

Современный литературный (культурный) процесс оценивается с точки зрения классической — гуманистической — па-

---

[91] Распутин В «Правая, левая где сторона?» // Наш современник 1989 № 11. С. 140.

[92] Там же.

[93] Распутин В. Что в слове, что за словом? // Лит. в шк. 1987. № 3 С. 12.

радигмы, в основе которой лежит дидактизм: «Именно в традициях русской литературы и была всегда забота о правильном и всестороннем воспитании всего народа»[94]. Наличие «вредных», не способствующих развитию человеческой нравственности и духовности книг в 1980-е годы объясняется заблуждениями их авторов («нетвердостью и малозначительностью духовных позиций»): «Заблудиться <...> в тех огромных широтах, которые мы зовем нравственностью и духовностью, немудрено, если пренебрегать выверенными путеводными знаками»[95]. Такие «путеводные знаки» дает русская классика.

В оценках культуры В. Распутин исходит также из религиозной (православной) парадигмы и отрицает чистый эстетизм: «Изящные искусства и вообще повсюду должны быть искусством богоделания. Под богоделанием надо понимать любвестроительство, возведение единого храма красоты и братства. Все, что не отвечает этому требованию, не есть искусство, и чем лучше в таком случае исполнено произведение, чем ближе оно к искусству подобием его, тем вредней. Оно есть строительство соблазна, есть разрушение человека»[96].

Примерно с 1989 г. происходит резкое обострение оценок современной социокультурной жизни. В очерке «Правая, левая где сторона?» В. Распутин разграничивает искусство на подлинное – национальное, гуманистическое, нравственное – и ложное – массовое, безнравственное антиискусство («самозванство», «подражательство», «проходимство»). «В самом понятии массовой культуры ничего плохого нет, – оговаривается писатель и тут же уточняет. – Когда бы ценностная культура овладела массами <...> в том понятии, в каком утвердилась сейчас массовая культура, ничего общего с желаемым она не имеет»[97]. Ситуация вседозволенности и расцвета низовой культуры сопоставляется с состоянием культурной жизни в

---

[94] Распутин В. Необходимость правды... С. 132.

[95] Там же.

[96] Распутин В. Из глубин в глубины // Распутин В.Г. Россия: дни и времена... С. 156.

[97] Распутин В. «Правая, левая где сторона?»... С. 143.

1918 г. — после провозглашенного органом Народного комиссариата просвещения «Искусство коммуны» лозунга «Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы».

Категоричному развенчанию подвергаются такие культурные явления перестройки, как рок-музыка, конкурсы красоты и т.п.; Союз кинематографистов СССР обвиняется в производстве порнографии, журналисты программы «Взгляд» — в защите гомосексуализма и пропаганде проституции. Оценки становятся предельно категоричными. Например, рок-музыка называется одной из главных причин роста насилия и преступности в молодежной среде: «В десятках городов молодежные группы ведут между собой настоящие бои с применением оружия и терроризируют население. В поисках причин собираются психологи, юристы, социологи, медики, в чем угодно готовы они видеть истоки неожиданной агрессивности подростков, но об одном умалчивают — о воздействии так называемой музыки. Об опасности тяжелого рока, о подавлении им сдерживающих нравственных начал и возбуждении злых давно с тревогой пишут на Западе»[98]. Массовая культура разоблачается как транснациональная, со злым умыслом насаждаемая с Запада с целью разрушить народную нравственность и духовность. Причиной расцвета массовой культуры называется «...бушующее сиротство молодежи», оторванной от нравственного опыта отцов[99]. С 1989 г. и вплоть до сегодняшнего дня предельно негативно оцениваются средства массовой информации: «...все озлобленней выжигается теле- и радионапалмом историческая, духовная и культурная Россия»[100].

Очерк «Правая, левая где сторона?» прямо выражает интенцию к упорядочению культуры в традиционных рамках; в подтексте прочитывается призыв к запрету и подавлению пред-

[98] Распутин В. «Правая, левая где сторона?» С. 146

[99] Распутин В Дни наши тяжкие / беседу вела А. Жарова [Мир женщины, янв. 1992] // Распутин В.Г Россия: дни и времена... С. 85.

[100] Распутин В. Исчужили Россию / беседу вел В. Кожемяко // Сов Россия 2005. № 13–14 (12645). 5 февр. С. 2.

ставляющихся вредными и чужеродными явлений современной массовой культуры. В доказательство своих взглядов, В. Распутин ссылается на авторитет А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, братьев Киреевских, Аксаковых, А.С. Хомякова, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, К.Э. Циолковского, А.П. Чехова, М.И. Глинки, М.П. Мусоргского, И.Е. Репина, В.И. Сурикова, В.А. Серова, А.И Солженицына, П. Валери, А. Моруа, А. Бийи, Платона.

Отечественный литературный процесс интерпретируется в диахроническом аспекте. Распутин подчеркивает идею преемственности русской литературной традиции, рассматривает литературу как общественно-исторический феномен. В поле зрения писателя оказывается несколько этапов литературного развития. Во-первых, литературная жизнь XIX в. — идейное противостояние западников и славянофилов. Несмотря на противоречие этих позиций и собственные симпатии к славянофилам, В. Распутин воспринимает и некоторых западников, признавая в их убеждениях одинаково сильную любовь к России, значительный вклад в национальную культуру. Кроме того, В. Распутин ссылается на этот спор, чтобы продемонстрировать должную культуру диалога, превентивно парируя критику в свой адрес: «Белинский и Герцен, будучи противниками Киреевских, Хомякова и Аксаковых, находили смелость и справедливость соглашаться с ними, не поступаясь своими взглядами, и искать сходные точки зрения»[101].

Рубеж XIX—XX вв. и эпоха Серебряного века называются вершиной развития русской культуры, которая в предчувствии скорой катастрофы показала все, на что способна, до предела реализовала свой потенциал: «Не только литература, не только философия, но и музыка, живопись, архитектура достигла в России к концу прошлого века вершинной отметки — словно оттуда, с высоты, прощаясь навсегда с искусством, которое, переродившись, примется скоро уничтожать свои же собственные идеалы и проповедовать духовное “ню”»[102].

---

[101] Распутин В. «Правая, левая где сторона?»... С. 142.
[102] Распутин В. Из глубин в глубины ... С. 156—157.

Анализируется парадокс революционных лет начала XX в. – как русская литература, во многом подготовив революцию (В. Розанов), спасла впоследствии национальную культуру и самосознание (В. Непомнящий). Этот парадокс связывается с двойственностью национального характера. В «художественности» русской литературы в ситуации «слома народного бытия» воплощается русское «крестоношение», «духовные и нравственные формы» России[103], и В. Распутин видит в этом прецедент, надеясь на его повторение в конце XX — начале XXI в.

С точки зрения писателя, литература 1960 — первой половины 1980-х годов, «несмотря на различные тематические обозначения, делала одно дело — собирала народ для возвращения домой. Из России географической, пространственной — в Россию историческую, духовную»[104]; «...при существовавших тогда теснениях она (литература. — *П.К.*) не отказалась от правдоискательства и ваяла по необходимости новую роль — духовного проповедничества, подготовляя возвращение духовности в полном объеме»[105]. В этот период В. Распутин наблюдает «.. процесс самопознания человека в своей истории и национальных корнях», что свидетельствует «о его неспокойной душе» («В корнях своих он ищет желанную опору»)[106]. Особую роль в этих процессах играет «деревенская» проза. Несмотря на аполитичность, она поколебала всю общественную систему, создав «коллективный скорбный портрет уходящей России, измученной, отверженной и всепрощающей, — в обрамлении драгоценного народного опыта». И этот «портрет» встает над Россией, «как иконописный образ Спасительницы, провидчески благословляющей на мученический подвиг»[107].

---

[103] Распутин В Мы не сдали крепостей, на которых стоит Россия // Наш современник 2000 № 2 С. 185.

[104] Распутин В. Жива ли русская литература (История болезни) // Говорит и показывает Иркутск 1997. № 11 (221). 14 марта. С. 6.

[105] Распутин В Он прощал незаполненную душу, но не прощал пустоты // Рос. газ. 2001. 28 февр. С 5

[106] Распутин В. Верую, верую в Родину!.. С 12.

[107] Распутин В. Жива ли русская литература (История болезни) С. 6.

Еще в советское время В. Распутин подчеркивает противоположность «деревенской» литературы соцреализму, «производственной» литературе. По мнению писателя, «производственная» литература не соответствует задачам нравственного укрепления человека, продолжая прогрессистские тенденции, заложенные в XIX в.: «Теперешний спор между "деревенщиками" и "производственниками" возник не сегодня, он есть продолжение в литературе на современных основаниях давнего, длящегося уже более века противоречия между теми, кто показывал человека в его природной взаимосвязи и взаимообусловленности, и теми, кто даже с самыми благими намерениями пытался оторвать его от родной стихии и родного духа»[108].

В сентябре 1981 г., на выездном заседании Совета по российской прозе Союза писателей РСФСР в Петрозаводске В. Распутин комментирует утверждения критиков о кризисе «деревенской» литературы. Он признает его существование, но считает главной причиной кризиса то, что современники не поняли смысла послания «деревенщиков»: «Да, он существует И, может быть, потому, что деревенская проза самое главное, что она могла сказать, уже сказала, и сказала это так ярко, с такой болью, с такой страстью! И не беда деревенской прозы, что вот эта ее тревожная проповедь не всеми была услышана или услышана не настолько, как нам бы хотелось»[109].

Наконец, В. Распутин осмысляет кризис литературы в 1990-х – начале 2000-х годов: «Из всех отстойников и запруд, из тайников и спецприпасов потекла литература, возглавившая авторитетом искусства разрушение человека, его земли и миропорядка»[110]. Писатель ставит вопрос о жизнеспособности отечественной литературы: «Жива ли русская литература (История болезни)» (1997), выступления, интервью. Классической литературе и литературе, продолжающей традиции классики, противопоставляется литература «постмодернизма» («по-

---

[108] Распутин В Жила-была сказка... Живет ли она?. . С 317.

[109] На карельской земле // Север. 1981 № 12 вкл л между С 80–81.

[110] Распутин В. Мы не сдали крепостей, на которых стоит Россия С. 186.

гребальная литература», «трупоядствующая словесность», «все эти нарбиковы, яркевичи, сорокины и подобные им», «смердяковщина», «гоп-компания») и современная развлекательная литература («наркотические таблетки в книжной обертке»). При этом очевидно, что В. Распутин знаком с этой прозой: в очерке «Жива ли русская литература» он цитирует И. Яркевича, В. Нарбикову, Д. Галковского.

В числе симптомов кризиса литературы — как самая читающая в мире страна превратилась в самую не читающую[111] — В. Распутин видит «не только творческое бесплодие созидающей ее части, т.е. писателей, но и неспособность к восприятию, к своего рода зачатию вынашивающей ее части, т.е. читателей», что трактуется как «процесс взаимного умертвения»[112]. Как говорит писатель, «...народ в инстинктивной потребности сохранить себя отпрянул от всякого печатного слова, как от проказы»[113] Этому находится объяснение в общекультурных причинах, когда писатели в новой социальной ситуации и коммуникативных условиях забывают язык (деревня утрачивает статус хранительницы исконной русской речи, а за устной теряет аутентичность и письменная), а также причинах социальных — бедность и невостребованность заставляют молодых бросать писательство уже после первой книжки, розданной с автографами друзьям

Задачей «истинной» литературы провозглашается борьба за нравственность. Очеркам, статьям и выступлениям 1990 – начала 2000-х годов свойственно использование военной образности и терминологии, проведение параллелей с драматическими военными событиями отечественной истории (Куликовская битва, Смутное время и т.п.). Например, в выступлении на X съезде Союза писателей России (ноябрь 1999 г.) В. Распутин призывает к созданию «невидимого духовного ополчения», которое

[111] Аудиторию развлекательной литературы В Распутин не признает читателями. Аудиторию литературы «постмодернизма», с точки зрения писателя, составляют заблудшие от смятения и безысходности люди

[112] Распутин В Жива ли русская литература (История болезни) С. 1.

[113] Распутин В Мы не сдали крепостей, на которых стоит Россия С. 186

должно подготовить «ополчение войсковое», водрузив «Божью правду», «как хоругвь», посреди поднимающейся России[114].

Писатель считает кризис литературы кратковременным: «Бессомненно, русская литература жива до тех пор, пока жива Россия. Жизнь государственных и духовных организмов не имеет мгновенного пресечения»[115]. На рубеже 1990–2000-х годов «погребальная литература» оценивается как «временное явление, дань сегодняшнему настроению и смутному времени»[116]. В очерках, интервью и выступлениях рубежа веков В. Распутин констатирует постепенное возрождение национальной литературы, возвращение интереса к ней читателей, уставших от «темно-грязной» литературы: «Нас читают мало. Их читают меньше. Меньше, чем несколько лет назад, а со временем будут читать еще меньше. Потому что все равно, рано или поздно, наступают такие времена, когда происходят понимание и опамятование. И эти люди начинают искать себя в этом мире. Начинают искать чистых просторов, чистых вещей, чистой литературы»[117]. В публицистике акцентируется необходимость господдержки культуры, выдвигаются требования введения государственных ограничений массовой культуры («...по мере возможности сдерживать культуру вторую, не создавая ей более благоприятных условий, чем первой...»[118]).

* * *

Эстетическое самосознание, выраженное в критике и публицистике, органично связано с опытом художественного творчества писателя. В основе эстетики В. Распутина лежит этика.

---

[114] См.: Распутин В. Мы не сдали крепостей, на которых стоит Россия... С. 186.

[115] Распутин В. Жива ли русская литература (История болезни)... С. 1.

[116] Распутин В. По-русски – значит по совести.... С. 25.

[117] Распутин В. Люди начинают искать чистых просторов: [Из выступления писателя на вручении премии «России верные сыны»] // Сов. Россия. 2004. № 160 (12628). 16 дек. С. 2.

[118] Говорин Б. Люди оторваны от власти. Или власть оторвана от людей? / беседу вел В. Распутин // Рос. газ. 2000. 5 февр. С. 2.

Автор выражает представления о творчестве, во-первых, как о форме нравственного самосознания коллективного целого (народа), обладающей трансцендентной природой, во-вторых, как о форме самосознания жизни. Литература понимается как инструмент познания жизни и человека, т.е. как явление чисто эстетического порядка. Идея познаваемости бытия определяет реалистические принципы эстетического мышления. В. Распутин утверждает необходимость следования, с одной стороны, логике самой жизни (правде жизни, понимаемой в значениях реальных жизненных законов и этического смысла реальности) и запредельному нравственному закону, в зависимости от которого находится воля автора. На основании этих эстетических установок осуществляется теоретическое осмысление принципов художественной практики.

Система этических и эстетических представлений определяет философию языка как формы национального самосознания, а также взгляды писателя на культуру, искусство и отечественный литературный процесс.

С конца 1980-х в некоторых публицистических работах литературный процесс начинает восприниматься как процесс социально-политический, литературная жизнь — как борьба мировоззрений. Писатель размышляет не столько о литературе, сколько о явлениях общественной жизни, отраженных в том или ином произведении. Это позволяет обнаружить то, что некоторые критики называют «кризисом мировоззрения».

В обстоятельствах перестройки и постперестройки в культурфилософский план рефлексии входит социально-нравственная программа, реализуется установка на акционизм печатного слова. Речь писателя становится полемичной, авторитарной, бескомпромиссной в отрицании хоть сколько-нибудь альтернативных позиций в идеологической сфере. Публикации отличаются нравоучительством, подразумевают то, чтобы все сказанное в них было реализовано в точности, в соответствии с высшими нравственными принципами автора. Классическая (традиционная) культурная парадигма в целом, и классическая литература в частности выступают как гомогенный идеал, поле базовых интерпретаций, которое призвано обеспечивать само-

тождественность культурного организма, сохранение культурного кода — гарантировать адаптацию к изменениям внешнего для культуры контекста без качественных трансформаций базовой модели (И.Г. Яковенко)[119]. Таким образом, несоответствие воспринимаемой действительности предсуществующим установкам мышления приводит писателя к глубокой духовной драме.

[119] «Я человек традиционных устоявшихся взглядов на жизнь и искусство, и для меня быть современным – значит понимать в своих днях меру сезонного и вечного, случайного и закономерного». См.: Распутин В. Вопросы, вопросы... С. 174.

В ПОИСКАХ «СМЫСЛА ДАВНЕГО ПРОШЛОГО». ИСТОРИОСОФИЯ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Внимание к истории характерно для всех этапов творческого развития писателя, но в ранних очерках («Продолжение саянской легенды», «Разъезд Стофато», «Возвращение» и др.) обращение к факту из исторического прошлого использовалось лишь как сюжетный прием, становилось центральным элементом поэтики короткого повествования о трудовых буднях комсомольцев. Размышления о природе исторического процесса появляются в период зрелого творчества В. Распутина. Открытие трагической сути истории обнаруживается в очерке 1972 г. «Вниз и вверх по течению» и художественной прозе – «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матерой» (1976). С начала 1970-х годов В. Распутин знакомится с национальной историографией: «Я помню, мне хороший урок преподал болгарин в 1971 году. Мы с ним заговорили о нашей истории, и выяснилось, что он ее знает гораздо лучше меня, хотя я учил историю, но я не связывал ее в единое движение, у него это связывалось, систематизировалось. Я взял тогда Соловьева, Карамзина, стал читать, стал интересоваться. Может, это произошло бы и само, но он действительно меня ткнул носом, может быть, сам того не заметив»[1].

Начало публицистической историософской прозы В. Распутина можно отнести к 1979 г., когда в «Советской культуре» был опубликован очерк «Иркутск с нами»[2]. В начале 1980 г на страницах этой же газеты вышел очерк «За Непрядвой лебеди кричали»[3], посвященный 600-летию Куликовской битвы В 1980-е годы В. Распутин пишет очерки, посвященные

---

[1] Распутин В Душа крепка корнями / беседу вел Г Бутаков // Вост-Сиб правда 1987 15 марта. С 2.

[2] Сов. культура. 1979. 14 сент. № 74. С. 6

[3] Сов культура. 1980. 4 янв № 2 С 6.

конкретным историческим событиям и осмыслению исторического процесса, направления его развития и национального своеобразия: «Сибирь без романтики», «Тобольск», «Кяхта», «Байкал», «Горный Алтай», «Моя и твоя Сибирь», «Русское Устье»[4], «Миллионолетия Рольфа Эдберга»[5], «Смысл давнего прошлого (религиозный раскол в России)»[6], «Ближний свет издалека»[7] и др. В этот период писатель принимает активное участие в работе Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, что получает отражение в публицистике, например, в работах «А чего на нее глядеть»[8], «Откуда они в Иркутске»[9] и др. В 1990-е годы концепция истории формулируется в очерках «Что дальше, братья-славяне?»[10], «Вниз по Лене-реке»[11], «Сколько будет лет в XXI веке? Предъюбилейные заметки»[12], «Громкое имя — Сибирь»[13] и др. Развернутые размышления и отдельные реплики об историческом процессе встречаются практически в каждом публицистическом выступлении писателя последних двух с половиной десятилетий.

Концепция истории в публицистике В. Распутина конца 1970—1990-х годов может быть реконструирована на региональном (история Сибири), национальном (история России), и межнациональном (глобальная история) уровнях, открывающих своеобразие историзма мышления писателя.

---

[4] Распутин В. Сибирь, Сибирь... М., 1991. 304 с. (Отечество Старое. Новое. Вечное).

[5] Сибирь. 1989. № 4. С. 100—106.

[6] Лит Иркутск. 1989. Май. С 8—9

[7] Лит Иркутск. 1990. Апрель С 1—3

[8] Сов культура. 1980. 16 сент. № 75. С. 3. / в соавт. с В. Щербиным О сохранении памятника сибирского зодчества XVIII в — Троицкой церкви (иркутского планетария).

[9] Сов. культура. 1984. 21 апр. № 48. С. 8. О судьбах ценных экспонатов Иркутского художественного музея.

[10] Лит. Иркутск. 1992. Апрель. С. 2—3.

[11] Наш современник. 1993. № 11. С. 95—111.

[12] Вост.-Сиб. правда. 1994. 10 сент. С. 6,11.

[13] Москва. 1998. № 7. С. 11—22.

«Путеводное чувство Родины»: история в цикле очерков о Сибири

Историю Сибири В. Распутин осмысляет в национальном, культурном и антропологическом аспектах. Реконструируя события истории Сибири, писатель выделяет в ней несколько этапов. Первый— доисторический; второй —покорение и освоение Сибири в конце XVI – XVII в.; третий – развитие культурной и экономической самостоятельности в XVIII–XIX вв.; наконец, четвертый – современный этап (XX в.).

Доисторическая фаза связывается с неизвестностью Сибири для европейской и русской культур. Это время слухов и небылиц, мифологических представлений о Сибири как стране чудес, в которой обитают люди с песьими головами В качестве иллюстрации В. Распутин приводит далеко отстоящие друг от друга во времени, но близкие по сути высказывания Геродота и анонимного русского письменного источника XVI в. При этом, как подчеркивает писатель, русский народ уже бывает в Сибири от новгородских купцов, издревле осваивавших торговые пути через Сибирь в Азию, до поморов, которые, спасаясь от гнева Ивана Грозного, примерно в 1570 г. заселили устье сибирской реки Индигирки.

Второй этап – присоединение Сибири к России – делится писателем на три периода, согласно трем волнам покорителей завоевание, первопроходчество, заселение. Колонизация Сибири рассматривается в свете концепции национального характера. С точки зрения В. Распутина, русская экспансия в Сибири представляла собой стихийное движение народных масс, за которым не поспевали правительственные и воеводские постановления. Психологические мотивации завоевателей, первопроходцев и первонасельников априори характеризуются отсутствием осмотрительности и благоразумия. Писатель допускает, что ими двигали меркантильные соображения (жажда наживы, право первой добычи и т.п.), но полагает, что определяющее значение сыграли внешние, надличностные детерминанты. Эти исторические события осмысляются как результат выброса из национальных недр огромного количества пассионарной энер-

гии (позволим себе воспользоваться терминологией Л.Н. Гумилева). Речь в очерках идет о том, что к определенному моменту развития нация вычленяет из своего состава и воплощает свою интенциональность в духовном типе пассионария, который расширяет для национально-государственного организма жизненные пространства и ресурсную базу существования.

Писатель подчеркивает суть того исторического момента, которая заключалась в коренной геополитической трансформации русского государства, когда Русь, покорив Казанское и Астраханское ханства, становилась Россией и вплотную приближалась к обретению статуса империи Логика исторического развития заставила русских испытать «необыкновенный порыв» и «чудесную страсть», вселила в них «путеводное чувство Родины» способствовала совершению сверхъестественного подвига. В. Распутин рассказывает, как с падением ханской столицы Искера казаки, пренебрегая тяжелыми мучениями и опасностями, не используя имевшуюся у них возможность медленного поступательного движения, словно торопясь, устремляются на восток и уже в 1639 г., всего лишь на шестом десятке лет после гибели Ермака, Иван Москвитин ставит зимовье на берегу Охотского моря. По следам первопроходцев заселяет Сибирь хлебороб, завершая покорение региона.

Национальный характер в этот период проявляет активную сторону своей природы, реализует заложенный в нем потенциал героического преодоления, воплощаясь в представителях отдельных сегментов национального целого, особых сословий Внимание акцентируется на том, что только казаки, уникальная социальная общность людей, не сломленных тяжкой русской государственностью, стали выразителями исторического закона, двигающего Русь на восток, в Азию. Другим социальным слоем, реализовавшим пассионарную активность нации, были старообрядцы.

Покорение Сибири трактуется как культурный процесс. С точки зрения писателя, русская экспансия была детерминирована спецификой национальной культуры, извечной устремленностью русских людей к вольнице. Ермак оценивается как воплощение всех вольнолюбивых устремлений нации: «...человек

из народа, словно бы самим народом отправленный в Сибирь и не оставленный им без славы»[14]. В. Распутин подчеркивает, что русский человек отправлялся в Сибирь в поисках свободы всех толков — религиозной, общественной, нравственной, деловой и личной, — бежал от ограничений и притеснений. Мечта эта нередко воплощалась в форме мифа о чудесном, благодатном крае, и процесс экспансии обусловливался активностью мифологического сознания в ее достижении. Например, открытие старообрядцами Горного Алтая и продвижение ими своих поселений и угодий к китайским границам связывается с поисками легендарного Беловодья.

Следующий этап рассматривается через историю трех сибирских городов (Иркутска, Тобольска и Кяхты) и также характеризуется как результат приложения пассионарной активности нации. Например, история Кяхты ставится в один ряд с броском казаков к Тихому океану и называется «следующим "пружинным" действием на просторах Сибири русского характера»[15], изменяется лишь модус процесса. В. Распутин констатирует, как на смену "физическому" энтузиазму первопроходцев и первонасельников XVII века» приходит «энтузиазм духовный, очистительный»[16]. Историческая логика этой эпохи заключается в преодолении Сибирью статуса колонии, в возникновении сибирского патриотического сознания. В числе предпосылок такого процесса указывается, во-первых, торгово-экономическое развитие сибирских городов, во-вторых, появление самостоятельного культурного движения, в том числе усилиями меценатов, в-третьих, духовное влияние декабристов и политических ссыльных.

Изображаемое в очерке «Кяхта» независимое и образованное купеческое общество этой "чайной" столицы России соревнуется не только в коммерции, но и в благом употреблении прибылей, открывая лучшие в Сибири учебные заведения, приюты, краеведческий музей, отделение Географического общества,

---

[14] Распутин В. Сибирь без романтики // Сибирь. 1983. № 5. С. 112.

[15] Распутин В. Кяхта // Распутин В. Сибирь, Сибирь... М., 1991. С. 210.

[16] Распутин В. Громкое имя — Сибирь... // Москва. 1998. № 7. С. 17.

закупая библиотеки, финансируя науку и устанавливая культурные связи с метрополией и Европой. Как утверждается в очерке «Иркутск», благодаря меценатству и воспитующей роли политических ссыльных, взрастивших в населении вольнодумное достоинство и общественное мнение, становится невозможным самоуправство и лихоимство власть имущих временщиков, столь распространенное в начале истории города. На их место приходят просвещенные и талантливые губернаторы: «Это был уже далеко не тот город и не те иркутяне, которые за сто лет до того, во времена прибывшего в Иркутск следователя Крылова, могли сносить от него любые поборы, издевательства и самодурство, — этот город обрел уже достоинство и честь, не позволявшие ему делать с собой что угодно»[17]. Итогом развития гражданско-гуманистического общественного сознания в конце XIX в. писатель видит выдвижение сибирскими патриотами (Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным и др.) основных требований, корректирующих хищническую политику колониального центра: образование, отмена ссылки, равноправие, отношение к инородцам и русским.

В антропологическом аспекте история Сибири предстает как история двух исторически сложившихся здесь духовно-нравственных типов, связанных с различными способами существования в социуме и природной среде — оседлым и кочевым, олицетворяющих противоположные стратегии освоения Сибири — бережную и колонизаторскую.

Оседлый, «коренной» сибиряк в концепции писателя является регионально специфической вариацией национального целого. С одной стороны, он предстает выделившейся из коренной нации, отличной от ее европейских представителей в психическом складе и физическом облике ветвью, с другой — лучше и полнее сохранившим, законсервировав, основные качества национального характера. Формирование его менталитета определяют, по меньшей мере, пять факторов: генетический, географический, национальная ассимиляция, долговременная культурная изолированность, «антропогенное» воздействие.

---

[17] Распутин В Иркутск // Распутин В. Сибирь, Сибирь... С 154.

Основу духовного типа сибиряка закладывают первопроходцы и первонасельники конца XVI – XVII в. Их сверхчеловеческая целеустремленность и свободолюбие продолжается в потомках. Дальнейшее формирование сибирского характера происходит в процессе адаптации поселенцев к условиям географической среды. Суровость климата и ландшафта сибирских краев во все времена устраивает жесткий отбор приезжим: «Отбор шел сам собой, для этого годились люди решительные, не "растительного" типа, сильные и упорные, крепкой кости, умелые, способные постоять за себя и в единоборстве с дикой природой, и в суровых отрядных нравах»[18]. В числе факторов выживания, наряду с физической выносливостью, указывается духовная стойкость, упрямство и ежеминутная готовность к мобилизации всех сил, диктуемая изначальной целью сопротивления, а также национальная и культурная самоидентификация. В очерке «Русское Устье» адаптации бежавших от гнева Ивана Грозного к устью реки Индигирки поморов способствует стойкое национальное чувство, сохранение в форме устного предания («прилога») исторической памяти и сбережение вдали от родины аутентичной культуры и языка. Это позволяет русскоустьинским общинам не просто выжить в условиях крайнего севера, но и избежать культурной ассимиляции с местными племенами аборигенов, якутами и юкагирами С другой стороны, выдержавший испытания человек перенимает торжествующий дух сибирской природы и начинает ей соответствовать, невольно чувствует себя значительным и сильным, природная среда укрепляет в нем нравственные и духовные начала: «Весь мир рядом дышал суровым достоинством и свободой, затаенной глубиной и крепостью, и во внешнем покое ощущалось пружинистое напряжение – сибиряк, естественно, перенял этот дух, и, наложившись в нем на стихию прадедовской вольности, он затвердел, пожалуй, чуть больше, чем надо»[19].

Следующий фактор – национальное смешение с населяющими Сибирь аборигенами. По мнению В. Распутина, резуль-

---

[18] Распутин В. Громкое имя Сибирь С. 13.

[19] Распутин В Сибирь без романтики // Сибирь. 1983. № 5 С. 122.

татом ассимиляции стало слияние славянской стихийности с азиатской самоуглубленностью.

Долговременная цивилизационная изолированность русского сибиряка приводит к консервации его культуры и характера. Этому способствуют и суровые природно-климатические условия Сибири, приводящие к своеобразному культурному «анабиозу». На протяжении всех веков своего существования Русское Устье оставалось заповедником языка и фольклора, сохраняя «характер и сердце большого народа». Русские песни и былины дошли до нашего времени и были изданы Пушкинским домом в том виде, в каком их исполняли в XVI в. Старорусский язык сохранился в диалекте благодаря приданию утратившим прямой смысл словам новых предметных значений. На примере старообрядцев Горного Алтая В. Распутин говорит об изоляционистской культурной политике их общин, что и по сей день (год первой публикации очерка—1988[20]) позволяет в целом сохранять традиционную этику первонасельных предков.

Наконец, еще одним фактором можно признать «антропогенный»: оседлый сибиряк всегда подвергался опасности, исходящей от бродяг. Необходимость обезопасить себя и своих близких от насилия темных людей и беглых каторжников также сказалась на его характере: «...сибиряк поневоле удалился в себя и воздвиг там крепость, куда постороннему достучаться было непросто: хозяин десять раз проверит, что за гость к нему идет и что несет, пока откроет и впустит»[21].

Интегральное сочетание этих факторов сформировало чрезвычайно сильный и деятельный менталитет, отличающийся такими качествами, как цепкость к жизни, наблюдательность и чувство собственного достоинства, прямота и самокритичность, упрямство и упорство, укорененность и стойкое отеческое чувство, привычка полагаться только на себя и практичность, чувствительность к любым притеснениям и предприимчивость,

---

[20] Распутин В Горный Алтай // Сов. культура. 1988. № 35 22 марта. С. 6; Оконч . № 36. 24 марта. С 6

[21] Распутин В Моя и твоя Сибирь // Распутин В Повести Хабаровск, 1984. С. 7.

готовность к взаимовыручке и общинный дух, честолюбие и горячий патриотизм, приглядчивость к человеку и сострадание. При этом указывается на невозможность вывести единый образ такого сибиряка: «...не следует забывать, что он расселился на огромных территориях, происходил из различных социальных групп и только поэтому уже не мог быть одного лада и покроя»[22]. К типу оседлого сибиряка следует отнести и коренных жителей старинных сибирских городов в эпоху развития культурной и экономической самостоятельности Сибири в XVIII–XIX вв. («Тобольск», «Иркутск», «Кяхта»): «По Тобольску, по его истории, нравам, мешанине населяющего его люда, удачному разделению на верхний и нижний города, по взлетам и падениям можно почти безошибочно составлять портрет русского характера в Сибири, который постепенно переходил своими отличиями в сибирский, но не успел и снова соединился в одно с русским, теряя затем и эти черты»[23].

Оседлому способу существования у писателя свойственна этическая направленность социальных отношений и отношений в системе природная среда / человек. В. Распутин открывает в сибиряке тип онтологического сознания, находящегося в связи со всей полнотой реальности. Общественная жизнь Русского Устья и старообрядческих поселений Горного Алтая протекает согласно нормам родовой морали, вместе с духовно-очистительным воздействием природы обеспечивающим физическое и нравственное здоровье обитателей «Преследование зверя, дальние походы за припасом и выглядом, богатые пасеки с янтарными медами, жизнь в высокогорье, где все чисто, свежо, целебно и изначально, воздержание, внушенное строгой буквой староверия, духовная распрямленность, сказывающаяся на распрямленности физической, — было чему влиять на возрост кости и возрост жизни»[24]. По принципам добрососедства строятся отношения русского сибиряка с коренными народами Сибири.

---

[22] Распутин В. Сибирь без романтики // Сибирь. 1983. № 5 С. 122.

[23] Распутин В. Тобольск // Распутин В. Сибирь, Сибирь... С. 50.

[24] Распутин В. Горный Алтай // Распутин В Сибирь, Сибирь. . С 179–180.

В. Распутин демонстрирует, что сибиряк воспринимает природу как космос и мыслит себя неизымаемо включенным в него. Так, русскоустьинцы анимизируют природу и живут в естественном времени природных циклов. Тундра, «сендуха», в их представлениях – «единый дух», организующий космос, «изначальная природная власть, всеохватная и всемогущая, карающая и жалующая, единое дыхание бесконечной распростертости»[25]. Чтобы выжить в ней, необходима генетическая позиция мистического мировосприятия, особое чутье тундры. Не имеющие в себе этого чутья и не способные его развить новые поселенцы не принимаются ни тундрой, ни людьми

В очерке «Моя и твоя Сибирь» (1984) В. Распутин рассказывает о деде Егоре из родной Аталанки, который «никогда свою землю не забижал», но по его представлениям – мог, «хотя бы дурным чувством»[26]; а в очерке «Громкое имя – Сибирь» (1998) – об обычае тунгуса просить прощения у срубаемого им дерева, о ямах для мусора, которые заботливо устраивали аборигены. В архитектурном облике старинных городов повествователь видит природную красоту и вдохновенность, «которую умело подхватил, не споря с Творцом, человек»[27].

Противоположный антропологический тип – тип «временщика», духовного кочевника начинает складываться из устремившихся в Сибирь вслед за пассионариями сезонно-промысловых людей, разнообразных маргинальных элементов и отправленных на каторгу или вечное поселение уголовников. Он априори противопоставлен оседлому сибиряку по характеру отношений к природе и обществу. Экспансия данного духовно-нравственного типа в Сибири несет разрушение экологических систем, нравственности и культуры. Его история, таким образом, становится в размышлениях писателя историей современного кризиса нравственности и экологии.

---

[25] Распутин В Русское Устье // Распутин В. Сибирь, Сибирь.. С. 234.

[26] Распутин В Моя и твоя Сибирь // Распутин В Повести Хабаровск, 1984 С. 8

[27] Распутин В. Тобольск С. 53.

Социальным отношениям этого антропологического типа свойственен аморализм. Духовная экспансия кочевника детерминирует девальвацию этических ценностей. Например, его влиянием объясняется упадок нравов тобольского общества в XVII в. Писатель полемизирует с автором «Детей Арбата» А. Рыбаковым, говоря, что моральные болезни никогда не были свойственны сибиряку и всегда лишь привносились из России. «А мы еще спрашиваем нравственность с Сибири, куда вместе с казаками и в путь за казаками кинулась разбитная вольноохочая публика, не признававшая ни бога ни дьявола, а потом и без охочести вслед за знатными фамилиями, уничтожавшими одна другую в крутых поворотах власти, погнали со всей России отпетые головушки»[28]. Подчеркивается, что приливные волны сезонных людей во все времена стремятся размыть нравственные основы сибирской породы. И если до революции оседлому сибиряку удается выстоять, то в новое время происходит его вырождение. Оно становится особенно неумолимым в последние десятилетия: «...все, что формировала природа, отдаленность, самообеспечение, – все мало-помалу приобретает общее выражение и перерождается на один лад»[29].

В одной из редакций очерка «Моя и твоя Сибирь» (1984), вышедшей в качестве предисловия к сборнику повестей, писатель выделяет еще один антропологический тип, распространившийся в Сибири: «...не сибиряк, но работник, сделавший и продолжающий делать немало доброго и полезного для Сибири, созидатель по натуре, в труде не знающий разницы, свой или сторонний это край»[30]. Основание для типологии в этом очерке мыслится в разделении не на своего и чужого, а на способствующего или не способствующего благу Сибири. В дальнейшем размышления о судьбе такого типа не продолжаются.

В. Распутин развивает бинарную оппозицию антропологических типов, контрастно сопутствующих друг другу на про-

[28] Распутин В Тобольск С. 62.

[29] Распутин В. Моя и твоя Сибирь // Распутин В. Повести Хабаровск, 1984 С 9

[30] Там же С 6.

тяжении всей истории русской Сибири. Оседлый сибиряк идеализируется. Писатель тщательно выстраивает его духовно-нравственный образ, подвергает подробному анализу генезис и детерминанты его характера. В осмыслении феномена оседлого сибиряка как особой регионально специфической, исторически и географически обусловленной национальной общности писатель близок к теоретическим концепциям Л. Гумилева – пассионарной теории и теории этногенеза, определяющей нации как результат адаптации этносов к ландшафту. Противоположный коренному, кочевой антропологический тип в рассмотренных очерках представлен синтетически, как проблемная экспозиция, «бэкграунд» размышлений и фактически отождествляется, в контексте экологической публицистики писателя, с современной научно-технической цивилизацией. Подробным исследованием генезиса антропологических типов и их взаимоотношений В. Распутин объясняет современную судьбу Сибири.

Трактуя процесс присоединения Сибири к России как исторически и культурно детерминированное движение национального организма, В. Распутин настаивает на активном, героическом потенциале русского национального характера в целом, опровергает однозначные, распространенные в культуре представления о пассивной созерцательности и слабохарактерности русского человека. Такая позиция заявляется в системе эпиграфов очерка 1983 г. «Сибирь без романтики» – первого исследования феномена Сибири, открывающего позднее публицистический сборник «Сибирь, Сибирь...» (1991). Здесь приводится цитата из «Слова о Ермаке» А.Н. Радищева, содержащая размышления о твердости и неутомимости российского народа в предприятиях, и цитата сибирского ученого и писателя XIX в. Н.М. Ядринцева о необыкновенной энергии, с которой народ пришел в Сибирь, невообразимой громадности результатов, которых он достиг своими трудами

Воплощаемая в очерковой прозе о Сибири бинарная оппозиция антропологических типов полностью соответствует типологии персонажей повестей и рассказов, предшествующих по времени написания рассмотренным публицистическим работам. В редакции очерка «Моя и твоя Сибирь» 1984 г. В. Распутин

объясняет обращение к публицистике стремлением обеспечить лучшее понимание героев своих книг («коренных жителей Сибири») читателем. Это позволяет судить о своеобразной репрезентативности сибирской публицистики писателя, иллюстрирующей и расширяющей сложившуюся ранее и данную априори систему антропологических концептов.

«...Но пробьет урочный час»: национальный характер в истории

В обращении к национальной истории в поле зрения В. Распутина оказываются следующие вехи: татаро-монгольское иго и Куликовская битва, Смутное время, церковный раскол, петровские реформы, наполеоновское нашествие 1812 г. и Бородинское сражение, Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война 1918—1920 гг., индустриализация и коллективизация сельского хозяйства в 1920—1930-е годы, Великая Отечественная война. Кризисные, переломные моменты национальной истории рассматриваются в этническом аспекте. Логика истории представляет последовательность сменяющих друг друга нравственных падений и подъемов: «Если история имеет поступательное движение, то нравственное развитие общества, похоже, ходит кругами, которые накладываются друг за другом с какой-то последовательной закономерностью, — так, что однотипные положения выстраиваются как бы в затылок, в границах проходящего через круги коридора»[31]. Объяснение этому В. Распутин находит в природе русского национального характера.

Интенциональность русского народа составляет святоискательство, безысходное и неизбывное движение народа к достижению идеала: «Святая Русь не значит Русь идеальная. Это примеренные на национальную фигуру сияющие одежды, пришедшиеся впору, но не воздетые до тех пор, пока последние не

[31] Распутин В. Смысл давнего прошлого (религиозный раскол в России) // Лит. Иркутск. 1989. Май. С. 9

станут первыми. Это литургическое настроение народа, его осознанная цель, заключавшаяся в сердечной деятельности, в работе над благополучием духовным»[32]. С другой стороны, писатель отмечает такую национальную черту, как юродство – «мучительную судорогу народной души, ищущей спасения», выпячивание наружу нравственного увечья: «То, что скрывалось у других под внешним лоском и внешним же благополучием, у нас не хотело прятаться и как бы нарочно рвалось на общее обозрение. Это извечное свойство русского – душа нараспашку, которое шокировало посторонних, не умевших вглядеться в эту душу»[33]. Сюда же можно отнести и отмеченное уже по отношению к славянству не релятивистское понимание добра и зла: «В его нравственном миропорядке добро и зло имеют определенные, раз и навсегда закрепленные места, <...> он тяготеет к полюсам. Дозволенное зло стремится в славянине перейти в крайность, наша мораль недоступна так называемому консенсусу противоположностей и прямо, без промежуточных построений, с решительностью разводит их по сторонам. И если она нарушается, зацениться не за что, падение бывает убийственным»[34].

Таким образом, в русской душе заложен как потенциал духовного саморазрушения, так и потенциал органического сопротивления национального организма происходящим внутри и вне его негативным процессам. При этом факторами, катализирующими генетически запрограммированные в национальной ментальности процессы падения, В. Распутин считает исключительно внешние обстоятельства: социальное угнетение (татаро-монгольское иго на Руси, крепостное право и кабала в царской России, государственный террор в СССР), кризис государственности и идеологии (Смутное время, революция и Гражданская война), общемировые тенденции развития цивилизации,

---

[32] Цит. по. Распутин В. Ближний свет издалека // Распутин В.Г. В поисках берега. Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе Иркутск, 2007. С. 108.

[33] Там же. С. 107

[34] Цит. по: Распутин В. Что дальше, братья-славяне? // Распутин В.Г. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск, 2007. С. 148.

которые со времен Петра I систематически переносятся властной элитой на неприспособленную для них российскую почву: «...главное противоречие старой русскости с утвердившейся в мире материальной цивилизацией — в их разнонаправленности, разнокачественности. Русскость готовила себя к собиранию небесных сокровищ, а вокруг наперегонки принялись ковать земные. <...> Это был неравный спор, спор духовного с материальным, победу в котором не представляло труда предсказать»[35].

Реализация потенциала, очередное восхождение, напротив, обусловлены внутренними, имманентно присущими национальному организму защитными механизмами: «Народ, как известно, сплачивает сильная, на роду ему написанная идея. Она может затмеваться, общество сознательно или бессознательно может уводиться от нее, но в глубинах национального самосознания она сохраняется в неповрежденности и только ждет своего часа, чтобы овладеть умами и сердцами. Как правило, этот час наступает в пору самых суровых испытаний, когда все остальные опоры оказываются слабыми или несостоятельными, во время войны или смуты в особенности. Как только встает вопрос, быть или не быть России свободной и самостоятельной <...> стекаются под него русские люди, оставив распри, обиды и недоверия, стекаются как один народ, вспомнив заветы предков...»[36]. В. Распутин выделяет по меньшей мере три таких механизма: явления святых, мобилизация нации для отпора внешней агрессии, расколы.

В очерках «За Непрядвой лебеди кричали» («Поле Куликово», 1979—1980[37]), «Ближний свет издалека» (1990) и других работах В. Распутин развивает мысль русского историка В.О. Ключевского о способности русского народа подниматься после падения: «Как бы ни было тяжко его унижение, но про-

---

[35] Распутин В. Ближний свет издалека... С. 109—110.

[36] Распутин В. «Так создадим же течение встречное...»: Выступление на первом съезде Русского Национального Собора // Распутин В.Г. Россия дни и времена. С. 49.

[37] Распутин В. Что в слове, что за словом?: Очерки, интервью, рецензии. Иркутск, 1987. С. 5—26.

бьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу»[38]. Такие исторические фигуры, как Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Тихон Задонский, Иоанн Крондштадтский, оптинские старцы осознаются В. Распутиным воплощением интенциональности народа, его духовно-нравственного идеала в «самые необходимые» моменты истории. Русские святые несут миссию нравственного врачевания, освобождения угнетенных душ от робости и страха, созидания национального подъема и объединения народа в могучую силу, нацеленную на единонаправленное героическое деяние, указывают современникам преданную забвению духовно-историческую цель, возвращают нации вернонаправленность ее исторического бытия.

Защитный механизм раскола подробно исследуется В. Распутиным в очерке «Смысл давнего прошлого (религиозный раскол в России)» (1989), а также в эссе «Горный Алтай» и «Сибирь без романтики». Причиной религиозного раскола в XVII в. писатель видит падение нравов, вызванное социальной ситуацией Смутного времени. Раскол выделил и обособил из нации пассионарно настроенных и фанатично преданных старине людей. После церковного собора 1666 г., освятившего казни и преследования старообрядцев, на Руси начинаются массовые самосожжения и исход ревнителей старой веры в Польшу, Молдавию, Валахию и Сибирь. С появлением в сибирских лесах «семейских» старообрядцев с XVII в. формируется «оседлый» сибиряк, в терминологии автора. Писатель выделяет в старообрядческих общинах сопротивляемость, возникающую в том числе вследствие сознательного изоляционизма и обеспечивающую консервацию традиций, религиозных, нравственных, общественных и хозяйственных устоев. Главным итогом религиозного раскола

[38] Цитата из выступления историка на торжественном собрании Московской Духовной Академии в сентябре 1892 г., посвященном пятисотлетию со дня преставления преподобного Сергия Радонежского. Распутин В. Ближний свет издалека... С. 101.

В. Распутин называет создание народом параллельного магистральному, альтернативного исторического пути, на котором старообрядцы вплоть до XX в. сберегали аутентичную русскую культуру, нравственное и физическое здоровье.

В. Распутин не считает религиозный раскол в XVII в. единственным за всю историю России. Писатель исследует его как самый трагический, масштабный и протяженный по времени прецедент вынужденной дезинтеграции, к которой народ прибегает, противодействуя своему нравственному умерщвлению В качестве примера он приводит раскол интеллигенции в ходе революции, исход из страны «культуро- и вероносительного слоя» граждан, сохранивших для России в драме рассеяния подлинную русскую культуру. Эта мысль подробно развивается в очерке «О чем звонят колокола...», опубликованном в «Литературном Иркутске» спустя год после «Смысла давнего прошлого»[39]. В 1989 г. В. Распутин ощущает реальность нового народного раскола («Как знать, не предстоит ли нам в новых условиях испытать Смутное время и то, что за ним последовало...»[40]), призывает следовать охранительному опыту русского старообрядчества: «...а осталось ли в нас хоть что-нибудь от этих заветов, способное остановить повальную распродажу, и готовы ли мы оставить заветы от себя?»[41] Размышляя о двух путях исторического развития России, оформившихся после раскола в XVII в., В. Распутин говорит о необходимости третьего, гармоничного, предполагающего естественный ход событий, возможность которого была доказана расколом. Этот путь должен быть основан на творческой способности народа к самоопределению, когда бы возможность нравственных падений была полностью исключена в силу отсутствия всех возможных ее детерминант.

Потенциал русского характера к возвышению содержится в православной вере В декабре 1988 г. в «Литературном Ир-

---

[39] Лит. Иркутск. 1990. Март. С. 2

[40] Распутин В. Смысл давнего прошлого... С 8.

[41] Там же С 9

кутске» выходит очерк «Из глубин в глубины», посвященный тысячелетию Крещения Руси. Автор осмысляет национально-историческое, культурное и нравственное значение принятия Русью христианства: «1000-летие крещения Руси – дата настолько великая и многозначная, и несет она в себе так много всего, что относится не к одной лишь религии, что составляет историю, искусство, народное мировоззрение и чувствование, народный характер и душу, уклад жизни, традиции, язык, наконец, мораль, духовное звучание мира...»[42]

Крещение Руси, по мысли В. Распутина, было неслучайно: «Неверно было бы делать предположение, что выбор зависел лишь от него (Владимира Святославовича. – *П.К.*) и что при другом ходе событий мы могли оказаться магометанами или иудаистами. Владимиру ничего другого и не оставалось, как склонить голову перед православием, что предопределено было склонностью народного характера <...> Сосудистая система славянина подходила для учения Христа, другие учения вызвали бы в нем болезненные, а вероятней всего губительные последствия» [С. 152]. В очерке фиксируется предрасположенность славянина к православной вере, склонность к ней «в душевных залогах народа», когда русский человек ощутил «родство», «природный магнетизм», нашел средство для воплощения своих чаяний: «...христианство в том его направлении, центр которого находился в Византии, было приспособлено для Руси и не случайно нашло потом в России главную опору» [С. 152].

Историческое значение Крещения состояло в обретении русским народом цели своего исторического бытия – духовно-нравственного совершенствования: «...освятить человека, привести в соответствие с моральными законами, вдохнуть в него вечность, дать внутреннее зрение, показать на поле в его душе, которое требует возделывания с неменьшей старательностью, чем поле хлебное, и постоянно засевать его любовью» [С. 153]

---

[42] Распутин В. Из глубин в глубины // Распутин В.Г. Россия дни и времена. С. 151. Далее статья цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

Как существенное обстоятельство отмечается ненасильственный способ внедрения христианства на Руси: «Не забудем, став господствующей идеологией и борясь с язычеством, христианство на Руси тем не менее отнеслось к нему терпимо, это было не выкорчевывание древних верований, а оттеснение их своим авторитетом и приспособление для своих нужд» [С. 153]. Христианское вероучение «нашло нужным считаться с его (язычества. — *П.К.*) природной укорененностью» [С. 153]. Природно-космический лад души русского человека не был нарушен, а взаимодействие христианства и языческого мироощущения обусловило формирование русского типа ментальности («Восточное христианство, наложившись на природу славянина, выработало у него особый духовный тип» [С. 154]) и определило направление его дальнейшего развития: «Русский человек за века православия развился в фигуру неопределенно-мечтательную, чувственную, менее практическую, чем человек Запада, в западном человеке первенствовало внешнее устройство жизни, в нашем — душеустроение, чувство родства с другими народами» [С. 154]. Другим фактором эволюции русского национального характера стали противоречия с тенденциями национально-исторического процесса: «Полярность, обрывистость, противоречивость русского характера, трагические его изломы нужно объяснять, вероятно, прежде всего тем, что ход вещей не отвечал его верованиям и надеждам» [С. 154].

В культурном аспекте именно православие способствовало формированию самобытной литературы, искусства и философии. Именно православная вера определила назначение литературы как формы национального самосознания — русская литература всегда была озабочена «...поисками в человеке ростков, из которых могут взойти искупительные действия, поисками того, что нового появилось в нем в результате духовной эволюции» [С. 155]. В произведениях русской классической литературы (Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева) как «вершинных творениях духа» было обозначено направление нации, воплощен национальный идеал. Высота духовного взгляда, трансцен-

дентный характер художественных прозрений — «...духовное видение, когда писатель достигает пределов, в которых ему передается зрение истины» [С. 155] — позволяют В. Распутину прослеживать исток духовного опыта писателей в школе русского старчества.

Для В. Распутина важно отметить не спекулятивную природу русской философии, которая, будучи религиозной и моральной по направленности, занималась исследованием вопросов духовно-нравственного бытия человека, воплощая искания не в абстрактно-теоретической, а в литературной форме: «Главное отличие ее было не в открытиях ума, не в формальных и отвлеченных построениях, не в архитектуре мысли, заведенной на спор и доказательство, а в пластичности, удобности, красивости, обаятельности мысли, в которой ум руководится душой, а духовное и мирское сходятся в человеке без всяких усилий» [С. 156].

Оценивая общее духовное содержание православного вероучения, писатель настаивает на мистическом потенциале отечественного культурного сознания как самосознания, его генетической предрасположенности к откровению, — в первую очередь об исторических судьбах России

В восприятии В. Распутиным национально-исторического времени история присутствует в настоящем, проявляясь в онтологическом и антропологическом пространстве, которое соединяет дух прошлого и настоящего. Такое представление детерминировано этикой писателя, развивает рефлексию о феномене онтологической и родовой памяти и может быть описано на примере очерка «Поле Куликово» и очерков о старинных сибирских городах — «Иркутск», «Тобольск», «Кяхта».

«Дух Отечества»: национальная история в очерке «Поле Куликово»

Первая редакция очерка «Поле Куликово» выходит в середине 1979 г. в газете Забайкальского военного округа «На боевом

посту»[43] («За Непрядвой лебеди кричали»[44]). В хрестоматийной редакции 1987 г. очерк состоит из двух частей[45]. В первой части описывается посещение писателем Поля в 1978 г., за два года до шестисотлетия битвы, во второй – визит 1980 г., приуроченный к точной дате великого сражения – 8 сентября, через две недели после юбилейных торжеств. Поле Куликово – пространственный центр, который является конечной точкой движения рассказчика, здесь происходит основное действие очерка. Писатель размышляет о феномене мемориалов как мест средоточия «духа Отечества», в которых одномоментно присутствуют история, современность и вечность, и памятных датах, когда становится возможным осознание смысла истории, национально-исторического пути России, ее предназначения.

Поездке на Поле предшествует этап посещения памятников и музеев – «...мы подворачивали к часовенкам и камням над братскими могилами, останавливались перед досками с великими именами и заходили в открытые, работающие музеи и в святыни, ждущие своего восстановления...» [С. 5], – осмысляемый как этап душевной подготовки, посвящения «перед главной встречей, чтобы позволилось нам за кратким сегодняшним мигом и верхним слоем земли увидеть и почувствовать нечто большее, чем могут вместить обычные впечатления» [С. 5–6].

Первая поездка сопровождается мотивами ненастья и тьмы. Автомобиль с рассказчиком и его спутниками движется к Полю Куликову под не прекращающимся весь день дождем со снегом. Ограниченность пределов видимости («...небо в непривычной для меня степной стороне, ничем не поддерживаемое, сходилось с землей совсем близко, и в серой мгле трудно было что-то рассмотреть» [С. 5]) предстает как ограниченность духовного зрения. Так, остановившись у реки Красивой Мечи, за сорок верст

---

[43] Распутин В. Поле Куликово // На боевом посту. Чита, 1979. 24 июня С. 2–3.

[44] Распутин В За Непрядвой лебеди кричали // Сов. культура 1980 4 янв. № 2. С. 6, То же. Сов молодежь. 1980. 15 янв. С. 3.

[45] Распутин В Поле Куликово // Распутин В Что в слове, что за словом? С 5–26 Далее очерк цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте

до Поля, путники «долго глядели на темную воду и на берега, спрашивая, помнят, ведают они славу свою или нет. Но изрытые, истерзанные машинами берега едва ли что помнили...» [Там же]. Пространство, окружающее Поле, характеризуется зыбкостью, неустойчивостью и нестабильностью: «...придорожные деревни наплывали как-то непрочно и случайно, точно их подбивало непогодьем» [С. 6].

Прекращение ненастья, появление просвета в «тяжелой чугунной тьме неба», совпадает с моментом, когда машина сворачивает с Богородицкой трактовой дороги на Поле Куликово, что означает достижение некоего одухотворенного пространства — пространства света (закат на проясняющемся небе). Присутствие в этом сакральном пространстве выводит автора из настоящего в прошлое и позволяет увидеть в своем истинном историческом виде ландшафт перед Куликовской битвой: «...вместо распаханной черной степи послушно видится играющий под ветром ковыль, не пересохли, водой текут речки Нижний Дубик и Смолка, по-прежнему жива Зеленая дубрава, полноводнее, шире Непрядва и Дон...» [С. 9]. Атмосферные явления наполняются символическим смыслом (закат как символ столкновения Света и Тьмы)[46], рассказчик становится очевидцем эпизодов сражения. Если в начале очерка, не готовый еще к своеобразной инициации, он видит только «изрытые, истерзанные машинами берега», то на Поле, уже настроив душу на нужный лад, он пытается разобрать «сухой, веками живущий здесь <...> свидетельский шепот» Непрядвы и Дона [С. 11].

Эти переживания позволяют сделать вывод, что для В. Распутина историческое прошлое не исчезает и потенциально со-

[46] «В полгоризонта полыхал закат, да не солнцем, нет, а словно бы его растекшимся во всю ширь освободившегося неба огнем, набирающимся изнутри, из какой-то горячей горловины; четкую и чистую кровавую раскаленность этого зарева чертили еще местами дымные полосы из отступающей черноты, но они быстро погружались, тонули и исчезали бесследно в огненной глубине, которая, не усмиряясь, едва ли не видимыми подтайными взмахами снова наплескивалась на темный берег. <...> так мощно и грозно, продолжая с пугающим мерцанием накаляться, нависли друг против друга над степью красная и черная стороны» [С. 7].

храняется, незримо присутствует в пространстве мемориального объекта («Сердце этой славы и памяти»). Преодолевая толщу времени, оно воспроизводит себя в современности через сознание субъекта исторической памяти, которого в этом сакральном пространстве отделяет от истории «совсем, кажется тонкая, да и то полупрозрачная, пропускающая дневной свет, пленка» [С. 9]. История для В. Распутина, таким образом, существует не вне и независимо от человека, человек в личном акте воспоминания актуализирует и заново проживает давно минувшие события, преобразует их потенциальное присутствие в духовном срезе бытия в реальное и опытно переживаемое. Собственно, явленность прошлого в настоящем зависит исключительно от позиции воспринимающего сознания.

Таким образом, в сюжете двух поездок присутствуют рудименты архаических мифоритуальных комплексов, главным предназначением которых была реактуализация закодированного в священном сказании и представлявшегося истинно реальным опыта. Следует оговорить, что сам характер движения автора в пространстве приобретает фактически религиозно-моральное значение и обнаруживает в себе черты соответствующей архаической парадигмы: «Движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя – в аду»[47]. Об этом свидетельствует и направление движения – с юга, с той стороны, откуда, как подчеркивается, пришли татары. Отметим, юг в русском фольклоре неизменно ассоциировался с пространством тьмы, обиталищем хтонических сил, именно на юге происходили битвы былинных богатырей с мифическими чудовищами.

Дух Отечества, живущий в пространстве Поля Куликова, взывает к памяти современников, поэтому автор в поездке повинуется этому мистическому зову: «А не в нас ли, выбрав и выметав загадочным перстом, не в нас ли, по старинному поверию,

---

[47] Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 181. Тр. по знаковым системам. II. 1965. С. 210.

переселились души полегших здесь?.. А, люди добрые? Не оттого ли и званы мы сюда за сотни и тысячи верст, да так, что не стало сил откладывать?» [С. 9]. Во второй части очерка В. Распутин вводит авторское летоисчисление от Куликовской битвы и размышляет о феномене времени русской истории. Это священное время вековых циклов, регулярно воспроизводящее свое начало по истечении очередного столетия. Символом времени русской истории от Куликовской битвы в очерке становится «огромный событийный круг». Ко второй поездке на Поле он завершается, и время начинает свой новый виток, рождается заново: «К этому дню, признаться, мы и подгадывали, чтобы при нас замкнулась невидимая черта, что-то вольно или невольно выказав, и время русской истории от Куликова Поля двинулось по новому кругу» [С. 18].

В момент диалога истории и современности прошлое объективно проявляется в настоящем, становится осязаемым, давно минувшие события с хронологической точностью происходят вновь: «Уже час встал над часом в шести веках, и потревожились умолкшие голоса, взныли травы, уже замелькали невидимые тени» [С. 23]. Время встречи прошлого и настоящего становится временем отчета и подведения итогов очередного витка национальной истории, когда «дух Отечества» выбирает своим средоточием одно из памятных мест и, с одной стороны, судит на нем современников, с другой, благословляет и придает жизням лучших из них верную ориентацию.

Вопрос о национальном духе получает онтологическое решение. Моменту полного пробуждения памяти на Поле в сюжете первой поездки соответствует окончательное прекращение ненастья. В сцене ночной прогулки под совершенно прояснившимся небом рассказчик слышит в тишине «многоголосый и свободный, празднично и буйно творимый звездами звон» [С. 15], перенимаемый и покоящейся округ степью. В диалоге этих двух космических стихий — неба и земли — В. Распутин полагает условие и пространство бытия времени как вечности, которая сама, в свою очередь, выступает условием этого диалога и в которой мемориальные сооружения в равной степени оказываются относящимися к обоим уровням организации все-

ленной[48]. Памятники, по В. Распутину, удивительным образом способствуют пробуждению памяти, они «подхватывают <...> едва теплящееся чувство и, оживив, наполнив его, награждают редкой способностью внимать тому, что не имеет твердой плоти и живого гласа» [С. 16]. В этих рукотворных, как подчеркивается, знаках прошлого материализуются иные, бесплотные знаки «не бессмысленной беседы» неба и земли.

Обеим этим стихиям доступна определенная мера знания. небу — «великая тайна», поскольку «оно было могучим вышним свидетелем битвы и победы, затем многовекового терпеливого ожидания, и оно стало, наконец, свидетелем пробуждающейся памяти»; степи — «великая мудрость», «коли в избытке приняла она жертвенный подвиг наших предков во имя...» [С. 17]. Полнота исторического знания, истина, таким образом, рождается в диалоге, принадлежит вечности и предрасположена к потенциальному воплощению в памяти Истина при этом — не что иное, как откровение о национальном будущем, недоступное субъекту речи очерка, который в состоянии воспринять лишь тональность содержащейся в разговоре стихий информации — «то тревогу, то молитву, то надежду» [Там же]. Он не боится предположить, что будет еще через сто лет, когда время вновь сойдется с началом отсчета.

Смысл истории может лишь постепенно открываться человеку по мере поступательного проживания им исторической судьбы, лишь в момент, когда будущее превращается в настоящее: «Степь и небо. Небо и степь. Так много, очевидно, ясных ответов там и там, да не для нас, чтобы свою судьбу мы сполна прошли сами» [Там же]. Этот процесс осмысляется как бесконечный: «обретенность не знает законченности» [С. 24].

Ограниченность человека в познании истины, несостоятельность попыток исторического знания найти свой последний

---

[48] «Только вставшие друг против друга небо и степь, ведущие давнюю и уж, конечно, не бессмысленную беседу, в знаках которой время растягивается далеко назад и далеко вперед и сходится в вечность И не понять, не угадать, небу или земле принадлежат памятники Поля Куликова, повисшие, кажется, в воздухе и пытающиеся, кажется, соединить и то и другое» [С 16]

смысл определяют грехи, требующие воздаяния. В ночной сцене на Красном холме рассказчик вопрошает, пытаясь расслышать невнятные голоса, «прощены ли мы предками нашими за беспамятство и небрежение, сполна ли заплатили за них или еще платить и платить?» [С. 17]. Убиенные на Поле спрашивают с потомков ответа за судьбу России. Наблюдая разрушенную и не восстановленную перед юбилеем церковь Рождества Богородицы, стоящую на месте захоронения павших в битве, автор чувствует «разлитый над всею местною землею молчаливый укор» [С. 19].

Динамика распространения зарева по небесному своду в сцене заката имеет характер кумулятивного действия, что связано с исторической оценкой битвы как направленного действия объединенной в героическом порыве нации. Поле становится символом «русской земли и русской чести», символом единения и подвига всего русского народа (акцентируется громадность числа участников битвы и погибших), с этого момента положившего начало реализации своей многовековой мечты о свободе: «Умирали и погибали отцы, но детям внушалось, что это не жизнь – под рабством; и дети уходили, оставляя тот же наказ внукам, об этом каждый день и каждый час молчаливо молили пашни, выпевали народные песни, об этом напоминало каждое слово родного языка и вызванивали, роняя горестные звуки, в будни и праздники колокола» [С. 12]. Автор вспоминает, как осенью 1941 г. «наши воины не позволили фашистам ступить на Поле и осквернить тем самым его славу» [С. 14].

Чрезвычайно важным является уподобление заката рассвету[49]: «...В суточном цикле “рассвет”, появление солнца – это время “начал”, время рождения, возрождения, время, связанное с судьбой»[50]. Излагая хронологию сражения, рассказчик поднимается над событиями битвы и актуализирует традици-

---

[49] «И если бы не вечернее время, если бы не сочность и неистовость красок, вполне можно было бы принять это скоро нарастающее зарево за рассвет, выступивший не в свой черед где-нибудь посреди ночи». [С. 7].

[50] Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л., 1989. С. 79.

онную для отечественной культуры ее историческую оценку как ознаменовавшей конец владычества Орды, положившей начало освобождения Руси от рабства и давшей начало отсчета истории уже России и русского народа как нации: «Русь, как известно, началась не с Поля Куликова, но Полем Куликовым она была направлена и определена уже не как рядовая нация. <...> С Поля Куликова пробил новый час Руси, подвигнувший ее к России. С этого момента начинается ее национальное, государственное и культурное учреждение, которое дало впоследствии право говорить о мессианской роли России во всем мире» [С. 13].

Характеризуя социокультурную ситуацию России начала 1980-х годов, В. Распутин говорит о двух разнонаправленных тенденциях в духовной жизни общества. Это начало пробуждения национального сознания, движение за сохранение национальной памяти, но и одновременно продолжающаяся утрата значительной частью общества духовных корней, забвение современниками своего прошлого. Символическая сцена столкновения Света и Тьмы предстает и как метафора конфликта памяти и беспамятства в современности.

О первой тенденции автору говорит, во-первых, подготовка к юбилею Куликовской битвы, когда были отреставрированы многие памятники (памятник Дмитрию Донскому, храм Сергия Радонежского и т.д.), во-вторых, рассказанное автору об уже прошедших юбилейных торжествах, вышедших «за рамки дежурного календарного юбилея», когда на Поле съехались поклониться десятки тысяч людей, и, в-третьих, увиденное им самим позже, в точный день шестисотлетней годовщины сражения. Как полагает писатель, в эти дни на Поле собрались лучшие, избранные представители народа, объединившиеся в единый, обладающий исторической преемственностью духовно-национальный организм: «...русский человек слился с отечеством и обрел историю, вспомнил свое неотмененное имя» [С. 21].

О противоположной тенденции свидетельствуют рассказ А.А. Родиончикова о современных варварах и вандалах, сбивающих буквы с памятника Дмитрию Донскому, завод на могиле погибшего в схватке с Челубеем монаха Пересвета в Москве,

жалоба встречной женщины. Эти факты оцениваются не иначе как утрата духовной преемственности и исторической памяти, а с ними — и чувства национального достоинства: «Что за люди мы русские, если мы еще в том духе и зерне, которые были заложены в нас при рождении нации, и где пролегали столбовые дороги наши, если миновали они это поле, назначенное нам в судьбу?» [С. 20].

Столкновение памяти и беспамятства трактуется как очередной переломный момент национальной истории, который должен определить направление дальнейшего исторического развития России, решить, будет ли оно сопряжено с обновлением, либо в нем окончательно и бесповоротно возобладает регресс всех констант национального бытия. Как следует из эпиграфа очерка «Поле Куликово»[51], будущее остается для автора неопределенным, предощущение грядущего характеризуется тревогой. При этом победа Света в сцене заката выражает испытываемые автором в начале 1980-х годов оптимизм и надежду на новое обретение современниками утраченной некогда памяти, возрождение русского национального сознания. К концу 1980-х годов, когда инициативу перехватывают «сознательные разрушители России, подпитываемые Западом»[52], В. Распутин все больше разочаровывается в реальности достижения этой цели, негативные социокультурные процессы осознаются как необратимые.

Дух Отечества обладает запредельной природой, сосредоточен в местах воинской славы и проявляется в душах соотечественников посредством актуализации исторической памяти, святоотеческого сознания. Куликовская битва становится архетипом всех войн, которые Россия вела на протяжении своей истории. В. Распутин проводит параллель между событиями, пред-

---

[51] В качестве эпиграфа используется фрагмент последнего стихотворения из цикла «На Поле Куликовом» А. Блока: «Опять над полем Куликовым / Взошла и расточилась мгла, / И, словно облаком суровым, / Грядущий день заволокла».

[52] Распутин В. Потрясения рождают растерянность, а растерянный человек и Отечество и судьбу потерять может / беседу вела О. Баталина // Рос. газ. 1997. 18–24 окт. С. 3.

шествовавшими сражению, и современной эпохой, отыскивая в историческом прошлом потенциал к духовно-нравственному возрождению нации и государства.

Временем судьбы в 1988 г. называется 1000-летие Крещения Руси — дата, так же позволяющая «...понять смысл не только происходящего сегодня, но и происходящего за тысячелетие»[53], и определить вектор дальнейшего хода событий. В. Распутин вспоминает, что «когда праздновала она (Русь. — *П.К.*) пять веков от своего крещения, состоялось полное освобождение от татаро-монгольского 250-летнего ига»[54]. «В великих датах всегда чудится что-то от затмения, — размышляет писатель, — когда, заканчивая круг, конец сходится с началом и поступательное движение до того, как определиться новому кольцу, приостанавливается, свет меркнет»[55].

«...Следы того и другого»: история и современность в пространстве сибирского города

Город как предмет изображения не занимает В. Распутина в повестях и рассказах 1970—1980-х годов. Однако уже с конца 1970-х образ города активно разрабатывается в очерковой прозе как сложный феномен, выступающий в нескольких значениях: в социальном — как знак современного состояния жизни; в историческом — как субстанция, развивающаяся в ходе исторического процесса; наконец, в онтологическом — как неотъемлемая часть бытия. В. Распутин-публицист тщательно анализирует феномен старинного сибирского города, исследует его место и роль в бытии, историческую природу и современную судьбу. Формирующийся в результате этих размышлений образ воплощается в трех очерках — «Иркутск» («Иркутск с нами»), «Тобольск» и «Кяхта»[56].

---

[53] Распутин В. Из глубин в глубины... С. 151.

[54] Там же. С. 152.

[55] Там же.

[56] Распутин В. Сибирь, Сибирь... — М., 1991.

В основе авторского осмысления старинного сибирского города лежит разграничение в его пространственной организации двух крупных территориально локализованных образований — исторического центра (старый город) и современных районов (новый город). В очерках исследуются, во-первых, отношения между двумя этими измерениями городского пространства, во-вторых, отношения каждого из них с природной средой, окружающей пространство города в целом. Поэтому формируемый в этих очерках образ города может быть описан через две основные бинарные оппозиции: старый город / новый город; природа / город (рукотворное / нерукотворное). Последняя при этом имеет два инварианта, определяемых спецификой первой оппозиции — природа / старый город, природа / новый город. Временные параметры задаются оппозициями прошлое / настоящее, вечное / временное.

Старый город в рассматриваемых очерках одухотворяется, предстает как живой организм, «по-родительски» оберегающий свое население, дающий ему «жизнь, приют, воспитание, работу, родину и вечность»[57]. Специфика пространства старого города полнее всего раскрывается в очерке «Тобольск». Реальное разделение исторической части Тобольска на кремль, расположенный на холме (верхний город), и посад, раскинувшийся подле крепости (нижний город), наполняется символическим содержанием. Это разделение имеет иерархическую структуру, обе части старого Тобольска органически взаимосвязаны и соподчинены друг другу: «Если верхний город — крона дерева, нижний — ее корни. Это как две стороны одной медали. Без любого из них другого не станет. И ржавчина на одном съест и другой»[58]. Кремль осмысляется В. Распутиным как «корона» Тобольска, духовный центр, интегрирующий вокруг себя пространство города. Он аккумулирует в себе духовное начало и источает его на нижний. Нижний же, в свою очередь, подчинен верхнему, но при этом является для него, по принципу обратной связи, источником и условием духовной красоты: «Как снизу при взгляде на кремль

[57] Распутин В. Иркутск ... С. 132.
[58] Распутин В. Тобольск ... С. 77.

красота собирается в одно целое, в верховное организованное начало, так сверху при взгляде на посад она тепло растекается по улицам и дворам, чтоб было опять откуда ей взяться для нового поклона»[59].

Первичным же источником духовной красоты исторических центров трех городов, обозначенной понятием «картинности», является окружающая город природная среда. Данное качество имманентно присуще природе и только транслируется на город: «Лишь не до такой вдохновенной высоты, не до духовного совершенства, не до полной слиянности рукотворного с нерукотворным, не до грудного распора при взгляде снизу от Иртыша, <...> — но красотой и вдохновенностью природной, которую умело подхватил, не споря с Творцом, человек»[60]. т.е. сущность духовной красоты старинного города вторична и заключается в гармоничной соотнесенности рукотворного с нерукотворным, человеческого с природным. Одухотворение старого города является частью одухотворения В. Распутиным бытия в целом. В связи с этим старому городу также свойственно такое сущностное качество, как трансцендентность. Архитектурные памятники осмысляются писателем как хранилища души мастера, которая «заполняет великие пустоты между реальностью и мечтой и делает реальность осмысленной добром и красотой»[61].

С другой стороны, В. Распутин подчеркивает механистическую безликость типовых новостроек старинных городов. Молодые промышленные города называются «нагромождениями ночлежек», «временными пристанищами» маргинального кочевника, «покорителя» Сибири, разрушающего биосферу и окультуренные пространства. Эти молодые города и новые кварталы городов старинных не имеют связи с природой и противопоставлены ей. Новый город осмысляется как цитадель, откуда научно-техническая цивилизация осуществляет свою разрушительную экспансию в природный мир. Так, например, город Бай-

[59] Распутин В. Тобольск ... С. 77.
[60] Там же. С. 53.
[61] Распутин В. Иркутск ... С. 134.

кальск был построен Сибгипробумом для персонала Байкальского целлюлозно-бумажного комбината.

Отношения старого и нового города также носят антагонистический характер. Кварталы современных новостроек и промышленные районы в очерках активно противостоят историческому центру. Старый город, в свою очередь, пассивно претерпевает воздействие нового: «И лежал он как-то немускулисто и расслабленно, казалось, даже удрученно, словно до сих пор не пришел в себя от последнего решительного поворота судьбы»[62]. Характер отношений внутри этой оппозиции определяется спецификой публицистического ракурса очерков и связан с этико-философской категорией памяти, социальной и экологической проблематикой.

В. Распутин неоднократно подчеркивает, что ни в одном из старинных сибирских городов не отыскать упоминания об их основателях, просветителях, реформаторах и меценатах, их «заслуги занесены толстым слоем забытья и бескультурья»[63], он описывает, как былую «доблесть» старинных городов сменяют старость и запустение: Иркутск «донашивает» свою деревянную архитектуру; на старинные кварталы неумолимо наступают безликие новостройки, четырехсотлетний юбилей Тобольска, в прошлом столицы России на востоке, отмечается с новыми «потемкинскими» заборами и подтопляемым в каждое половодье старым городом и т.п. Причем такие явления, как строительство стадиона на месте кладбища в Кяхте («увеселительное благоустройство»), вандализм горожан и небрежение властей ставятся в один ряд с пьянством, деградацией коренных сибирских этносов, дегуманизацией образования, расцветом массовой культуры и даже с экологическими проблемами.

Таким образом, пространственная оппозиция фактически тождественна временной оппозиции прошлое / настоящее. И если сохраняющий в себе прошлое старый город выступает пространством истинного, этического существования нации

[62] Распутин В. Кяхта... С. 197

[63] Распутин В. Тобольск... С. 60

в ряду прежних поколений, то новый город, напротив, — пространство безыдеального настоящего.

При характеристике старого города как пространства одномоментного присутствия истории, современности и вечности необходимо отметить специфику позиции субъекта речи и освоения им пространства города. В качестве сюжетообразующего в очерках используется прием созерцательных прогулок автора по старинным кварталам как ситуация актуализации памяти. При этом происходит смещение точки восприятия и перед автором, интуитивно погружающимся в далекое прошлое, проходят лица прежних горожан и эпизоды из их жизни. Старые кварталы уподобляются летописям, сохранившим в архитектуре и планировке улиц былую жизнь своих обитателей. «Иркутская история знает и трагические, и смешные, забавные истории, которые заманчиво и полезно листать как в летописях, так и в памяти, бродя по старым деревянным улицам, легко воскрешающим пытливому уму былую суровую жизнь»[64]. Во всех случаях такой модус является экспозицией для воспроизведения историографических данных.

Писатель оставляет открытым вопрос о будущем старого города. В финале очерка «Тобольск» он вспоминает трагическую судьбу ханской столицы Искера, обреченного на гибель с вселением русских и основанием Тобольска, когда Иртыш, лишь реализуя роковой приговор логики исторического развития, поглотил место, где располагалась ставка хана Кучума: «Какая судьба ждет теперь Тобольск, — пессимистически вопрошает В. Распутин, — неужели появятся люди, которые поставят новый град или отдадут Тобольск Иртышу или какой-нибудь иной силе? Суждено ли им быть? Или они уже пришли, молодые и энергичные, без груза памяти на этой земле, и встали под боком Тобольска, тесня и тесня его к обрыву?»[65]

Следует отметить, что этот конфликт воспринимается писателем как нелепое, абсурдное, возникшее вследствие трагического отклонения от нормы противоречие. В очерке «Тобольск»

[64] Распутин В. Иркутск .. С. 137

[65] Распутин В. Тобольск . С. 86

В. Распутин предлагает должную, непротиворечивую модель современного города, в котором старое и новое гармонично сосуществуют и дополняют друг друга. Он описывает свое посещение промышленного центра Швеции — города Сундсваля, жители которого с уважением относятся к своей старине, берегут памятники истории, а на каждом промышленном предприятии существует свой музей. В. Распутин напрямую связывает с историзмом сознания шведов наличие у них экологического мышления, когда силой общественного мнения удается остановить строительство химкомбината, а также высокой нравственности и гармоничных социальных отношений.

Итак, город в публицистике В. Распутина — пространственно-временной комплекс, обладающий строгой иерархией звеньев: бытие; старый город (верхний и нижний, в случае Тобольска); новый город. Каждое из них обладает своим временным измерением, соответственно: вечность; прошлое; настоящее (временное).

Город в идеале представляется В. Распутину системой высшего органического типа («организм» Гегеля), элементы которой взаимоположены, не могут существовать друг без друга или вне объединяющего их целого. Следует констатировать наличие в этой системе духовной вертикали, пронизывающей все уровни и выстраивающей их иерархию. Это некий системообразующий принцип, берущий свое начало в онтологическом пространстве[66].

Очевидно, фактором, интегрирующим пространство города в единое целое, является диалог — как внешний, так и внутренний. Внутренний — это диалог крупных пространственно локализованных образований в пределах самого города (старый и новый город); внешний — это, во-первых, диалог города и окружающего его природного мира, во-вторых, диалог типов цивилизации, также воплощающийся через бинарную оппозицию старое / новое. Таким образом, сибирский город для В. Распутина является не только пространством, но и субъектом культурного диалога.

---

[66] К слову, здесь можно вспомнить использование В. Распутиным метафоры дерева при описании старой части Тобольска.

Кризис этой системы в концепции писателя связан с распадом иерархической целостности пространства города – деградацией пространственных звеньев, нарушением их органической взаимосвязи, происходящим во времени, с момента прошлого к настоящему, когда новый город обособляется от целого, теряет историческую преемственность, связь с вечностью, природой, свою духовную наполненность и превращается фактически в самотождественную, замкнутую, агрессивную квазисистему.

Таким образом, в рассмотренных очерках В. Распутин выходит на уровень исследования онтологии самого феномена истории. Город в этой связи предстает субстанцией, которая постепенно разворачивается в ходе исторического процесса. Глубинная же его природа связана с постоянным дроблением пространственного, социокультурного и ментального синкрезиса, что проявляется прежде всего в исчезновении установленных рамок значения, в утрате определенности и устойчивости ценностно-мировоззренческой ориентации (М. Вебер).

Исторические Тобольск, Иркутск и Кяхта изображаются В. Распутиным как метафоры региональной цивилизации традиционного типа. В определенной степени писатель мифологизирует их. Дробление на локальные феномены, дифференциация городского пространства и сфер жизни[67] не воспринимаются как утрата целостности, между уровнями пространственной иерархии сохраняются отношения диалога. Отношения внутри старого города имеют фрактальный характер, когда каждый из уровней пространственной организации является структурным подобием, морфологическим инвариантом вышестоящего уровня, в пределе восходящего к общему синкретическому лону – к природе. Традиционный город, по В. Распутину, представляет собой концентрированное выражение природности, где городская культура бытийственно не противостоит природе, а подчиняется ей и вытекает из нее, благодаря чему достигается гармоническое равновесие с миром и интеграция городского пространства. Образ старинного сибирского города в очерках В. Распутина

---

[67] В. Распутин воспроизводит насыщенную и противоречивую историю трех городов.

коррелирует, во-первых, с городом восточного типа, в котором процессы разрушения синкрезиса заторможены, а его развитие происходит медленно, почти циклически, во-вторых, с образом села в повестях и рассказах. Как и замкнутая культура патриархальной деревни, культура старинного сибирского города в сознании автора целостна и организована по законам, предполагающим бесконечное устойчивое самовоспроизводство.

Развитие современного города, с точки зрения В. Распутина, напротив, характеризуется отрывом от природы и, следовательно, потерей самовоспроизводимой устойчивости, дезинтеграцией городского пространства и разрушением целостности культурной ткани. Диалог в нем неполноценен и лишен интеграционных потенций. Если старый город предстает метафорой законсервированной локальной цивилизации традиционного типа, то новый город олицетворяет современную научно-техническую цивилизацию, в развитии которой писатель видит механицизм, инволюцию, распад различных элементов культурной среды (памятников, ландшафтов), созданных человеком на протяжении своей истории. Причем взаимодействие этих цивилизационных типов воспринимается не как конструктивный диалог, а как разрушительная экспансия в Сибирь (из европейской части России, а в публицистике 1990-х годов – с геополитического «Запада»). Собственно, этот процесс В. Распутин и считает первичной детерминантой кризиса системы старинного сибирского города[68].

В исследовании феномена города В. Распутин исходит из патриархальной системы ценностей, переносит свое представление о традиционных нормах организации жизнедеятельности человека на иную, отличную от деревенской, городскую среду. И до тех

---

[68] «Раньше, во времена советской власти, город рассматривался лишь как территория, на которой наиболее эффективно могли размещаться и функционировать предприятия определенных министерств и ведомств». См.: Чуркин В.Г., Муллагалеева З.З. Участие населения в управлении экономикой города – право или обязанность? // Самоорганизация и организация власти. Материалы IV Всероссийского научного семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе», 13–15 апреля 2000 г. Томск, 2000. С. 200.

пор, пока городская жизнь протекает в соответствии с исходной парадигмой, город оценивается позитивно. Когда же эта модель преодолевается в процессе естественного развития современного города, оценка меняется на прямо противоположную.

Обращение писателя-деревенщика В. Распутина к феномену города иллюстрирует трансформацию его мироощущения. Традиционалистски настроенное сознание трагически переживает распад синкретических систем традиционной русской культуры, происходящий в результате объективных цивилизационных изменений В публицистике находит выражение резкое отрицание и страх процессов «дивергенции», расхождения векторного поля русской культуры, наращивания разнообразия, выбивающихся из «предсуществующей» для В. Распутина традиционной культурной парадигмы, комплекса базовых интерпретаций, составляющих стиль мышления.

Писатель отстаивает традиционалистские интенции к гомогенизации общества и тождественности культуры классическим смысловым кодам. Решение актуальных проблем ищется не на путях рождения новых смыслов, а в рамках представляющейся верной и незыблемой культурной программы. Важно, что практически невероятным представляется плодотворный диалог традиционного и современного, однако разрушение синкрезиса ощущается им как процесс необратимый, что ведет к глубочайшему пессимизму писателя, его отчуждению от возобладавшей в современной России урбанистической культуры.

«Славянские мечтания» Валентина Распутина: осмысление глобальной истории

Межнациональный уровень историософской концепции В. Распутина (осмысление тенденций глобального исторического процесса) можно реконструировать на материале очерка 1992 г. «Что дальше, братья-славяне?»[69]. Созданию очерка пред-

---

[69] Распутин В Что дальше, братья-славяне? // Лит Иркутск 1992 Апр. С. 2–3.

шествуют размышления 1980-х годов о русском национальном характере, его судьбе в историческом процессе и в современности. Обратившись к «славянскому вопросу», писатель «достраивает» свою историософию в новых социокультурных и политико-идеологических обстоятельствах.

В начале 1990-х годов в российском обществе активизируется внимание к славянскому вопросу Во-первых, распад СССР приводит к обострению национальных противоречий на постсоветском пространстве, во-вторых, после крушения Социалистической Федеративной Республики Югославии, «восточной опоры "Ялтинского мира"», по определению А.Г. Дугина, разгорается новая балканская война. Пресса сообщает о пытках, расправах, башнях черепов и распятых сербских младенцах, что обостряет полемику о роли России в славянском мире.

В. Распутин рассматривает славянство как суперэтнос, включающий в себя группы родственных по происхождению народов: восточные (русские, украинцы, белорусы), западные (поляки, чехи, словаки) и южные (болгары, сербы, хорваты, словенцы, македонцы, боснийцы) славяне. Однако в очерке он сосредоточен преимущественно на проблемах южного и восточного славянских сообществ, пребывающих в состоянии конфликтов.

Утверждая «семейственность» славянских народов, В. Распутин выстраивает типологию славянства. Восточные, «единоутробные», славяне составляют основу и главную опору России, являясь единым народом: «...это один народ, народ русский, разлученный историческими обстоятельствами в старые времена на три части и в разлуке наживший различия, давшие основание называться Малой, Белой и Великой Русью. Но — Русью, с единым телом, единой душой и сердцем»[70]. Южные и западные — «внешние» — славяне называются «двоюродными» и «троюродными» братьями, среди которых выделяются православные и «иноверные» славяне. Несмотря на существенные различия, нации славян, возникшие в свое время в результате деления не-

[70] Что дальше, братья-славяне? // Распутин В.Г В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе Иркутск, 2007. С 132–161. Далее очерк цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

коего синкретичного славянского протоэтноса, составляют феноменальное единство.

С точки зрения В. Распутина, понятие славянства сегодня «мало соответствует тому разнородному, разнохарактерному и разноисповедному собранию, имеющему, кажется, лишь более или менее единое географическое днище» [С. 151], поэтому писатель пытается выделить факторы единства славянской общности. Утверждение единства многонационального славянского суперэтноса близко идеям русских евразийцев. Сущность славянства в понимании писателя может быть истолкована при помощи категории этнологически значимого целого, разработанной Н.С. Трубецким: «...совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства»[71].

В. Распутин подчеркивает общность духовно-исторической судьбы славянских народов: «...это не воля наша — быть или не быть славянином. Это наша доля, врученный нам в рассветные времена человечества духовный надел» [С. 159]. Обеспечение славянского единства трактуется как духовная миссия, историческое призвание России: «...русский вопрос есть вопрос славянский, а славянский вопрос есть вопрос русский» [С. 147]; само славянство — как ее «праматеринские начала». Все славянские народы, напоминает В. Распутин, побывали «под чужбиной» («В наших глазах, когда мы направляем их вдаль, стоят и набеги степняков, и плач нанизанных на веревку, как бусы, уволакиваемых в полон...» [С. 160]); после Гражданской войны Сербия по-братски приняла беженцев из России; по спорному утверждению писателя, во Вторую мировую войну ни один славянский народ не стал воевать против России.

В основе общности судьбы лежит общее происхождение в пределах единого пространства: «В нашем рождении участвовали камни гор и воды рек, травы степей и клики пролетавших

[71] Цит. по: Гумилев Л. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 26.

когда-то птиц: нас согревает не одно лишь солнце нашей жизни, но и солнце, светившее предкам и взрастившее неотрывные от нас отчины и дедины» [С. 159-160]. Славяне обладают общим духовно-историческим опытом, коллективная память славян заложена генетически и предполагает осознание общности и родового предназначения. Концепция долженствования, разработанная в публицистике В. Распутина 1980-х годов, распространяется не только на русский народ, но на всю славянскую общность, заключаясь в исполнении общеславянской исторической миссии.

В очерке выстраивается общая система славянской культуры, когда каждый из «дальних» славянских народов воплощает краевую дифференциацию единой славянской культуры, нации «единоутробных», российских славян — краевые дифференциации культуры русской, которая, в свою очередь, является центром восточнославянской культуры. Здесь применима метафора Н.С. Трубецкого об «этажах» русской культуры, где «нижний этаж» каждого «краевого варианта» культуры национален, а на «верхнем этаже» русская культура достигает своего единства. При этом каких-либо барьеров между «этажами» культуры не существует[72].

Но если Н.С. Трубецкой отрицал наличие общеславянского антропологического типа, полагая, что славян связывает лишь общность языка, то В. Распутин акцентирует этнопсихологические факторы славянского единства, обосновывая славянский антропологический тип: «На дорогах мира в пестрой толпе человечества славяне узнавали один другого по лицам и обнимались как посланцы одной надежды» [С. 160–161]. Славянская душа стихийна, открыта бытию и вместе с тем психически интровертна: «Вглядитесь в наши лица, мягких и плавных линий, — это от доверчивости, от раскрытости всем, от звучащих внутри памяти напевов, к которым мы непрестанно прислушиваемся. Мы всегда наполовину погружены внутрь себя, в свое, каждый из нас — маленький родник, отрытый на месте глубинной жизни»

[72] Гумилев Л. Заметки последнего евразийца... С. 26.

[С. 160]. В очерке формируется авторский миф о славянском характере как основе этнического единства.

Генезис взаимоотношений между славянскими народами в очерке «Что дальше, братья-славяне?» реконструируется в аспекте так называемого славянского вопроса для России, вопроса об освобождении православных заграничных славян. В истории вопроса В. Распутин выделяет пять этапов: османское, австрийское и немецкое владычество; освобождение славян и обретение национально-государственной независимости в XIX — начале XX в.; немецко-фашистская оккупация и новое освобождение в ходе Второй мировой войны; холодная война; современный этап. Сведения об эпохе иноземного владычества над зарубежными нациями славян приводятся в очерке как априорная информация, экспозиция для интерпретации тенденций последующих этапов. Второй этап оценивается двояко. С одной стороны, он представлен как период реализации обета, подвига заступничества и самопожертвования всего русского народа во имя освобождения единоверных Балкан (Греции, Сербии, Черногории, Болгарии) и славянских земель, бывших собственностью Киевской Руси, но потерянных в татарское время (Галиция, Волыния[73]). С другой стороны, писатель констатирует неблагодарность освобожденных народов, череду подозрительности, ненависти и предательств по отношению к освободителям, предсказанных Ф.М. Достоевским в разгар русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Третий этап определяется, как и первый, номинально. Последовавшая за ним холодная война трактуется как очередная попытка строительства славянского единства, не состоявшаяся ввиду ряда объективных причин — внутренних (политика СССР, не соответствующая духу России; механический характер объединения народов внутри и вокруг СССР на чуждых природе славянства идеологических основах и принципе насилия) и внешних (подрывное влияние западной идеологии, пример материального изобилия, силовое воздействие стран-противников).

[73] Так В. Распутин называет Волынь.

Распад Советского Союза начинает современный этап в истории межславянских культурных и политических связей. Его сущность характеризуется как тотальное утверждение центробежных тенденций в семье славянских народов, окончательный распад славянского единства, как «дальних», зарубежных, так и «близких», «единоутробных», российских славян (русских, белорусов и украинцев): «Заветов предков, давших им эту землю и эту кровь, они не соблюли и единства не сдержали. Единство превратилось в сброшенную шкуру далеких обетований, истертую и издырявленную о камни истории» [С. 151]. Сложившееся положение вещей осознается как ситуация «воюющего само с собой славянства», «конца славянского света», «славянского раскола», а вся история межславянских связей становится последовательным приближением к концу.

В. Распутин понимает историческую обусловленность разлада в семье славянских народов, выделяя несколько факторов кризиса межславянских связей. Во-первых, это объективные причины политического и культурного характера: произвольность установленных в свое время государственных границ, что становится питательной почвой для национального чванства; непоследовательная политика России в защите славянских интересов, вызывавшая подозрение в ее имперских амбициях; религиозные противоречия («...разделенного меж собою в религиях Христа не перестают они делать орудием мести...» [С. 135]). Во-вторых, внутренние причины: трагическая слепота славянских народов, не способных распознать истинной опасности: «...все более растущее беспокойство от приближающейся опасности, которую народы не в состоянии распознать и по тревоге слепых своих вождей принимаются искать вблизи себя. А близ — сосед, с кем столетиями делились и хлеб, и кров, и удачи, и беды, с него и взыскивается в ярости за недостигнутое счастье» [С. 137]. Неспособность к такому различению связана с кризисом традиционной нравственности славян. В. Распутин подчеркивает особый, нерелятивистский характер славянской нравственности, не предрасположенной к адаптациям в изменяющихся условиях, и связанные с этим проявления деструктивности. Как полагает писатель, эти противоречия сознатель-

но и намеренно используются архитекторами нового мирового порядка в своих целях.

В. Распутин не привлекает мнений историков, не рассматривает конкретных исторических событий, сведения даются обобщенно, что позволяет говорить об избирательном, тенденциозном характере обращения к истории: интерпретация определяется идеологической парадигмой, историческая информация служит иллюстрацией концепции. Причины своего обращения к истории славянского вопроса В. Распутин указывает в начале очерка: необходимость выявить причины кризиса, в котором пребывает сегодня славянство, оценить перспективность дальнейших отношений России и славянских этносов, предложить пути, по которым должно строить эти отношения в будущем[71]

Очерк «Что дальше, братья-славяне?» — идеологический манифест, его логика определяет композицию. Это диалог носителей двух идеологических позиций, воспроизводящий дискуссию конца 1980 — начала 1990-х о дальнейших путях исторического развития России, полемику идеологов космополитизма и почвенников. Отталкиваясь от идеологии космополитического либерализма, В. Распутин утверждает традиционалистскую, почвенническую идеологию панславизма. Две концепции противопоставлены как механическая и органическая, материалистическая и духовная, безнравственная и нравственная.

Очерк актуализирует славянофильскую идеологию, основывающуюся на посылке о принципиально ином, по сравнению с западно-европейским, пути исторического развития славянских народов. В. Распутин настаивает на чуждости западного типа цивилизации славянской душе, альтернативой утверждающемуся в современном мире порядку он видит славянскую цивилизацию. Продолжая полемику XIX в., писатель настаивает, что славянский союз не подразумевает русификации славянских

[71] «Не для упреков и предъявления счета, а только для того, чтобы проследить, как это происходило, и прикинуть, пойдет ли куда-нибудь дальше, не пора ли поставить на славянском вопросе крест. <...> строить ли новый дом, а если строить, повторять ли его в прежних формах или искать для прочности другие» [С 132].

народов. Оптимальной формой сосуществования славянских народов вслед за цитируемыми Ф.Д. Достоевским и К.Н. Леонтьевым он считает не общую государственность, не включение славянских государств в состав России, а славянское братство, духовный союз народов, «семейственных по вере, языку и происхождению, для защиты и приумножения (и обмена с другими) вверенных им лучших даров» [С. 139]. Это духовное объединение строится по принципу родовой общины, семейного круга, основано на ответственном самоопределении народов, избравших солидарность принципом взаимоотношений.

Целями такого единства признаются, во-первых, гуманитарное самопознание, духовное и нравственное усиление, «высвобождение заложенных в славянах культурных задатков, пособничество друг другу в этой работе» [С. 145], реализация «славянского призвания в среде человечества», во-вторых, противостояние общему врагу, «ордам цивилизаторского покорения», осуществляющим культурную, идеологическую и экономическую экспансию, означающую не что иное, как новое закабаление. Отрекаясь как от космополитизма, так и от национального изоляционизма, В. Распутин предлагает вынужденный изоляционизм славянской цивилизации. Россия внутри самодостаточной славянской цивилизации мыслится как идеократическое государство, в котором идеей-правительницей является благо народов автаркического мира; ее историческая миссия — быть духовным центром славянских государств в противостоянии глобализации. Обращение к славянскому вопросу служит указанием современникам альтернативы исторического развития России и славянской цивилизации в целом.

* * *

Исторический дискурс в публицистике В. Распутина 1980-х годов выстраивался с опорой на богатейшую фактическую основу: летописи, церковные источники, труды историков, этнографов, наследие писателей, мыслителей и общественных деятелей. Так, в очерке «Поле Куликово» можно выделить три источника, которые использует писатель при реконструкции событий битвы: сообщения летописцев, «Историю России» С.М. Соловьева,

экскурсию по Полю с работником краеведческого музея А.А. Родиончиковым. Данные древних летописей — первичных источников исторической информации — принимаются В. Распутиным как полностью достоверные и объективные, истинная народная память о событиях шестисотлетней давности. В свою очередь, достоинством «вторичного» источника информации — книги С.М. Соловьева, по мнению В. Распутина, является неотступное ее следование летописям, лишь переводимым на современный язык. Кроме цитирования письменных памятников, объективированное изложение содержащихся в них сведений неоднократно маркируется словами «по преданию», «как известно». Экскурсия А.А. Родиончикова становится воспоминанием, актуализацией памяти: «Говорит он негромко и неторопливо, будто принимая нас за бывалых, знакомых с этой битвой людей, которым нужно только напомнить, подсказать ее общую картину, возможно, несколько стершуюся в памяти за давностью лет»[75].

Писатель отдает предпочтение тем источникам, которые, с одной стороны, не противоречат традиционным представлениям, с другой — собственному мировоззрению. Источники, не отвечающие мировоззренческим установкам, используются только для аргументации от противного (цитата из М. Штирнера в очерке «Что дальше, братья-славяне?», ссылки на роман А. Рыбакова «Дети Арбата» в очерке «Тобольск» и т.д.). Данные конкретных источников исторической информации могут использоваться избирательно и корректироваться, согласно авторскому замыслу. В. Распутин часто ссылается на книгу В.М. Зензинова «Старинные люди у холодного океана»[76] в очерке «Русское Устье», но обходит вниманием или снабжает извиняющей оценкой неприглядные черты характера и манеры поведения русскоустьинцев, отмеченные этнографом (страсть к водке, лукавство, мелочность, добрачные половые связи и т.д.). В результате в очерке формируется идиллический образ русских поселенцев сурового севера Сибири.

---

[75] Распутин В. Поле Куликово... С. 8.

[76] Зензиновъ В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянскаго округа / Съ предисловіемъ В.В. Богданова. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М., 1914. 133 с.

Постановке историософских проблем в публицистике В. Распутина предшествовало их художественное осмысление в зрелых повестях («Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой»). В публицистике В. Распутин получил возможность расширить предметную область рефлексии, прямо и непосредственно выразить свои взгляды. Обращаясь к истории, писатель исследует самый широкий круг вопросов — национально-историческое предназначение России, сущность русского национального характера, проблемы геополитики, содержание происходящих в современности цивилизационных, культурных и политических изменений и т.д.

Исторический процесс в осмыслении В. Распутина обладает инволюционной динамикой, связан с нарастающей деградацией общества, разрушением биосферы и предполагает катастрофическое завершение — в публицистических текстах последних двадцати пяти лет устойчивы эсхатологические мотивы. В очерке 1994 г. «Сколько будет лет в XXI веке?» В. Распутин называет предстоящую смену тысячелетий «окончанием одной книги бытия и началом новой», пророча грядущие катаклизмы и изменения человеческой природы. На рубеже двух тысячелетий писатель размышляет о сакральном характере летоисчисления, полагая существование неких мегаисторических циклов, совпадающих с циклами онтологическими. Эпоха, когда сменяются тысячелетия, осмысляется как время суда над людьми: «Я с опаской смотрю на рубеж двух веков. Ведь календарь не просто выдумка человека, я имею ввиду летоисчисление, это уже некая земная копия, подчиняющаяся тому, что происходит с этим календарем. 2000 год — вершина, которой не бывало уже тысячу лет. Есть свидетельства (письменные, разумеется), что переход одного тысячелетия в другое — смутное время. Как в природе, так и в обществе. Природа начинает взыскивать, как бы за грехи людей. Существует некая закономерность: там, где смута, там природные катаклизмы наиболее вероятны и ужасны»[77]. Сама

---

[77] Распутин В. По-русски — значит по совести. Оптимистическая проза «пессимиста» Валентина Распутина / беседу вела Т. Серебрякова // Рос. газ. 2000. 21 апр. С. 25.

природа активно вмешивается в историю, наказывает людей за их грехи: «Быть может, я и ошибаюсь, но похоже, что там, где люди не могут решить свои проблемы, социальные или политические, где распре не видно конца, вмешивается сама природа. Так было в Армении, Турции и в других местах»[78].

Потребность в осмыслении логики общемирового и национального исторических процессов вызвана глубокой неудовлетворенностью духовным состоянием современного общества. Исторический дискурс содержит в себе разработку этиологии ощущаемого в современности социокультурного и экологического кризиса; социальная ситуация конца 1970—1990-х рассматривается в большой ретроспективе, что придает ей мегаисторический (И. Смирнов) статус. В. Распутин ищет детерминанты сложившегося положения вещей не только в настоящем, но и в прошлом, делаемые при этом обобщения позволяют писателю ставить вопрос о перспективе дальнейшего исторического развития Сибири, России и всей мировой цивилизации.

Анализ историософии В. Распутина выявляет ее соответствие консервативно ориентированной части современной русской культуры (эсхатологизм, обязательный для цивилизационной историософии) и традиционным моделям мышления[79]. Историческому, линейному времени противопоставляется естественное время природных циклов. До новейшего периода национальная история не противоречит онтологическому времени и развивается в его границах. Писатель ощущает эти времена

[78] Говорин Б. Люди оторваны от власти. Или власть оторвана от людей? / беседу вел В. Распутин // Рос. газ. 2000. 5 февр. С. 4.

[79] Смена цивилизационных парадигм, изменение социальной и культурной среды обитания человека, его взглядов на бытие и свое место в нем вызвала возникновение новых — *цивилизационных* — историософских концепций со своими риторическими стратегиями, идеями, гносеологическими посылками. Исследователи указывают на онтологизацию моделей истории, нормативность, дидактичность теорий, логико-методологическую аморфность и идеологическую (например, государственническую) ориентацию. См.: Зверева Г. И. Цивилизационная специфика России: дискурсный анализ новой «историософии» // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 98—112

как стабильные и видит в них подлинно историческое движение, прогресс, развитие. Новейший период истории понимается как выпадение из онтологического времени и торжество цивилизационных способов развития. Достижения научно-технического прогресса, глобальные политико-экономические и культурные трансформации, изменения в духовном мире современного человека заставляют зафиксировать завершение стабильности, утрату локальной устойчивости национально-культурных рамок истории.

Исторический дискурс нацелен на воспитание в читателях «пассеистского» ощущения исторического времени, по определению Л.Н. Гумилева, при котором человек «чувствует себя продолжателем линии предков, к которой он что-то прибавляет: еще одна победа, еще одно здание, еще одна рукопись, еще один выкованный меч. Это "еще" говорит о том, что прошлое не ушло, оно в человеке, и поэтому к нему стоит прибавлять нечто новое, ибо тем самым прошлое, накапливаясь, продвигается вперед. Каждая прожитая минута воспринимается как приращение к существующему прошлому»[80]. В национальном прошлом и особенно в эпохе покорения и первых шагов освоения Сибири, в мифическом времени славянского единства писатель видит наличие потерянной ныне истины, этической меры поступков, придававшей вернонаправленность историческому развитию, экологическим и социальным отношениям, что, в свою очередь, поддерживало и укрепляло гармонию в системе бытия. Фактически В. Распутин вырабатывает свою ретроспективную утопию, которая коррелирует с подобными моделями в культуре, в частности с проектом идеального государства Платона.

Историзм — доминанта мировоззрения В. Распутина. С одной стороны, взгляды на историю определяют характер оценок современной действительности, с другой стороны — состояние современности заставляет обращаться к поиску опор существования в историческом прошлом. Историзм мировоззрения В. Распутина специфичен. Писатель фиксирует преемственность исторического процесса, его стадиальность — суть,

[80] Гумилев Л Н Этногенез и биосфера Земли СПб , 2001. С. 104.

линейность; вместе с тем ему свойственно архаическое переживание времени, осознание его цикличности, что применительно к социально-историческому контексту выражается в эсхатологических предчувствиях. Обе эти концепции времени — линейная и нелинейная — сосуществуют в выражении отчаяния или надежды на позитивное развитие современного общества, накладываются друг на друга, образуют парадоксальный синтез. В целом линейная концепция исторического времени сопряжена с его архаическим восприятием. Прошлое мифологизируется, предстает как почти совершенное время гармонии человека, социума и бытия — Золотой век. В прошлом обнаруживается идеальное состояние мира; логика исторического развития заключается в удалении от него.

«СУМЕРКИ ЛЮДЕЙ». ПИСАТЕЛЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ СОВРЕМЕННОСТИ

«Сколько будет лет в XXI веке?»: осмысление кризиса современной цивилизации

Обращение В. Распутина к публицистике с конца 1970-х годов обусловлено вниманием к экологической и социально-нравственной проблематике. Оба этих проблемных плана разворачиваются в контексте философской рефлексии о кризисе современного мира, его сущности и происхождении («Сибирь без романтики», «Моя и твоя Сибирь», «Байкал», «Миллионолетия Рольфа Эдберга», «Сколько будет лет в XXI веке?» и др.): Россия конца XX в. включается в контекст самой широкой человеческой общности, человеческой цивилизации.

В представлении В. Распутина, современная стадия социогенеза являет собою заключительную и необратимую фазу процесса выделения человека из природной среды, создающей естественные предпосылки существования и развития общества. Социум, являясь частью биосферы, со временем обособляется в активно противостоящее ей начало, составляет антитезу природе и всему природному, что усиливается в техногенный период развития цивилизации. Научно-технический переворот в производстве стремительно возвышает человека над природой, нарушая их естественные связи. Возросшие возможности преобразования окружающей среды рождают убеждение в неограниченных возможностях человеческого разума и утилитарно-прагматический, потребительский подход, взгляд на природу как на источник прибыли, ресурсов, сырья, бездонный резервуар отходов, косную и инертную силу, требующую покорения: «Последнее произошло моментально — произошло в самолюбивом угаре, не считающимся с пользой и не стесняющемся в средствах. Это <...> своего рода рубикон между человеческой эволюцией и революцией; с определенного момента, почувствовав

себя вершиной развития, человек отлепился от единого природного организма и повел свою судьбу самостоятельно, приведя к результату, который мы имеем сегодня»[1]. Нарушение гармонии в системе бытия грозит человечеству гибелью: кризис экологии, катастрофическое обеднение в области духовной жизни; деградация общества стимулируют процесс его самоуничтожения.

Писатель фиксирует внутреннюю противоречивость, драматический разлад человека с самим собой, возникший вследствие отступления от законов бытия. Человек, являясь биосоциальным существом, претерпевает атрофию своего природного начала, теряет духовную полноценность, его духовная жизнь становится дискретной: «Мы словно бы протискиваемся бочком сквозь огромную открытость и бескрайность жизни, затрачивая усилия на то, чтобы не идти свободно и не замечать самого нужного. Отсюда и неполнота жизни, скованность и вороватость движений, душевная однобокость и вся неправильность внутреннего сложения. <...> И потому состоим из осколков, обрывков цитат, не сходящихся вместе начал и окончаний»[2].

За этим следует и другое противоречие — диспропорция в человеке рассудочного начала и души, когда рассудок перестает корректироваться нравственным чувством: «Прогресс принял форму раковой опухоли, когда второстепенное возросло до огромных размеров и вытеснило главное. В человеке победил механизм физического движения, дух остался в старомодных советчиках, не нашедших решительного слова»[3]. По утверждению В. Распутина, «безумие происходит не от недостатка разума, <...> а от тирании вышедшего из-под контроля, переродившегося, злокачественно разбухшего "разума", того, что от него без души осталось»[4]. Человек испытывает трагический надлом, писатель говорит о «духовных трещинах, откуда сочит-

---

[1] Распутин В. Миллионолетия Рольфа Эдберга // Сибирь 1989. № 4 С. 100.

[2] Распутин В. Вниз по Лене-реке // Наш современник 1993. № 11 С. 105.

[3] Распутин В Вся жизнь страда К 80-летию Дмитрия Сергеевича Лихачева // Распутин В. Что в слове, что за словом? Иркутск, 1987. С 328

[4] Распутин В. Вниз по Лене-реке. . С. 110

ся и высачивается человечье»[5]. Оно порциями, чтобы создавалась иллюзия подлинной жизни, высасывается цивилизацией, метафорой которой становится паук – «невидимый, огромный, плотоядный»[6].

«...В последнее время произошло и впредь будет происходить решительное расчеловечивание человека, превращение его под влиянием "цивилизационных" условий в существо агрессивное, безнравственное и эгоистичное»[7], – говорит В. Распутин, представляя современного массового человека, носителя попсознания, неисправимо уродливым, не способным к правильной жизни, охваченным алчностью и скудоумием. Ощущая духовную неполноценность, недостаток духовных сил, человек отказывается от моральных норм и своей миссии по нравственному самосовершенствованию. «Человек не выдержал своего предназначения. Он себя не выдержал, своих противоречий, которые хотелось скорей примирить, и примирять он их взялся необременительным способом "поверх добра и зла". Так было проще, чем побеждать в себе зло. Оно так долго не побеждалось, что он счел себя уставшим и свободным от борьбы»[8]. При этом моральный распад человека в ходе прогресса цивилизации постоянно усугубляется: «...в сравнении с тем, чем был человек хоть и сто лет назад, теперешняя его фигура и пути, которыми он руководится, заставляют и надежды высказывать неопределенно и робко»[9].

В духовном разрушении человека В. Распутин видит кару со стороны природы, вселенной, которая «в своем естественном порядке вещей, как судия, поступает удивительно мудро: наказывает себя виновный. Или опустошенной землей, или опустошенной душой, а чаще и тем и другим вместе»[10]. Писатель го-

---

[5] Распутин В Вниз по Лене-реке С. 109

[6] Там же. С 111

[7] Распутин В. «...Но как на свете без любви прожить» / беседу вела А. Харитонова // Сел жизнь. 1998 № 5 (22295). 15 янв. С. 8.

[8] Распутин В. Из глубин в глубины // Распутин В.Г. Россия: дни и времена. Иркутск, 1993. С. 158.

[9] Там же С. 158–159.

[10] Распутин В. От составителя [Послесл] // Санный путь Иркутск, 1983. С. 267

ворит об особой губительности этих процессов для России, что объясняется спецификой русского национального характера: «В отношении к природе и всему природному вокруг себя мы остались язычниками <...> И потому именно, что мы не вышли, как другие, из естественного состояния своего национального характера, связанного с родной стихией, неразумное обращение с этой стихией для нас губительно вдвойне. Думая об отравленной среде, мы еще прежде должны подумать об отравленной душе»[11].

Поскольку ключевым проявлением кризиса современной цивилизации стало нарушение равновесия в системе бытия, его концепция получает развитие в экологической публицистике писателя, рассматривающей кризис отношений в системе природная среда / человек.

«Что скрывать — это была война»: экологическая публицистика Распутина

Начало отечественного движения в защиту природы приходится на 1960-е годы, когда многие выдающиеся ученые, писатели, деятели культуры и журналисты выступили против строительства Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (введен в строй в 1966 г.). Одним из основных средств борьбы за чистоту окружающей среды, начиная с работы В. Чивилихина о Байкале «Светлое око Сибири» (1963) и статей С. Залыгина «Леса, земли, воды» (1962), «Леса, земли, воды и ведомство», «Дело народное, а не ведомственное» (1963), стала «предфактумная» (Н.В. Кузнецов) публицистика, упреждающая катастрофические последствия покорения природы, предупреждающая о них. Публицистическая деятельность С.П. Залыгина способствовала прекращению работ по проекту Нижне-Обской ГЭС. В том числе благодаря усилиям публицистики, общественности удалось добиться сначала приостановления, а потом и закрытия

[11] Распутин В. Жила-была сказка... Живет ли она?: [Послесл.] // Евсеенко И. Крик коростеля. М., 1982. С. 319

проекта поворота северных сибирских рек, принятия постановления о кардинальных мерах по защите бассейна озера Байкал от загрязнений, перепрофилировании Байкальского ЦБК и развитии на берегах озера туристической и санаторно-курортной инфраструктуры.

В 1970-е годы в экологическое движение включается В. Распутин, становясь одним из самых активных и значительных его участников. Впервые писатель обращается к проблемам экологии в путевом очерке «Вниз и вверх по течению» (1972), оценивая нравственные последствия затопления Братского водохранилища. Как публицист В. Распутин выступает в защиту озера Байкал и природы Сибири сначала в жанре интервью, которые дает как признанный писатель, потом — художественно-публицистического очерка и полемической статьи.

Существо современной экологической ситуации и кризиса, заключенного в ней, осмысляется как результат исключительно антропогенного воздействия на окружающую среду — целенаправленной деятельности общества по подчинению и преобразованию природы. В. Распутин констатирует нарушение динамического равновесия в системе природная среда / человек и говорит о необходимости изменения связей внутри системы посредством экологической деятельности. Без внимания в публицистике не остается ни одна из «болевых точек» на экологической карте Сибири. Все локальные экологические противоречия предстают как составляющие единого регионального и шире — планетарного кризиса экологии. Разрушение экосистем и истощение по экспоненте природных ресурсов оценивается как пограничная ситуация между жизнью и смертью, к которой пришло человечество, избрав неверный, гибельный путь развития. В. Распутин пишет летопись отечественного экологического движения и отмечает вехи своего участия в нем.

Экологические проблемы Сибири связываются с постепенным воцарением здесь антропологического типа кочевника — не укорененного, не скованного моральными ограничителями, рассматривающего Сибирь как временную площадку и источник для скорого обогащения — сезонно-промыслового «временщика». Этот тип воплощает варварский способ воздействия на

природную среду, освоения края. Его деятельность, особенно в последние десятилетия, оценивается как гражданская война «против собственных полей и рек, ценностей и святынь»[12].

Итогом эволюции типа духовного кочевника к 1980-м годам стало его усложнение, глубокая иерархическая дифференциация, которую можно представить в виде пирамидальной структуры. Вершину пирамиды составляют союзные министерства и ведомства, абсолютизация типа «временщика». Это ирреальная, бесчеловечная, не персонифицированная сила. Ведомственные империи уподобляются хищнику, вампиру, высасывающему жизненные соки из сибирской земли; военно-административной машине, осуществляющей вооруженную агрессию; варварской орде и т.п. В публицистике 1990-х — начала 2000-х годов это место занимают корпорации крупного бизнеса.

На втором уровне находятся руководители советских ведомств и подведомственных организаций: министр лесной промышленности М. Бусыгин, его заместители Г. Пронин, И. Савченко, К. Продайвода, председатель Госплана Н. Талызин, главы комиссии по строительству Байкальского ЦБК академики Н. Жаворонков и С. Вольфкович, директор Института экологической токсикологии в Байкальске А. Бейль и др. Промышленный истеблишмент предстает носителем несамостоятельного типа сознания, бездумно выполняя директивы мифологической вершины пирамиды; его доводы абсурдны, основаны на подмене ценностей[13].

На противоположном промышленникам полюсе стоят участники охранительного движения: писатели В. Чивилихин, Л. Леонов, М. Шолохов, академики П. Капица, Б. Ласкорин и мн. др. Отношения между полярными позициями носят характер неразрешимого антагонизма. В. Распутин вспоминает, как по-сержантски вел себя с писателями и учеными руководитель

[12] Распутин В Байкал // Распутин В Сибирь, Сибирь.. М, 1991. С 121

[13] «Числитель, первополагающая величина, перешел у нас в знаменатель, стал второстепенной, и мы приняли это как должное. Фактор обеспечения жизни сделался зависимым от фактора повреждения жизни» См: Распутин В. Вопросы, вопросы // Распутин В Что в слове, что за словом? Иркутск, 1987 С. 167

Сибгипробума Б. Смирнов, или каких оценок удостоился активист движения в защиту Байкала, директор Лимнологического института СО АН СССР академик Г. Галазий, названный секретарем иркутского обкома партии Р. Кацубой «пособником империализма», а бурятским партийным руководителем А. Модогоевым – «врагом бурятского народа» К этому же уровню можно отнести людей, желающих блага родному краю, но искренне заблуждающихся в путях его достижения. Например, секретаря Горно-Алтайского обкома партии В. Чаптынова или директора строящихся Катунских ГЭС: «...Юрий Иванович не сомневается, что в этом и состоит основная служба рек <...>, в том числе его родной Катуни, которая до сих пор не работала, а пустотечила»[14].

Наконец, основание пирамиды составляет тот самый изначальный маргинальный элемент, ставший теперь, как полагает В. Распутин, массовым и распространившийся повсеместно в Сибири. Новые города оцениваются как временное пристанище и называются «нагромождением ночлежек» Предельной реализацией не укорененного способа существования предстает вахтовик – «...народ аховый, нравственные законы ему, как правило, не писаны»[15], – пригодный только для освоения бросовых и не приспособленных к проживанию территорий. Передвигаясь с места на место, он оставляет позади себя безжизненные пространства или губительные для природы производства. Кочевой тип, как полагает писатель, не является регионально специфическим (в отличие от типа оседлого, «коренного» сибиряка), характеризуется общемировым распространением: «И это повсюду, не в одной лишь Сибири и не в одной России. Все свои знания, ум, открытия, приспособления ради корысти очередного царствующего поколения бросает он войной против земной колыбели, разрушая все больше и азартнее. И даже с друг другом воюя, он прежде всего наносит поражения ей»[16].

---

[14] Распутин В Горный Алтай // Распутин В Сибирь, Сибирь... С 156.

[15] Распутин В Моя и твоя Сибирь // Распутин В. Сибирь, Сибирь.. С. 278

[16] Распутин В. Вниз по Лене-реке... С. 103

Для преодоления экологического кризиса современности В. Распутин предлагает две взаимодополняющие стратегии – хозяйственно-экономическую и этическую. Первая стратегия заключается в формировании в современном обществе и государстве культуры хозяйствования, рационального использования и комплексного освоения природных ресурсов: «Самое время, чтобы из понятий сослагательной экономики они окончательно перешли в закон жизни и действия»[17] Как утверждает В. Распутин, хозяйский подход к среде обитания позволит обществу и человеку сберечь главные ресурсы – чистые воздух, воду и землю – и обеспечить тем самым будущее своих детей В очерке «Горный Алтай» писатель рассуждает о сельскохозяйственном и туристическом предназначении Горно-Алтайского автономного округа и недопустимости в нем промышленного строительства. Будучи депутатом Верховного Совета СССР, В. Распутин добивается неотложного решения вопросов «...транспорта, безвредной очистки воды без хлорирования, химизации в сельском хозяйстве, утилизации отходов, создания энергосберегающих технологий, машин и приборов, выбросов фреона в атмосферу и так далее»[18].

Этическая стратегия выступает условием реализации первой и заключается в формировании экологического сознания путем гуманистического осмысления способов бытия современного человека в социуме и мироздании, пересмотра его отношений к природе и другим людям, коррекции мировоззренческих координат и системы ценностей. Основным средством реализации этой стратегии должна стать массовая работа по экологическому воспитанию: «Эта работа должна охватывать все сферы деятельности человека от школьного образования, от привития начальной любви к животным, деревьям и травам до министерского рукоположения, когда лицо, вступающее в высокую хозяйственную должность, давало бы клятву ни на минуту не забывать об убе-

---

[17] Распутин В Моя и твоя Сибирь // Распутин В. Повести Хабаровск. 1984 С. 10.

[18] Распутин В Живу судьбой России / беседу вел А. Анисенков // Советы нар депутатов. 1989 № 8. С 82.

режении родной природы. Безнравственный министр, безнравственный ученый, безнравственный писатель — зло не меньшее, а может быть, и большее, чем землетрясение или наводнение, поскольку оно отличается не разовым, а долговременным и нарастающим действием»[19].

Императивной моделью нравственного существования можно признать противоположный кочевому антропологический тип оседлого сибиряка. Оседлый способ существования предстает как биогенный: укорененность на земле обеспечивает «совместимость человеческой души с природным духом»[20], сращивание в единое целое человеческого и природного; человек находится в единстве с природой, не выделяется из нее, воздействие на окружающую среду имеет окультуривающий характер. При этом между воспроизводством культуры и природой сохраняется баланс. Экологическое сознание с опорой на эту модель заключается в осознании человеком своего нового назначения в мире: «...коль выделился он в главную на Земле фигуру, — пастырствовать всему ходячему и ползучему, лежащему и текущему, неподвижному и растущему»[21].

В очерке «Горный Алтай» описывается посещение повествователем гидрографической станции на Телецком озере. Ее 85-летний смотритель, отец 17 детей, посвятивший жизнь созидательному труду, возделывает фруктовый сад — олицетворение гармоничного, культурного освоения человеком окружающего мира. Но это уходящий, теряющий ныне свою самобытность тип. Сыновья Смирнова спиваются, некому продолжить дело отца, плоды труда — фрукты и овощи — остаются невостребованными, и богатые урожаи сгнивают каждый год. Старик заранее готовит в саду могилу для себя и своей жены. Потомки старообрядцев на Горном Алтае в большинстве своем не наследуют от родителей трудолюбия и суровых раскольнических нравов. Вторжение цивилизации в Русское Устье приводит к утрате потомками поморов памяти, старинной культуры и языка, к их

[19] Распутин В. Вопросы, вопросы... С. 167.

[20] Распутин В. Сибирь без романтики // Сибирь. 1983. № 5. С. 119.

[21] Распутин В. Миллионолетия Рольфа Элберга... С. 103.

«оттаиванию», прекращению анабиотического существования подле холодного океана: «За десять лет сюда добралось телевидение, понаехали с материка посторонние люди, поумирали досельные, ведавшие старину, попадали и покосились кресты на многочисленных кладбищах по Индигирке, и все больше стали говорить "по-тамосному", по-нашему, теряя архаику и чудозвучие собственного языка»[22]. В финале очерка повествователь обращает внимание на то, как вопреки земным законам гидродинамики Индигирка подмывает берег нового безликого поселка Полярный, в который были свезены недавно все русскоустьинские хутора.

С решением экологических и нравственных проблем современности связана проблема реализации Сибирью своего историко-космического предназначения. Будучи «резервной» территорией, обладая к тому же мощным духовно-очистительным зарядом, Сибирь, по мнению В. Распутина, может предложить России, да и всей мировой цивилизации, подорванной научно-техническим прогрессом, новый, не столь губительный путь развития, возможность нравственного обновления. Это же, в свою очередь, будет и реализацией русского человека на Земле.

В 1990-е годы В. Распутин наблюдает, как «бросили» Сибирь и «сбежали», не закончив освоение (незаконченные стройки, например, БАМ), государственные люди. Новое государство не ценит Сибирь и не понимает ее значения, продолжая ведомственное варварство советского времени. На полном серьезе воспринимается слух о предложении некоего американского экономиста продать Сибирь США за 5—6 триллионов долларов, чтобы основать на ее территории семь новых штатов[23].

В постперестроечные годы кризис промышленности (уменьшение объемов вредных выбросов и т.д.) уменьшает остроту

---

[22] Распутин В. Русское Устье // Распутин В. Сибирь, Сибирь.. С. 221

[23] Распутин В Громкое имя – Сибирь // Москва. 1998 № 7 С. 21–22; Распутин В Очищение нужно каждому человеку / беседу вела Л. Семина // Независ. газ. 2002. 16 марта. С. 11.

экологической ситуации, но не разрешает ее, поэтому писатель продолжает добиваться реализации постановления ЦК КПСС о перепрофилировании Байкальского ЦБК. Он указывает на неконтролируемый вылов байкальской рыбы, которым занимается местное население, поставленное на грань выживания, не имеющее иных источников дохода. Поэтому с решением экологических проблем начинает связываться решение проблем социальных. В 2006 г. В. Распутин высказывается против строительства «Транснефтью» в непосредственной близи от Байкала трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан»[24].

В очерках и статьях продолжаются размышления В. Распутина об «экологии», начатые ранее, в зрелом художественном творчестве. Писатель обращается к глубинным причинам мирового и регионального экологического кризисов, исследуя разрушение внешней среды обитания и привычных жизненных укладов традиционного общества, девальвацию смыслов, облагораживавших существование человека. В результате этих размышлений формируется императив целостного видения мира. В. Распутин ратует за возвращение метафизического переживания природы человеком, т.е. за кардинальную переориентацию культурного опыта в ситуации смены культурных парадигм (патриархальной на модернистскую). Взгляды автора соотносятся с теорией превращения биосферы в ноосферу (сферу разума) В.И. Вернадского, утверждающей совместную, основанную на принципе взаимообогащения, деятельность природы и человека условием дальнейшего существования и развития цивилизации[25].

Экологическая публицистика писателя имеет функциональную направленность на достижение действенности и эффектив-

---

[24] Валентин Распутин: Проводить трубу в такой близости от Байкала – преступление. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.regnum.ru/news. – 01.02.2006; и др.

[25] «В понятии ноосферы подчеркивается необходимость разумной (т.е. отвечающей потребностям развивающегося человечества) организации взаимодействия общества и природы в противоположность стихийному, хищническому отношению к ней, приводящему к ухудшению окружающей среды». См.. Философский энциклопедический словарь М., 1983. С. 441.

ности коммуникативного акта. С одной стороны, она служит воспитанию читателя, с другой – призвана воздействовать на ответственных лиц, уполномоченных принимать решения в сфере природопользования и культуры.

«...Будто сама Россия уходит у нас из-под ног»: социально-нравственный кризис в современной России

С конца 1970-х годов в публицистике В. Распутина решается проблема утраты обществом исторической памяти. Накапливая темное незнание и забывая свое прошлое, оно переживает процессы маргинализации и лишается оснований для будущего. Диахронический аспект определяет динамику кризиса как постоянное его усугубление. Так, описывая грехи тобольских казаков XVII в., В. Распутин говорит об их «невинности» по сравнению с нравственными болезнями современных людей.

С конца 1980-х годов происходит значительное расширение проблемного поля и увеличение масштаба и характера выводов и обобщений, касающихся социальной, политической и культурной ситуации в стране. Объяснимо это усложнением жизни России, произошедшим в результате смены общественной формации, и усугублением духовного кризиса самого писателя. В 1992 г. В. Распутин говорит: «Семь лет назад, когда вышел «Пожар», это были только цветочки. Ягодки поспевают лишь теперь»[26]. При этом остаются неизменными сложившиеся в 1980-х годах проблемные доминанты и способы их оценки, что позволяет рассматривать публицистику 1980—1990-х годов как единый текст. Об этом свидетельствует сам В. Распутин в общении с журналистом «Российской газеты» О. Нехаевым. Корреспондент воспроизводит телефонный разговор с писателем, состоявшийся перед интервью летом 2002 г.: «О чем разговаривать?! Зачем?! Кому это сейчас нужно! — категорично звучал из

[26] Распутин В. Прозреть и не отступить // Распутин В.Г. Россия: дни и времена. Иркутск, 1993. С. 89.

телефонной трубки голос Распутина. — Я больше двадцати лет занимался публицистикой. Ничего не изменилось»[27].

Россия 1990-х годов оценивается как «страна фантастического саморазрушения» – «изувеченная Россия»[28]. Писатель фиксирует бессмысленность социальной жизни, утрату идеального в человеке. Новая реальность трансформируется в мир абсурда: «...все перевернулось, распалось, пошло колесом, все столкнулось и возроптало, пришло в противоречие, объялось недоверием, злостью, нетерпением»[29]. Усугубляющаяся девальвация заветов, обычаев, традиций, хозяйственного уклада, песен, сказаний, исторической гордости и религиозности, возведение на нравственный престол бесстыдства, проистекающий из этого кризис национальной самоидентификации («национальные безразличие и вялость», «безнациональный народ»), позволяют ставить вопрос о существовании нации, но сути, о конце национальной истории: «За столетия не сумели врасти в свою землю и укрепить свои умы, чтобы устоять против повального растления и последнего одурачивания — что, в самом деле, за народ мы!? Или уж не народ, а отрод, не продукт предыдущих поколений, а отчленившееся самонадеянно уродливое подобие»[30] В. Распутин фиксирует ощущение, свойственное традиционалистски ориентированной части общества. «...будто сама Россия уходит у нас из-под ног в неведомое и чужое пространство, расположенное поверх или пониз ее собственного культурного и национального тысячелетнего бытия, поверх или пониз всего, что связано с именем России»[31].

Автор поднимает самый широкий спектр общественных проблем — проявлений комплексного кризиса, в котором оказалась современная Россия. Неконтролируемая экспансия чуждых национальному бытию стандартов жизни («...принимаются чужие

---

[27] Распутин В Чиновники забыли о людях / беседу вел О. Нехаев // Рос. газ 2002 4 июля Прил «Союз Белоруссия–Россия». С. 3.

[28] Распутин В. Громкое имя – Сибирь... С. 22.

[29] Распутин В Вниз по Лене-реке С. 98.

[30] Там же

[31] Распутин В Россия уходит у нас из-под ног Выступление на VII съезде писателей России // Распутин В.Г Россия: дни и времена С. 42.

нравы, чужая культура, язык, экономика, социальное и политическое устройство — все с чужого плеча»[32]), в совокупности с состоянием социально-экономической жизни (обнищание населения), приводит к ментальной катастрофе («взрыву духовного Чернобыля») — «эпидемии самоубийств, бездомности, кочевничества, пьянства, болезней и тихих нераскрытых смертей». Писатель наблюдает «...психический надлом от погружения России в противоестественные, мерзостные условия, обесценивание и обесцеливание человека, опустошение, невозможность дышать смрадным воздухом»[33].

Кризис современной России объясняется как цивилизационными, так и историческими причинами. С конца 1980-х годов он трактуется как закономерный итог нового нравственного упадка, под знаком которого прошел весь новейший период национальной истории. XX век для России — век чудовищных потрясений, не имевших прецедентов и грозивших гибелью народу и государству: «Этот век явился для России трагическим. Никакой другой народ тех ломок, потерь напряжений, какие достались народу нашему, не выдержал бы, я уверен. Ни времена татарского ига, ни Смута XVII в. ни в какое сравнение с лихолетьем России в XX столетии идти не могут»[34]. В ходе событий «окаянного» века происходит растрата накопленного за тысячелетие нравственного запаса народа, когда сам народ, называвший себя ранее «богоносным» и «нравственной крепостью мира», своими же руками уничтожает свои духовные опоры. К концу XX в. население России окончательно теряет ценностные ориентиры и национальное чувство, бывшие прежде основными факторами сопротивляемости и выживания национального организма: «Страшнее внешних ломок и утрат оказалась внутренняя переориентация человека — в вере, идеалах, нравственном и духовном прямостоянии. В прежние тяжелые времена это прямостояние не менялось»[35].

---

[32] Распутин В. После событий, накануне событий // Распутин В.Г. Россия: дни и времена. С. 57.

[33] Распутин В. У нас Поле Куликово, у них — «Поле чудес» / беседу вел В. Кожемяко // Сов. Россия. 1998. 2 апр. С. 5.

[34] Там же.

[35] Там же.

И если в 1980-е годы устойчивость национальной души к внешним воздействиям не подвергалась сомнению («...внешние временные обстоятельства могут ее, душу народную, накренить в ту или иную сторону, но не могут искоренить ее основу, которая в сущности, в главном остается такой же, какой она была и сто и двести лет назад и какой, шлифуясь по пути, продолжается она для конечных целей»[36]), то с начала 1990-х годов происходит разочарование в нравственной устойчивости и сопротивляемости народа: «Мы рассчитывали на здравый смысл, на нравственное здоровье народа, а они оказались подорванными больше, чем мы подозревали»[37]. В очерке «Из огня да в полымя» (1990) ресурс национальной прочности метафорически сравнивается с ресурсом водных запасов Байкала, питаемого многими реками: если Байкал перестанет наполняться, его собственных водных запасов хватит на сто лет, но только при условии, что будут исключены другие разрушительные воздействия. «Нам досталось горькое по своей опустошенности наследие, – констатирует писатель. – Духовные и нравственные запасы почти исчерпаны. Национальные потенциалы, составляющиеся в условиях России в общественный, оказались изнурены не тем, что расходная часть в силу какой-то крайней необходимости, как в войну, превосходила доходную, а тем, что восполнением вообще пренебрегли»[38].

Пытаясь найти объяснения негативным социальным процессам, В. Распутин персонифицирует их, полностью умаляя вину народа. Объективные факторы кризиса (цивилизационный, исторический) создают условия для формирования его проводников. Субъектом ответственности делаются, во-первых, призрачные силы мировой глобализации, во-вторых, власть (как советская, так и постсоветская), в-третьих, демократическая общественность (либеральная интеллигенция), а также проводники массовой культуры, «сонмище срамников, хулителей и обольстителей»[39].

---

[36] Распутин В. Жила-была сказка С. 317.

[37] Распутин В. Россия уходит у нас из-под ног. . С 42

[38] Распутин В. Из огня да в полымя // Распутин В.Г. Россия: дни и времена. С. 30.

[39] Распутин В. Вниз по Лене-реке. . С. 99.

В. Распутин выражает обеспокоенность направленностью мировой геополитики на создание единой планетарной цивилизации, «прибрание мира под одну власть. В публицистике устойчив образ некой силы (мирового правительства), сознательно управляющей этими процессами — «не отклонение, а уклонение, действие с заведенным механизмом»[40]. Вектор глобализации составляет вестернизация, когда в условиях однополярного мира Запад навязывает всему человечеству свою культуру. В очерке 1992 г. «Что дальше, братья-славяне?» писатель приводит эпатирующую цитату немецкого философа XIX в. М. Штирнера о приоритете потребительского начала в человеческих взаимоотношениях[41], характеризуя сущность западной цивилизации.

Россия и Запад противопоставляются как понятия разнонаправленные. Если специфику русской культуры определяют духовные начала, то мышление западного человека характеризуют прагматизм и механицизм. Как рассуждает В. Распутин, «западный человек — совсем иной, чем мы. Он проще, его можно разобрать на части и снова сложить, уют для тела для него прежде всего. <...> Отсюда и направленность его цивилизации, чтобы изобрести компьютер и сотворить из него идола, нужно было иметь в себе зачатки компьютера. Мы сложнее, индивидуальней, духовней. Лучше или хуже, но мы другие»[42]; «Мы еще умеем плакать по-настоящему и любить по-настоящему, без выгоды и расчета. И такими нам лучше и оставаться всегда»[43]. Это противоречие усиливается «болезнью» западной цивилизации, пребывающей в патологическом состоянии отклонения от предписаний нравственности «Человечество на исходе второ-

---

[40] Распутин В Что дальше, братья-славяне? // Распутин В Г В поисках берега. Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе Иркутск, 2007. С 147.

[41] «Я в тебе ничего не признаю и не уважаю ни собственника, ни бедняка, ни человека — я тебя потребляю. < ..> Ты для меня именно то, что ты есть мой предмет, как мой предмет — моя собственность». См.: Распутин В Что дальше, братья-славяне? // Распутин В Г В поисках берега. С 158

[42] Распутин В. Потрясения рождают растерянность, а растерянный человек и Отечество и судьбу потерять может / беседу вела О. Баталина // Рос. газ. 1997 18—24 окт. С. 2.

[43] Распутин В. Чиновники забыли о людях... С 3.

го тысячелетия тяжело больно, в этом нет сомнения, но зачем же торопиться к гибели поперед всех? Одни, хитроумные, сознательно заражают нас дурными болезнями, другие, лопоухие, принимают на веру, что без них жизнью не насладишься»[14].

Перенимая привнесенные извне нравы, русский человек подвергается смертельной опасности, так как его характер генетически не предрасположен и полностью исключает любые трансформации. Эту мысль писатель раскрывает, ссылаясь на Н.Я. Данилевского: «...француз — он может отказаться от своих ценностей и остаться французом. Точно так же англичанин. Точно так же немец. т.е. он сохранится как величина средняя, впитавшая исторические, духовные ценности. Русский не может сохраниться в какой-то средней величине. Или ему нужно быть русским в той духовной нравственной одежде, которая для него скроена давным-давно, скроена и потом, и землей, или он просто тогда уж выпрямляется из своего русского естества»[45]. Отказ от национального естества есть «серьезное насилие над русским человеком» и влечет его «мутацию в нечто сегодня неузнаваемое»[46].

Единственным условием защиты от разрушительных процессов глобализации, условием самосохранения в новых условиях является стойкое национальное чувство. Писатель реабилитирует понятие национализма, подразумевая под ним конструктивную, созидательную деятельность по национальному совершенствованию: «Сознательный, культурный национализм есть работа по качественному преобразованию своего народа, высвобождению в нем нравственных сил, указанию на все, что достойно его имени»[47].

Свое видение планетарной цивилизации, основанной на сохранении национальной самобытности, писатель иллюстрирует метафорами. Первая метафора: человечество — живой организм,

---

[44] Распутин В. «...Но как на свете без любви прожить»... С. 9.

[45] Распутин В. Очищение нужно каждому человеку / беседу вела Л. Семина // Независ. газ. 2002. 16 марта. С. 11.

[46] Распутин В. Потрясения рождают растерянность, а растерянный человек и Отечество и судьбу потерять может... С. 2.

[47] Распутин В. После событий, накануне событий... С. 66.

в котором каждый орган (народ) обладает уникальным набором функциональных качеств (своеобразной исторической миссией) и входит в какую-либо систему органов (семью народов)[48]. Вторая метафора представляет человечество как единую гидросистему и подчеркивает важность каждого составляющего ее объекта для системы в целом: «Если сравнить каждый народ с притоком, пополняющим родственно-этническую реку, впадающую затем в Мировой океан, то приток не одну лишь воду несет, но питает, созидает и одухотворяет целый мир, не повторенный более нигде на пути своего следования. Задача притока — течь, находить к реке кратчайшую дорогу, но призвание его — отвернув в сторону, вымыть из земли целительные соли, которые составят славу его существованию»[49].

Условие полноценного исторического развития человечества — дифференцированность и взаимодействие культур, создающее единство общечеловеческой культуры. Каждая из ее национальных составляющих имеет возможность к самопознанию, а благодаря диалогу — и к духовному взаимообогащению. «Мы вовсе не против всемирного братства, но разве нельзя каждому народу прийти в него со своим собственным лицом? — Рассуждает В. Распутин. — Как в природе рассыпаны краски, без которых человеческое зрение превратилось бы в холодное снятие изображений, а человеческая душа окаменела, так и человечество расцвечено и разбогачено нациями — чтобы учиться друг у друга, любоваться и удивляться друг другу, друг к другу тянуться из жажды красоты и познания. Многонациональность землян — это радужность, музыкальность, чувственность и полнота мира»[50].

Вина власти в разрушении основ народной жизни акцентируется в публицистике уже с начала 1980-х годов. С одной стороны, режим в ходе промышленного строительства разрушает биосферу («государственное попустительство» и «ведомствен-

---

[48] Распутин В Что дальше, братья-славяне?... С. 139—140.

[49] Распутин В. Ближний свет издалека // Распутин В.Г. В поисках берега. С 107

[50] Распутин В Слово о патриотизме // Сибирь. 1988. № 6. С. 7

ный разбой»), с другой стороны, препятствует развитию духовности и культуры в обществе (ориентация системы образования на технические нужды, его идеологическая зашоренность), тем самым способствуя догматизации общественного сознания, неукорененности человека в бытии и истории «...Мы воспитали поколения людей, которые не восприимчивы к культурно-историческому наследию, догматически не только мыслят, но и чувствуют, с начисто отмершим органом, который позволял бы отделить временное от вечного»[51].

Неэффективность экономической системы, косность политического управления и идеологии вызывают недовольство в дезориентированном, с ослабленным национальным сознанием обществе. Усилия системы по собственному обновлению (перестройка) запаздывают, и социальное недовольство становится необратимым, способствуя успешной подрывной работе Запада (формирование «пятой колонны»). Конечный итог этих процессов – распад государства.

В. Распутин ничуть не сомневается в том, что все проявления духовной и социально-экономической катастрофы 1990-х годов предусматривались «реформаторами» заранее, и утверждает зависимость властной элиты постсоветской России от врагов России, заинтересованных в ее «землях и богатствах»: «...у меня сложилось впечатление, что наша политика стала составной частью той большой и общей политики, которая делается в другом месте. <...> Частных разоблачительных доказательств у меня нет и не может быть. Доказательство – сегодняшнее положение нашей страны, ее слишком быстрое падение. Такого ошеломляющего успеха даже наши враги не ожидали. Будь политика самостоятельной и хоть немного более твердой, этого не случилось бы»[52]. В этом контексте оцениваются все политические и экономические процессы новой России, подвергаются развенчанию либеральная общественность, массовая культура, средства массовой инфомации и т.д. Для суждений писателя ха-

---

[51] Распутин В. «Жертвовать собою для правды». Против беспамятства // Наш современник 1988 № 1 С 170

[52] Распутин В. После событий, накануне событий . С. 61.

рактерна обвинительная тональность, высказывания становятся предельно категоричными, даже вплоть до требований ограничений свобод, предоставляемых гражданам: «Если натасканные к нам свободы убивают жизнь и их не представляется возможным обуздать, на кой нам нужны эти свободы!»[53]

В отвержении социальной смуты 1990-х формируется парадоксальное явление ностальгии по советскому. Писатель корректирует свое отношение к прежней эпохе, которая начинает рассматриваться в качестве альтернативы новому состоянию жизни.

«В какой уникальной стране мы жили...»: ностальгия по советскому

Понимание советского в публицистике 1990-х годов определено объективной сложностью природы советской действительности и знанием о советском, которым обладает писатель. С одной стороны, он нацелен на рациональное осмысление, интерпретацию ушедшей эпохи во всем множестве ее практик, с другой стороны, характер оценок определяется глубокими эмоциональными процессами.

Автор исходит из неоднородности советского прошлого и принципиально отказывается от его идеализации. «Идеализировать советский период не надо, тягот, происходящих из твердолобой идеологии, не желавшей поступиться хоть одной буквой, хватало»[54]. Советская идеология понимается как ложная, вступающая в противоречие с жизнью. Не желающая поступиться ничем, связанным с развитием жизни, но не умещающимся в рамки доктрины, идеология торжествует над жизнью, господствующие идеологические формы подменяют собой все многообразие реальности, ее онтологических и социально-

---

[53] Распутин В «...Но как на свете без любви прожить»... С. 8.

[54] Распутин В. Доля ты русская / беседу вел В. Кожемяко // Распутин В., Кожемяко В. Последний срок. диалоги о России 1993—2003 Трудные времена глазами писателя и журналиста / 2-е изд. М., 2006. С. 102.

исторических закономерностей. Составляет советскую идеологию утопический проект преобразования жизни, который, игнорируя реальность и человека, приобретает абстрактную, спекулятивную природу — «культ догматизированных фикций» (Р. Редлих), в этом качестве препятствуя органическому развитию жизни. Проводник утопической идеологии – политический режим (партийно-советская номенклатура, политико-административная система) — рассматривает человека и реальность (природную и социальную) отчужденно, как объект администрирования («вычислительная мораль»), что приводит к разрушению основ существования.

Отвергая идеологию, В. Распутин отмечает и конструктивные составляющие советской системы: «...Но социальные завоевания будут долго еще нам сниться как чудный сон. Да и кроме того — как можно отвергать целую эпоху, в которой страна добилась невиданного могущества и стала играть первую роль в мире?!»[55] С точки зрения писателя, советская эпоха предложила, во-первых, определенные формы социального устройства, которые давали человеку ощущение защищенности, уверенности в завтрашнем дне, во-вторых, сформировала сильную государственность, обеспечивавшую мировое лидерство страны. Драматическая утрата этих достижений в связи с распадом Советского Союза стала невосполнимой в новых условиях.

Социальное устройство советской страны вспоминается как система, в основе которой лежат принципы справедливости, поддержания определенного уровня материального достатка граждан при доступности и равномерном распределении благ: «Только теперь начинаешь вполне понимать, в какой уникальной стране мы жили. Хлеб в столовых бесплатный, а в магазинах он стоил копейки; образование бесплатное да еще и заставляли учиться (вот диктат!); <...> из одного конца страны размером в шестую часть суши в другой ее конец можно было долететь за половину зарплаты...»[56] Такая социальная

[55] Распутин В. Доля ты русская С 102.

[56] Там же.

система упорядочивает общественные отношения и поддерживает относительно здоровый нравственный климат в обществе («...О наркоманах слыхом было не слыхать»[57]). Советская модель социального устройства, основанная на коллективистических принципах, оказывается органичной национальному характеру, соответствует национальным представлениям о справедливости В целом советское время связывается с верой людей в универсальные ценности. По В. Распутину, идеология не только не исключает, но и поддерживает в широких общественных слоях нравственные начала: «...Атеистическое государство, предлагающее под своей вывеской евангельские заповеди»[58]. (При этом на состоянии нравственности и культуры весьма позитивно сказывается наличие официальных ограничений, государственная регламентация культурной сферы, исключающая из нее все этически не должное, недопустимое: «...Искусства процветали отнюдь не за счет гадостей; интеллигенция с черными бородками и плутоватыми глазками не в Кремле восседала, а по кухням шепталась»[59]).

Для В. Распутина в СССР ценна сильная государственность, которая обеспечивает суверенитет страны — независимость во внешней политике, самостоятельность во внутренних делах, территориальную целостность (страна, имеющая «авторитетную самостоятельную политику»[60]; «самостоятельная и самодостаточная величина»[61]). В этом аспекте происходит конверсия образа СССР в историко-географический образ России. С одной стороны, СССР оценивается с точки зрения преемственности «великого государства, имеющего тысяче-

[57] Распутин В Доля ты русская... С. 102.

[58] Распутин В. У нас поле Куликово, у них — «Поле чудес» / беседу вел В. Кожемяко // Распутин В., Кожемяко В Последний срок диалоги о России. М , 2006. С. 44.

[59] Распутин В. Доля ты русская... С. 102.

[60] Распутин В. Нет, не кончено с Россией... / беседу вел В. Кожемяко // Распутин В., Кожемяко В Последний срок: диалоги о России. С. 9.

[61] Распутин В. У нас поле Куликово, у них — «Поле чудес» // Распутин В., Кожемяко В. Последний срок: диалоги о России. С. 56

летнюю историю»[62], что позволяет говорить о советской государственности как об органичном «проявлении национальной силы». Советский Союз наделяется чертами национального государства, особенно в последние десятилетия, когда в духовной жизни происходит «возвращение национальной и исторической России»[63], пробуждение национального сознания, намечается национальное обновление[64]. Государственность понимается как национальная идея русского народа, основной фактор идентичности. Интенциональность народа заключается в строительстве сильного государства, в свою очередь, составляющего необходимое условие для развития (духовно-нравственное совершенствование)[65].

С другой стороны, советская государственность интегрирует разнообразные национальные общности, что соответствует исторической миссии России — включение в свой состав на добровольной основе народов для их охраны и благополучия. Советская (российская) государственность упорядочивает межнациональные отношения в исторически общем пространстве существования, поддерживая национальные идентификационные процессы, утверждает идею семейственности советских народов, общности их исторических судеб перед лицом общих угроз («...Бастион, которым держались национальное разноо-

---

[62] Распутин В. Нет, не кончено с Россией . С 12.

[63] Распутин В. Всю жизнь я писал любовь к России / беседу вел В. Кожемяко // Распутин В., Кожемяко В. Последний срок. диалоги о России. С 33

[64] «Идеологические ростки этой образной конверсии просматриваются уже в 1960—1970-х годах, когда формировались ментальные основы нового российского почвенничества, нового российского патриотизма и национализма» См Замятин Д. Географический образ России и постсоветские языковые идентичности // Космополис. 2008. № 1 (20) С 98.

[65] «У каждого народа должна быть национальная и государственная идея Для русских — это освободиться от навязанного им комплекса неполноценности, осознать свое достоинство и неповторимость, понимать под достоинством не национальную спесь, а духовно-качественное строительство. Для России — это сохранение своей государственности, возвращение былой славы и чести» См.: Распутин В. После событий, накануне событий С 57—58.

бразие и самобытные судьбы»[66]), — расширяется до сверхидентичности.

Выражая в 1990–2000-е годы ностальгию по советскому государству, тоску по силе и достоинству народа, выдвигая императив укрепления Россией своего суверенитета[67], В. Распутин выступает с апологетикой империи — многонационального государственного образования, в основе которого лежит идея наднационального, универсального характера государства. Советское государство наделяется чертами «теллурократии» (К. Шмитт) или «идеократии» (П. Савицкий, Н. Трубецкой).

При этом имперская идеология не самоценна, а является исторической необходимостью (защита автономии в условиях громадных пространств страны), которую подтверждает сам факт распада СССР — Советский Союз распадается в ходе системного кризиса государственности, под влиянием как внутренних (догматизация официальной сферы, отчуждение элиты и общества), так и внешних (многолетняя подрывная работа геополитического противника — Запада) обстоятельств.

В. Распутин подчеркнуто выступает против сакрализации советского проекта, предостерегает от мифологизации фигуры И. Сталина, имя которого в постсоветский период стало синонимом сильной государственности для огромной части российского общества, переживающего процессы маргинализации[68].

---

[66] Распутин В. У нас поле Куликово, у них — «Поле чудес» // Распутин В., Кожемяко В. Последний срок: диалоги о России. С. 57.

[67] «Я верю — мы останемся самостоятельной страной, независимой, живущей своими порядками, которым тыща лет». См.: Распутин В. Не тот победитель? / беседу вел В. Кожемяко // Распутин В., Кожемяко В. Последний срок: диалоги о России. С. 25.

[68] «Новые проблемы молодой России, освободившейся от марксистско-ленинской идеологии, достаточно быстро привели к тому, что коммунистическое прошлое снова стали подвергать ревизии, акцентируя внимание не на его преступлениях и ошибках, а на государственнической идее, которой якобы только служил "советский проект"». См.: Фирсов С.Л. Адольф Мюнхенский и Иосиф Великий — политические «святые» религиозных маргиналов // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. № 2. С. 243.

Писатель наблюдает естественную защитную реакцию народа на те условия, в которых он оказался: тоска по порядку, социальной справедливости, сильной государственности — органическое проявление национальной психологии в условиях моральной дезориентации: «...Россия — такая почва, такой климат, что и в сверхтерпеливом народе выращивает она возмездие в виде, выражаясь думским языком, делегированной наверх сильной личности Ведь посмотрите: сделать из Сталина чудовище не удалось. Его оправдание в народе достигло, как мне кажется, чрезмерной святости»[69].

В рефлексии о советском затрагиваются также альтернативные пласты его реальности, противопоставленные официальным сферам. С точки зрения писателя, сохраняя определяющее значение в сферах политики, государственного управления и экономики, идеологический дискурс к 1970-м годам редуцируется, становится чисто формальным на уровне человека и общества — не препятствует естественным процессам пробуждения национального и экологического сознания, обеспечивает питательную среду для развития культуры, «подлинной», продолжающей классические традиции, русской литературы[70] Механизм этих процессов — сопротивление живой жизни навязанным фикциям, мертвые идеологические формы сами способствуют своему разрушению: «Литература в советское время, думаю, безо всякого преувеличения могла считаться лучшей в мире. Но она потому и была лучшей, что для преодоления идеологического теснения ей приходилось предъявлять всю художественную мощь вместе с духоподъемной силой возрождающегося национального бытия. Литературе, как и всякой жизненной силе, чтобы быть яркой, мускулистой, требуется сопротивление материала»[71].

---

[69] Распутин В. Рубеж горя и беды или все-таки надежды? / беседу вел В. Кожемяко // Распутин В., Кожемяко В Последний срок: диалоги о России С 81

[70] Подчеркивается, что время не исключало осознание себя русским (а не советским) писателем

[71] Распутин В. Всю жизнь я писал любовь к России С. 33.

В. Распутин осознает закономерность распада СССР, вскрывает нежизнеспособность, порочность советской системы[72]. Критическое отношение к советской системе и идеологии (разочарование) формируется еще в советскую эпоху и фиксируется в экологической публицистике[73]. Именно здесь отражены «размывание» единого советского политического мифа на закате СССР, рационализация общественного сознания, конструирование новых (культурных) мифов (формирование при помощи публицистики и художественной литературы альтернативной идеологии, системы ценностей и приоритетов) Отвергая «авторитарный дискурс», писатель тем не менее последовательно выявляет его «конструктивные значения» — в сфере государственности, социальных отношений, нравственности и культуры.

Ностальгическое переживание советского прошлого возникает в ходе интенсивной эмоционально-психологической реакции на состояние жизни в современной России, т.е. на факты социального порядка; стимулирующие механизмы возникновения ностальгии по советскому не редуцированы и проявляются уже в оценках состояния России периода постперестройки как катастрофического — общенациональная трагедия утраты государственности, суверенитета, и как следствие — целостности миропорядка; завершение эпохи, имеющей немало положительного. Оценки социального вскрывают глубоко личные мотивы ностальгии — несоответствие, конфликт действительности и исходных мировоззренческих установок писателя. Сознание автора оказывается не в состоянии освоить современность, которая остается непонятной; ирреальные законы новой социальной

---

[72] «Официальная политика» выстраивалась по законам тоталитарных и авторитарных обществ, объективно пытавшихся отстранить число акторов политики и «вытолкнуть» значительную часть населения из сферы политического». См.: Нарсия Г.М. Преодоление советского прошлого. проблемы и противоречия // Вестник Рос гос. гуманит. ун-та. 2009. № 1. С. 128.

[73] См. Каминский П.П.. Человек, природа, общество в публицистике В Астафьева и В Распутина // Вестн Том. гос. ун-та. Филология. 2010 № 2 (10). С 89–99.

жизни не укладываются в сложившиеся рамки представлений о жизни.

С одной стороны, писатель может утверждать национальный характер советской государственности, с другой стороны, упрекать советское руководство в отсутствии « ..национальной политики в отношении к русскому человеку»[74]; противоречить себе в оценках советской социальной системы как справедливой («Лишенные справедливости, люди потеряли чувство справедливости, и тот нравственный закон, на котором справедливость держится, был ими сознательно упущен...»[75]); избегать высказываний о политических репрессиях и цензуре, и т.д. Новые условия, реальное настоящее придают прошлому личному опыту писателя, который соотносится с социальным опытом народа, новую аксиологическую окраску[76]; «Прошлое удивительным образом инкапсулируется, становится сверхценным и в каком-то смысле противостоит вторжению настоящего, пытаясь сохранить исчезающий образ себя»[77]. Можно говорить о стремлении примирить знание с памятью, о поиске компромисса с правдой прошлого. Писатель затрудняется сформировать отношение к советскому, проявляя расщепленное состояние личности.

Эмоционально-психологический феномен ностальгии в публицистике В. Распутина может быть обусловлен не только социальными детерминантами, но и особенностями его мышления. Ностальгическое переживание советского определяется спецификой реакции традиционного (коллективистического, утопического) сознания на коренные изменения жизни; низкая

[74] Распутин В Доля ты русская . С 103.

[75] Распутин В. Дни наши тяжкие / беседу вела А Жарова // Распутин В Г Россия· дни и времена. С. 83.

[76] Так, в интервью 1998 г «Многобедное наше счастье – жить в России» В Распутин выражает негодование, что построенное комсомольскими призывами (к которым писатель имел непосредственное отношение) оказалось украденным «империями Гусинского, Березовского и Потанина». См.: Распутин В. Многобедное наше счастье – жить в России / беседу вел Г. Немченко // Российская Федерация сегодня. 1998 № 18/19. С. 53

[77] Зинченко А В. Ностальгия диалог знания и памяти // Культурно-историческая психология 2009. № 2. С 77.

адаптивность такого сознания приводит к противоречивости оценок, расщепленному состоянию личности. Советское становится моделью, фрагменты советской действительности играют роль идеологических и культурных указателей в идентификационных процессах в связи с растерянностью, дезориентацией постсоветского общества.

«Потрясения рождают растерянность»: ситуация мировоззренческого кризиса писателя

Категорическая, авторитарная тональность поздней публицистики В. Распутина позволяет некоторым критикам определять способ мироотношения писателя как «раскольнический»[78]. Еще с начала 1980-х годов народ дифференцируется им на население страны и корневую основу нации. С конца 1980-х годов эта концепция приобретает новое звучание. Писатель начинает осознавать свершившийся раскол России. С одной стороны, выделяется население — та часть народа, которая поддалась пагубным влияниям, приняла «чужую и срамную» жизнь — «денационализированное общество». С другой стороны — собственно народ («...коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, врученные нации при рождении»[79]). Интенциональность народа оказывается скрытой, находится в латентном состоянии («А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определенного часа, в который и способна взбугриться, словно под давлением миновавших веков»[80]), но воплощается в ограниченной части соотечествен-

---

[78] «Распутин — это слабое эхо протопопа Аввакума и — шире — всей раскольничьей традиции, тихий последыш грандиозного духовного бунта, не прекратившегося и по сей день. Это резко выделяет писателя среди всех "деревенщиков", делает его явлением по-своему исключительным». См.: Басинский П. Memento mori. Валентин Распутин, большой и маленький // Лит. газ. 1992. № 44 (5421). 28 окт. С. 4.

[79] Распутин В. У нас Поле Куликово, у них — «Поле чудес» / беседу вел В. Кожемяко // Сов. Россия. 1998. 2 апр. С. 5.

[80] Там же.

ников («Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлекать за собой многих»[81]). «Коренная» порода нации называется «второй Россией» («У нас, верно, две России»[82]). Участники первого Русского национального собора, состоявшегося в июне 1992 г., противопоставляются всем остальным — «отпавшим и соблазненным»[83]. Как гражданская война начинают восприниматься социальные противоречия: «Война способов жизни, война нравов, жестокая война за место под солнцем»[84]. Социальная ситуация демократической России сравнивается со Смутным временем. В публицистике широко используется военная образность и терминология.

В 1992 г., характеризуя мировоззренческую позицию В. Распутина-писателя, П. Басинский ссылается на книгу протоиерея Г.В. Флоровского «Пути русского богословия» (Париж, 1937): «Эмоциональный фон — Апокалипсис. Благодать ушла из мира. Значит, необходимо уходить из истории. Отсюда — парадоксальная, на первый взгляд, активность раскола в мирских делах. “Эсхатологический испуг, апокалиптическая мнительность, вдруг оборачивается своего рода гуманизмом, самоуверенностью... ” Раскол — это “теократическая утопия”»[85].

Позиция, к которой призывает и которой следует сам В. Распутин, может быть обозначена как позиция «дифференцированного» человека (Ю. Эвола) — воздвижение в себе духовной крепости, различение зла в мире и исключение его влияний на собственную душу: «Я знаю только один рецепт: не поддаваться разрушению, видеть грозящее тебе зло и уметь разглядеть

---

[81] Распутин В У нас Поле Куликово, у них — «Поле чудес» / беседу вел В. Кожемяко // Сов. Россия 1998 2 апр. С. 5.

[82] Распутин В. Тихая его родина / беседу вел Н. Савельев // Рос. газ. 1999. 6 нояб С 5

[83] Распутин В «Так создадим же течение встречное » Выступление на первом съезде Русского Национального Собора // Распутин В Г. Россия дни и времена. С. 47—54.

[84] Распутин В. «...Но как на свете без любви прожить»... С 8

[85] Басинский П. Memento mori. Валентин Распутин, большой и маленький.. С 4

его в любых упаковках. Выключить беснующийся телевизор, не раскрывать развратные газеты; не внимать злонамеренным речам. Без зрителей, читателей и последователей они все равно не останутся, но пусть обходятся без нас. Этому воинству мы не противники»[86]. Если индивидуальное спасение писатель видит в том, «чтобы не дать затянуть себя в круг, где творится торжище зла», то в социальном аспекте предлагает соборную модель поведения — «...сходиться вместе»[87]. Силы для обеспечения духовного самостояния (национального самосознания) и противостояния необходимо черпать в национальной истории и народной нравственности.

Значительную часть публицистического наследия конца 1980-х — начала 1990-х годов составляют публичные выступления на всевозможных съездах (Русского Национального Собора, Союза писателей России и т.д.), что свидетельствует об обращении к чистой политической риторике с пропагандистской установкой: «И если соберем волю каждого в одну волю — выстоим! / Если соберем совесть каждого в одну совесть — выстоим! / Если соберем любовь к России каждого в одну любовь — выстоим!»[88] При этом тексты такого рода отличается усложненным стилем, говорящим о фактическом отсутствии установки на широкую доступность понимания содержащихся в ней идей — ориентация на узкий круг единомышленников, обладающих высоким уровнем культуры и своеобразным семантическим кодом — «истинных» представителей народа, «национальную» интеллигенцию.

В. Распутин не пишет глобальных проектов государственного переустройства России, как А. Солженицын («Как нам обустроить Россию?»). В основном он касается проблем сохранения нравственности и национального сознания, в общем говорит о самых разных общественных язвах, не выдвигая, однако, конкретных мер их излечения[89] — сосредоточивается на

---

[86] Распутин В. Дни наши тяжкие... С. 75.

[87] Там же.

[88] Распутин В. «Так создадим же течение встречное...»... С. 54.

[89] Распутин В. Возвращение России / беседу вел А. Байбородин // Сибирь. 1991. № 1. С 3–34.

нравственной проповеди: «Нет у меня, к сожалению, спасительных советов. Нет ничего такого, чего бы вы не знали. Жить по совести»[90].

Важный фактор самоощущения В. Распутина в начале 1990-х годов (в особенности после подписи под «Письмом к народу»), безусловно повлиявший на характер оценок новой социальной действительности, – ожидание по отношению к себе репрессивных мер. В интервью «Литературной газете» в январе 1992 г. писатель говорит, что ощущает себя приговоренным к «гражданской казни через поношение»[91]. Неоднократно высказывается ожидание ареста. Так, выступая на VII съезде Союза писателей России, В. Распутин говорит: «Сегодня свой съезд мы проводим в армейском театре, но опубликованный проект Конституции России дает надежду на то, что в следующий раз нам придется собираться в более романтическом месте и в более сюжетно-увлекательных условиях»[92]. Наконец, писатель допускает вероятность своей физической ликвидации: «...если человек держится, не поддается психологическому террору, могут пойти и на отстрел в прямом смысле этого слова»[93]. Как прецедент приводится убийство И. Талькова и калужского журналиста И. Фомина. Все это свидетельствует о формировании в сознании В. Распутина мученического самоощущения.

В 1980-е годы В. Распутин верит в возможность преодоления ощущаемого кризиса. Путь видится в гуманизации прогресса: «Человеческий прогресс, который оказался сейчас в кризисном положении, необходимо вернуть на ту линию существования, откуда он может продолжаться как прогресс, а не как случайное и опасное движение»[94]. В первой половине 1990-х годов писатель выражает сдержанный оптимизм, утешается и хочет верить в позитивные изменения: «Нет, надо верить. Зло, быть может,

[90] Распутин В. После событий, накануне событий... С. 71.
[91] Там же. С. 55.
[92] Распутин В. Россия уходит у нас из-под ног... С. 43.
[93] Распутин В. После событий, накануне событий... С. 67.
[94] Распутин В. Вопросы, вопросы... С. 179.

и необоримо до конечных сроков, но оно не может праздновать полную победу. И праведники еще остаются, и не выжили совершенно люди из бескорыстия, благоразумия, веры»[95]. В конце 1990-х годов часто высказывается полное разочарование и тотальный пессимизм: «Мне думается, есть две вещи, не зависимые ни от какого правительства, ни от наших усилий, потому как это зашло слишком уж далеко и приняло, по всему видно, необратимый ход. Первое — разрушение природы, второе — "расчеловечение" человека»[96].

В этот период встречаются противоречивые суждения. «...Для нашей молодежи планка нравственных устоев действительно существенно понизилась. Но не упала. Разговоры же о том, что молодежь нынче стала не та, слишком американизировалась и многого не понимает, пустое. Старое, всегдашнее ворчание», —например, говорит В. Распутин в 2000 г., комментируя митинги протеста российской молодежи против натовских бомбардировок Югославии[97]. Иная оценка современной молодежи, похожая на то самое «старое, всегдашнее ворчание», высказывается двумя годами позже: «Я все время всматриваюсь в лица людей. К семнадцати годам на них уже все прописано. И последнее время все больше и больше вижу у молодежи равнодушие... Извините, грубо скажу, тупые лица. И не потому что ничего не понимают. А они с какой-то окорью. Как корой покрыты!»[98]

Реальность теряет осмысленность, становится фрагментарной. В. Распутин реагирует на локальные ее фрагменты и, в силу универсализма своего мышления, делает обобщающие оценки, порой противоречащие друг другу. Тяжелые психологические состояния скрываются писателем, но проступают в его высказываниях, записанных внимательными журналистами: «Сомнения, по правде говоря, посещают часто. Уныние

[95] Распутин В. Вниз по Лене-реке. С. 99.

[96] Распутин В. Потрясения рождают растерянность... С. 2.

[97] Распутин В. По-русски — значит по совести. Оптимистическая проза «пессимиста» Валентина Распутина / беседу вела Т. Серебрякова // Рос. газ. 2000. 21 апр. С. 25.

[98] Распутин В. Чиновники забыли о людях... С. 3.

тоже случается. Иногда и безнадежность полная бывает. Но нельзя... Нельзя этому поддаваться. И главное — нельзя свое личное настроение высказывать публично. Это же сказывается на других»[99].

Робкие надежды на национально-государственное возрождение появляются только на рубеже 1990 — начала 2000-х годов: «В России нельзя прожить без нравственности. Слава Богу, что в последнее время это высокое понятие вновь заняло подобающее ему место. И нынешние политики заговорили о нем с трибун»[100]. С наступлением нового века отношение к социальной действительности становится сдержаннее, что может быть объяснено окончательным завершением «травли» и новым признанием. В последние годы писатель удостаивается ордена Преподобного Сергия Радонежского II степени, медали ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени, ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, многочисленных премий («Москва–Пенне», премии А.И. Солженицына, «России верные сыны», Президента РФ и др.) и чувствует себя востребованным: «...сейчас меня начинают признавать заново. И это как чудо. Признавали при той, при старой, власти. Признавали широко. И теперь начинают. И вот это постоянство позиции, наверное, начинает уважаться»[101]. Ему пишут письма дети, и В. Распутин говорит, что «это очень приятно».

По мере прочного установления в России новой социально-политической системы, к середине 1990-х, В. Распутин ощущает бесплодность прямого, риторического слова публицистики, недостаточную его эффективность в новых исторических условиях: «Все разошлось по своим позиционным местам, политическая фразеология надоела, обличения разбоя и бесстыдства в обществе, где стыд отменен, результата не приносит...»[102] Обозревая плоды своей публичной деятельно-

[99] Распутин В Чиновники забыли о людях . С. 3.

[100] Распутин В По-русски – значит по совести. С 25.

[101] Распутин В Чиновники забыли о людях... С. 3.

[102] Распутин В. У нас Поле Куликово, у них — «Поле чудес» // Сов. Россия 1998 2 апр С 5

сти, писатель заносит себе в актив как действительные достижения лишь участие в работе по предотвращению поворота сибирских рек и правительственное постановление по Байкалу в 1987 г.: «1980-е — начало 90-х у меня почти полностью заняла публицистика. Уж больно горячие были годы Хотелось воздействовать, хотелось предупредить какие-то трагические события <...> Главными темами были нравственность, экология, поворот северных сибирских рек, борьба за культуру, охрана памятников и многое другое. Я отдал этому дань. Думаю, что даже в большей степени, чем требовалось. Не могу сказать, что это не принесло никаких результатов, но, к сожалению, эти результаты упали на такую почву, что, в конце концов, результат оказался невелик»[103].

Это заставляет переосмыслять задачи своей публицистики. Теперь писатель не стремится при помощи прямого слова воздействовать на ход социальных процессов, побудительная функция отходит на второй план: «Я склонен считать, что ни одного патриота, т.е. человека, гражданина, способного выработать в себе любовь к исторической России, но не выработавшего ее по недостатку нашей агитации, мы не потеряли. Патриотизм не внушается, а подтверждается»[104]. В публицистике как и прежде комментируются события и процессы современности (как правило, в жанре интервью, предполагающем широкий круг вопросов), главной же целью высказывания становится обнадеживающее слово: «Подобного рода разговоры, как наш с вами, нужны лишь в двух случаях — когда они дают поучительный и глубокий анализ происходящего и когда предлагают надежду. Надежда, сейчас больше нужна надежда — и она есть, ее только нужно назвать»[105].

---

[103] Распутин В Надо, чтобы храм, Церковь были заложены в человека с раннего детства, с первыми понятиями о мире и жизни / беседу вел В Полищук. [Электронный ресурс]. Режим доступа: pravoslavye org.ua. 01 03 2004

[104] Распутин В. У нас Поле Куликово, у них — «Поле чудес» // Сов. Россия 1998 2 апр. С 5.

[105] Там же.

Безрезультатность публицистики, духовное истощение на общественно-политическом поприще и сомнения о заброшенном призвании заставляют В. Распутина возвращаться к литературному творчеству: «Что касается моей литературной работы, то где-то с 1993-го г. я понял, что превращаюсь чуть ли не в пепел, потому что общественная работа требовала сердца, требовала горячности. Было ощущение, что ты настолько раскалился, что можешь лопнуть. И тогда я стал осторожнее, хотя не отказался от этой деятельности, по-прежнему приходится этим заниматься, не заниматься нельзя — и решил вернуться к литературе. Стал писать рассказы, написал повесть "Дочь Ивана, мать Ивана"»[106]. Но возвращение в литературу характеризуется творческим кризисом, когда писателю трудно видеть и чувствовать жизнь как прежде.

В высказываниях обнаруживаются глубинные причины творческого кризиса В. Распутина, о котором критики заговорили после публикации повести «Пожар» в 1985 г. Литература оказывается более не в состоянии исследовать ирреальные законы новой социальной жизни, создать модель стремительно меняющейся и воспринимаемой как абсурдная, не укладывающейся в рамки имеющихся представлений, жизни: «Что касается "знакового" художественного образа для выражения нынешнего состояния России — его литература предложить не смогла. Я думаю, потому, что реальность оказалась за гранью возможностей литературы. Больше того — наступила эпоха за гранью жизни. Для нее единственный образ — Апокалипсис в Откровении Иоанна Богослова»[107]. Помимо острого переживания социальных проблем, В. Распутин начинает испытывать духовное опустошение внутри себя: «Да, писать, как Толстой, Бунин, Лесков мы сейчас не сможем. Как будто ветер прошелся не только вокруг нас, но и по нам самим и унес что-то главное»[108]. Реальность утрачивает

---

[106] Распутин В. Надо, чтобы храм, Церковь были заложены в человека с раннего детства...

[107] Распутин В. У нас Поле Куликово, у них — «Поле чудес» // Сов. Россия. 1998. 2 апр. С. 5.

[108] Распутин В. Тихая его родина. С. 5.

для писателя качество познаваемости. Мир меняется, тогда как способ мышления остается неизменным.

В 2002 г., работая над повестью «Дочь Ивана, мать Ивана», писатель признавался: «Работаю и над большой вещью, но идет с трудом»[109]. После выхода повести он говорит, что часто откладывал работу над ней и писал рассказы: «Пишу, пишу, прилично уже написал, смотрю — не годится»[110]. В. Распутин очень сомневался, стоит ли писать о преступлении, действительно произошедшем в Иркутске, пока священник не сказал ему «...на войне как на войне»: «Действительно, идет война. Война на уничтожение нас как народа, как людей. Кто же будет нас защищать, если ни государство, ни закон нас защищать не хотят?»[111] Можно предполагать, что книга как бы сопротивлялась неестественному использованию прямого, публицистического слова автора, в результате чего не удавалось обрести необходимую позицию эстетического видения.

В публицистике неявно проступает осознание собственной духовной трагедии. В. Распутин чувствует, что писатель не должен заниматься общественно-политической работой — тогда он перестает быть писателем. Писательство связывается с чистотой таланта, который должен стоять над сиюминутными социальными противоречиями. В 2001 г. В. Распутин пытается определить, какое бы место занял А. Вампилов в ситуации постсоветской России, и делает вывод: «Со своим большим и светлым талантом Александр Вампилов принадлежит литературе, театру, а не партиям и направлениям. В литературе он занимает заметное и тоже какое-то светлое, самоосвещающееся место, видимое и почитаемое с разных сторон»[112]. Оправдание находится в вынужденном характере борьбы. Однако в очерке уже выражается отстраненный взгляд на общественные боре-

---

[109] Распутин В. Чиновники забыли о людях... С. 3.

[110] Распутин В. Надо, чтобы храм, Церковь были заложены в человека с раннего детства...

[111] Там же.

[112] Распутин В. Он прощал незаполненную душу, но не прощал пустоты // Рос. газ. 2001. 28 февр. С. 5.

ния, ироничная оценка избранной ноши: «Россия разделилась, а вместе с нею разделились на два лагеря и товарищи А. Вампилова. Те и другие время от времени предъявляют на него свои «партийные» права: он был наш. Делать этого не следовало бы ни тем, ни другим, потому что, повторяю, Вампилов принадлежит литературе»...»[113]

[113] Распутин В. Он прощал незаполненную душу, но не прощал пустоты... С. 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публицистический дискурс Валентина Распутина, исследованный как целостное, становящееся высказывание, воплощает онтологический, этический, эстетический, исторический, социальный уровни мировоззрения писателя. Основные мировоззренческие доминанты (представления о человеке, социуме, бытии) детерминированы как архетипами коллективного бессознательного, так и социально-историческими условиями существования (мир русской деревни), что позволяет определить мировоззрение писателя как традиционное.

В публицистике конца 1950 – начала 1960-х годов формирование картины мира определяет «коллективистическое» мышление (догматизм, авторитарность, символизм, спекулятивная ориентация, дидактизм, этический иерархизм) с присущим ему социальным утопизмом в оценке действительности и человека. С другой стороны, с начала 1960-х годов в публицистике актуализируется архаический, мифологический уровень мышления. Рудименты архаических моделей культуры, глубинные семантические коды, дорефлективные схемы и символы особо отчетливо проявляются в зрелой публицистике, составляя ядро мышления писателя. Актуализация архаического в мышлении способствует преодолению социального детерминизма, открытию глубины и сложности организации природного и человеческого бытия, определяя становление персонального мировоззрения В. Распутина, которое оформляется в публицистике к концу 1970-х годов.

В зрелой публицистике воплощена универсальная модель бытия, основанная на природно-космическом мироощущении, имеющем характер мистического опыта. В. Распутин одухотворяет природу, воспринимает ее как иерархически организованную, непротиворечивую систему — космос. Онтология охватывает все сущее, в свою очередь, связанное с трансцендентным. Человек и общество генетически включены в структуру бытия, которое в идеале определяет направ-

ленность и составляет опору человеческого и социального существования.

Структурообразующим началом мировоззрения выступает этика. Деонтология задает стратегию целеполагания и социального поведения, систему мотиваций. Этика долженствования в публицистике писателя онтологична, сводится к природному и родовому указу. На ее основе формируются представления о миссии художника как медиума запредельного нравственного закона, праведника и проповедника.

Эстетический уровень мировоззрения определяет взгляды писателя на словесное творчество как форму национального самосознания и самосознания жизни. Система этических и эстетических представлений детерминирует взгляды писателя на язык (средоточие национальной субстанциальности), культуру, искусство (способ творческого самовыражения народа), литературный процесс 2-й половины XX в., творчество (роль и значение художественного вымысла, взаимоотношения автора и героя). С представлениями о бытии как тайне связана поэтика многозначности, тяготение к мифу, символу.

На основании представлений о взаимосвязи и взаимодействии человека (социума) и природы формируется исторический уровень мировоззрения писателя — представления о цивилизации, историческом процессе и современности, национальном своеобразии русского народа и исключительности его исторической судьбы. Мировоззрение писателя исторично, но архаическое в своем ядре мышление определяет мифологизацию истории, идеализацию прошлого, когда историческое развитие наделяется регрессивной динамикой. Мифологические представления об онтологическом времени природных циклов переносятся на социальное время, обусловливая эсхатологизм В. Распутина. Отсюда особое восприятие современности как времени кризиса. Анализируя многообразные экологические и социальные проявления кризиса, писатель определяет его сущность и происхождение, выстраивает систему детерминант — цивилизационных (отрыв человека от природы) и социально-исторических (противо-

речия национальной истории). Проблема поколений интерпретируется как разрыв. Реакция традиционного сознания на коренные изменения жизни рождает ностальгическое переживание советского прошлого.

Поздняя публицистика обнаруживает мировоззренческий кризис писателя, причины которого — в невозможности изменения фундаментальных мировоззренческих установок в социально-исторической ситуации, безжалостно их ломающей.

Указатель имен

Научное издание

Каминский Петр Петрович

«ВРЕМЯ И БРЕМЯ ТРЕВОГ»
Публицистика Валентина Распутина

Монография

Подписано в печать 22 02 2012 Формат 60×88/16 Печать офсетная.
Усл -печ л. 14,21 Уч.-изд. л 10,12
Тираж 300 экз. Изд № 2512 Заказ № 584

ООО «ФЛИНТА», 117342, г Москва, ул Бутлерова, д 17-Б, комн 324
Тел /факс (495)334-82-65, тел (495)336-03-11
E-mail flinta@mail ru, WebSite www flinta ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г Москва, В-485,
ул. Профсоюзная, д 90

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
ООО «Ваш полиграфический партнер»,
ул. Ильменский пр-д, д 1, корп. 6
Тел (495) 926-63-96, www bukivedi com, info@bukivedi com

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Каминский Петр
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики журналистики, докторант кафедры истории русской литературы XX века Национального исследовательского Томского государственного университета. Автор научных работ о публицистке В.Г. Распутина, В.П. Астафьева и С.П. Залыгина.

П.П. Каминский

«Время и бремя тревог»

ПУБЛИЦИСТИКА ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

ФЛИНТА • НАУКА